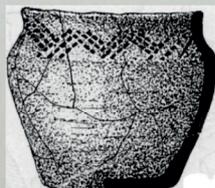
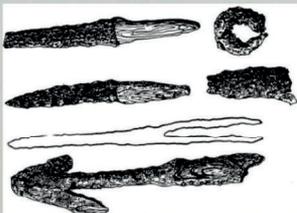
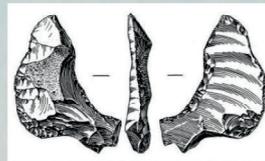

Е.Н. Тарасенко

ОКРЕСТНОСТИ РОЗОВКИ ДО МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Исторический очерк

Е.Н. Тарасенко

**ОКРЕСТНОСТИ РОЗОВКИ
ДО МОНГОЛЬСКОГО
НАШЕСТВИЯ**

Исторический очерк

*г. Мариуполь
2012 г.*

Е.Н. Тарасенко

Окрестности Розовки до монгольского нашествия
Исторический очерк

Редактор: Вереникин В.Н.

Компьютерная вёрстка, дизайн: Горбунов В.В.

Вниманию читателей предлагается книга краеведа, настоящего патриота своего родного края Евгения Николаевича Тарасенко. Он родился в поселке Розовка Запорожской области и остался верен своим истокам, куда бы ни бросала его судьба. Автором проделана огромная работа по изучению истории Розовского района от каменного века до конца первой четверти XIII столетия. Им изучен и переработан поистине громадный пласт научной литературы по выбранной тематике. Эта книга, безусловно, будет с интересом встречена не только широкими массами читателей, но и учеными-краеведами.

Оформление и печать:

Издательство ЧП «СВБ-ЛЮКС».

Свидетельство ДК № 2383 от 21.12.2005 г.

Издательство ЧП «СВБ-ЛЮКС»

г. Мариуполь

тел/факс: (0629) 34-82-65

моб.: 050-477-06-26

096-145-46-93

E-mail: victver@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Весомое слово о родном крае.....	4
Введение.....	5
1. От ледника к современной степи.....	8
2. Культуры энеолита и бронзы.....	18
3. Киммерийцы, скифы, сарматы.....	40
4. От вторжения готов до Хазарского каганата.....	60
5. Русь и кочевая Степь до монгольского нашествия.....	78
5.1. Время печенегов и торков.....	78
5.2. Половцы, Черные Клобуки, бродники.....	89
5.3. О каменных бабах.....	107
6. Битва на Калке.....	119
6.1. Появление монголов в Половецком поле.....	119
6.2. О датировании битвы на Калке.....	122
6.3. Прелюдия, битва и поражение.....	126
6.4. О месте битвы на Калке.....	137
Приложение.....	168

Весомое слово о родном крае

Северное Приазовье, истории которого посвящена книга Евгения Николаевича Тарасенко «Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк», - трудный район для изучения. Здесь явно не хватает работ, обобщающих и синтезирующих опыт предшествующих историков и краеведов.

Спецификой этого региона с древнейших времён и до XIX века был неравномерный ритм развития древних народов, обусловленный климатом степной зоны. Редкие периоды увлажнения способствовали стабильной полуоседлой жизни. Норма же здесь - периодическая смена населения, миграции, сопутствующие засушливому климату. Часто этническая смена была неполной, смешивались и накладывались друг на друга разные культурные традиции, усложняя общую картину.

Доисторический период нашего региона приходится описывать, опираясь лишь на археологические источники, а это очень и очень непросто. Главное – понять, обобщить, не упустить ценные находки и схватить ритм развития. Автор широко использовал как опубликованные материалы отдельных памятников, так и обобщающие работы, отчёты о раскопках памятников, ввёл в оборот пока неизвестное учёным собрание школьного музея. Пусть не очень многочисленные, но выразительные иллюстрации дополняют легко написанный текст, приближают читателя к миру древней материальной культуры.

Исторический период начинается в Приазовье в железном веке (I тыс. до н.э.). Но и этот период порождает свои проблемы. Приходится отождествлять археологические памятники с конкретными историческими народами письменных источников, что требует ответственного и взвешенного подхода. Описанная в книге многолетняя дискуссия о локализации Кремн Геродота – яркое тому подтверждение. Используя материалы интересных археологических памятников, автор убедительно и ярко обрисовал жизнь кочевых племён: киммерийцев, скифов, сарматов.

Раннее средневековье в Северном Приазовье имеет узкую историческую базу, что связано с малым количеством археологических находок и ещё меньшим числом исторических источников. К тому же они созданы представителями европейской или восточной цивилизаций, имеют ярко выраженную тенденциозность и демонстрируют пренебрежение к «диким» обитателям наших степей – кочевникам. Однако и здесь, «пройдя по лезвию ножа», Е.Н. Тарасенко удалось нарисовать убедительную картину жизни в Приазовье.

Кочевники средневековья в Северном Приазовье оставили очень яркие памятники. Это своеобразные погребения и каменные скульптуры. Очень хорошо, что этим памятникам в данном историческом очерке уделено достойное внимание.

И, конечно, «изюминкой» истории Северного Приазовья является битва на Калке, известная всем ещё со школьных учебников. Заслуживает глубокого уважения та тщательность, с которой автор подошёл к освещению поисков места этого знаменитого сражения. Сводка древнерусских источников, оригинальная карта – ориентир по месту сражения вводят читателя в мир различных мнений историков по этому вопросу и заставляют приобщиться к поиску. Это мудрый подход и умный ход автора, воспитывающий новых искателей истины и патриотов – знатоков истории своей земли.

Книга Евгения Николаевича Тарасенко «Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк» будет полезна любознательным жителям Северного Приазовья и краеведам, может она использоваться и как учебное пособие по истории родного края.

Л.И. Кучугура,

ведущий научный сотрудник Мариупольского краеведческого музея.

А.С. Пушкин

Введение

Начиная исторический очерк, относящийся к событиям на небольшой территории, автор всегда стоит перед выбором тех пространственных и временных рамок, в которые они вынуждены (терпение читателя безгранично!) поставить свое повествование.

Прежде всего, это история не только поселка, но и местности, в которой он расположен. Ведь задолго до появления на месте будущей Розовки и других сел постоянных поселений, через наши места прошли волны кочевых народов, оставивших такой след в истории, что, без их упоминания, очерк будет неполным.

Излагая историю отдельной местности, невозможно понять и объяснить ее ход, замкнувшись в чисто местных рамках, в ближайших окрестностях, не обращаясь к истории Киевской Руси и Золотой Орды, Крымского ханства и Литвы, Речи Посполитой и России. Поэтому географические рамки повествования будем устанавливать, руководствуясь самой его логикой, необходимостью понимания и объяснения исторических событий, то ограничивая их ближайшими окрестностями поселка, то расширяя до всего Левобережья Украины или огромной когда-то Речи Посполитой.

Географические и природные факторы во многом определяют ход исторического процесса, поэтому необходимо кратко остановиться на рельефе, речной сети, климате и растительности на территории нынешнего Розовского района.

На карте (*См. Приложение: рисунок В.1*) территория района, в границах 1992 года, представляет собой неправильный многоугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад почти на 50 км, площадью 610 кв. км. Поселок Розовка находится в юго-восточной части района, на пересечении железной дороги Волноваха-Камыш-Заря и автомобильной дороги Мариуполь-Запорожье. Железная дорога проходит практически по линии водораздела, южнее которой лежат верховья рек Каратыш (левый приток Берды) и Кальчик (правый приток Кальмиуса), а севернее находятся истоки Сухих Ялов и Кобыльной, принадлежащих к системе левых притоков реки Волчьей, впадающей в Днепр. Если встать на железнодорожном переезде между Розовкой и Луганским на дороге Мариуполь-Запорожье, то капли дождя, падающие южнее железнодорожной насыпи, окажутся со временем в Азовском море, а севернее – потекут через Днепр в Черное море. Естественных непересыхающих водоемов на территории района нет, верховья перечисленных выше рек превращаются ко второй половине лета в сухие балки, хорошо, если остается цепь отдельных луж. Все местные пруды (ставки) – дело рук человеческих, и это единственные непересыхающие водоемы.

Местность в Розовском районе представляет собой слабохолмистую равнину высотой 180-200 метров над уровнем моря, пересеченную балками, и постепенно понижающуюся к северу от водораздела. Это восточная окраина Приазовской возвышенности, являющейся восточной оконечностью Украинского кристаллического щита, породы которого (гнейсы, граниты) обнажают-

ся местами по склонам балок. Во всей красе эти породы, возрастом 1,2 -1,6 миллиарда лет, предстают в заповеднике Каменные Могилы, часть территории которого находится на землях нашего района. Здесь выходы кристаллических пород на поверхность образовали целую горную страну в миниатюре, отдельные вершины которой (Лягушка, Острая) на 50 -70 м возвышаются над окружающей местностью.

Климат на территории района континентальный, несколько смягчает его близость Азовского моря. Зима мягкая, малоснежная, с большим количеством оттепелей. Иную зиму снега не дожدهшься не только к Новому году, но и к середине января. Однако в январе-феврале нередки морозы до -30°C , особенно ночью. Во второй половине зимы морозы часто сочетаются с сильными восточными ветрами, несущими пыль со снегом. Весна затяжная, часто прохладная и ветреная, и начинается она в конце февраля - начале марта. Лето жаркое, среднемесячная температура июля составляет $22,5^{\circ}\text{C}$, во второй половине лета и 38°C днем – совсем не редкость. Июнь более прохладен, часто дождлив. Осень теплая, сухая, продолжительная, с частым возвращением тепла (дни «бабьего лета»). Морозная погода устанавливается обычно в декабре, но часто прерывается оттепелями и дождями. Годовая сумма осадков в районе – 470 мм, большая их часть приходится на грозовые летние ливни, нередко сопровождаемые градом. Максимум осадков наблюдается в июне.

Вся территория Розовского района лежит на юге степной природной зоны, преобладающий тип почв – обыкновенные черноземы, известные своим плодородием. По балкам встречаются, как уже говорилось выше, обнажения кристаллических пород (розовых и красных гранитов, гнейсов). Иногда на крутых склонах балок видны выходы глины и чистого песка. Желтым и белым песком сложен левый борт (склон) долины Сухих Ялов на участке от Урицкого до Антоновки, где он поднимается над окружающей плоской степью эффектным, почти 20-ти метровым уступом.

Былая травянистая растительность ковыльно-типчаковой степи на землях Розовского района исчезла почти начисто, замененная ныне полями пшеницы, подсолнечника, кукурузы и других сельскохозяйственных культур, а на обочинах дорог и пустырях – сорняками -космополитами. Жалкие остатки степного разнотравья уцелели по неудобьям: в балках, на крутых склонах холмов, в полосе отчуждения железной дороги (участок от поста 368 км до блок-поста 375 км). Великолепная степная растительность сохранилась в заповеднике Каменные Могилы, но там, в основном, представлена петрофильная (растущая на камне) флора, которая не может дать полного представления о былой степи на черноземах нашего района.

Ситуация с древесной растительностью (деревья, кустарники) несколько иная. До оседлого заселения территории района (конец XVIII – начало XIX века) кустарники были представлены различными видами шиповника, терновником, боярышником, лохом. Отдельные деревья встречались по балкам, где ближе грунтовые воды. Леса здесь не было, по крайней мере, в последние 5 тысяч лет. Массовые посадки в нашем районе дуба, вяза, белой акации, осокоря черного, береста, груши, шелковицы начали немцы-колонисты в первой половине XIX века. Деревья они сажали не только у своих домов, но и к востоку от каждой колонии, где возникли небольшие рощи, частично сохранившиеся и сегодня. Лесопосадки вдоль железной дороги появились в начале XX века, сразу после ее строительства. Основная часть лесополос в районе была

посажена в 1948-1965 годах по Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) "О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР", принятому 20 октября 1948 года. Важными вехами в озеленении явилась посадка в 1925 году сквера-сада в пристанционной части поселка Розовка и закладка в 1949 году у Дома культуры крупнейшего в районе парка им. 30-летия ВЛКСМ.

Таким образом, за истекшие без малого двести лет, на безлесных землях района появилось множество деревьев, которых здесь раньше не было. В последние 15-20 лет интенсивная и почти бесконтрольная рубка деревьев в посадках, массовая их гибель при выжигании жнивья в конце лета наводят на невеселые мысли: накопленного в районе нашими предшественниками зеленого изобилия надолго не хватит.

Таковы основные параметры природной среды в Розовском районе, истории которого посвящен настоящий очерк.

Первые археологические исследования в окрестностях Розовки были проведены генерал-лейтенантом Н.Е. Бранденбургом (1839-1902), с 1872 года заведовавшим артиллерийским музеем в Санкт-Петербурге. В 1889 году, при поисках места битвы на Калке, он исследовал два кургана у немецкой колонии №1 Киршвальд Мариупольского уезда (нынешнее село Вишневатое), где были выявлены захоронения бронзового века. В 1949-1951 годах в Приазовье работала Скифская степная экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР под руководством профессора МГУ Б.Н. Гракова (1899-1970). В 1986 году сотрудниками археологической лаборатории ЗГУ под руководством Г.Н. Тощева и С.И. Андрух было проведено сплошное обследование территории Розовского района с целью выявления и учета археологических памятников (в основном, курганов), в результате выявлено 92 насыпи. С 1992 года в окрестностях Розовки начала работу Восточная археологическая экспедиция (ВАЭ) Запорожского областного краеведческого музея, которой руководил В.А. Самар. В 1994 году она была преобразована в Восточную археологическую экспедицию Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры (ВАЭ ЗОИОПИК). Существенный вклад в обнаружение археологических памятников, сохранение и описание отдельных случайных находок внесли местные краеведы В.И. Марюха, В.А. Сиренко, С.П. Шевчук и руководимый им школьный археологический кружок Шевченковской школы, бывший учитель истории из Новомлиновки Е.Н. Мазина.

К сожалению, территория Розовского района в археологическом отношении все еще исследована достаточно слабо. Кто знает, какие исторические сокровища хранят наши курганы? А их как распахивали, так и продолжают распахивать...

В заключение, несколько слов о форме и стиле очерка. Множество замечательных исторических работ написано в сухом и строгом академическом стиле, но читают их почти исключительно специалисты-историки, обычному читателю осилить их бывает и трудно, и скучно. Поэтому автор старался по возможности сочетать строгое следование выводам исторической науки с занимательностью повествования, отделяя достоверно установленные факты от правдоподобных предположений. Насколько это удалось – судить читателю.

1. От ледника к современной степи

Человек появился в Северном Приазовье в эпоху, когда климат здесь существенно отличался от современного. Днепровское оледенение (в зарубежной литературе именуемое рисским), начавшееся 350 тыс. лет назад и продолжавшееся более 100 тыс. лет [1], оказало сильное влияние на природную среду в наших местах. Язык ледника продвинулся тогда на юг по долине Днепра почти до Днепропетровска. Местность южнее ледника представляла собой сухую и холодную тундростепь и лесотундру, поросшую высокой травой, стелящимся кустарником, маленькими, чахлыми деревцами ивы и лиственницы. Животный мир в наших местах был представлен в то время мамонтом, шерстистым носорогом, овцебыком, северным оленем, лошадью, бизоном. У границы ледника располагалась зона таяния, изобилующая в теплое время года мелководными озерами, которые давали приют огромному количеству водоплавающей птицы. Такой пейзаж характерен в настоящее время для тундры на севере Сибири. О неоднократных находках костей мамонтоподобных животных в Северном Приазовье между Бердой и Кальмиусом упоминал в своей обзорной работе [2] за 1925-1929 годы известный мариупольский краевед П.М. Пиневич. Такие костные останки были обнаружены в обрыве на берегу Азовского моря между Новопетровкой и Урзуфом (1927 год), на склонах балки Камышеватой у Юрьевки (3 случайных находки в 1916 и 1921 годах), в урочище «Каменные Могилы» (1927 год), при строительстве стана «3600» на «Азовстали» (1969 год).

Древнейшие следы пребывания человека в Северном Приазовье, обнаруженные до настоящего времени, приурочены к реке Миус и побережью Таганрогского залива. У села Герасимовка на южном берегу Миусского лимана и восточнее Таганрога, у села Бессергеновка, найдены каменные орудия возрастом более 400 тыс. лет [3], относящиеся к раннему палеолиту (древнему каменному веку). Используя эти орудия питекантропы пришли на юго-восток Украины из Восточного Средиземноморья, скорее всего, через Малую Азию, Балканы и Карпаты, так как путь через Северный Кавказ преграждал тогда Кумо-Манычский пролив, соединявший Черное и Каспийское моря в один огромный водный бассейн [4].

Самые древние орудия труда, обнаруженные на юго-востоке Украины, в Донбассе, относятся к так называемой ашельской эпохе [5] (по предместью Сент-Ашель города Амьен, Франция). Основной тип орудий – каменные рубила, достоверно доказано использование огня, хозяйство построено на собирательстве и охоте (в том числе, на крупных животных). Известны единичные находки ашельских рубил классической формы в окрестностях Амвросиевки, Макеевки, Артемовска. Наиболее знаменито амвросиевское рубило, найденное еще в 1935 году и ставшее первым достоверным свидетельством раннего присутствия человека на востоке Украины [5]. На территории Розовского района ашельские орудия или каких-либо иные памятники раннего палеолита до настоящего времени не зафиксированы.

Постепенно климат становился более теплым и влажным, ледник таял и отступал на север, началось рисс-вюрмское межледниковье – потепление, пик

которого наступил 130-120 тыс. лет назад [1]. В это благодатное время среднегодовая температура в Европе была даже на 1,5-2 градуса выше современной. Климат Центральной и Восточной Европы напоминал субтропический. Большую часть Русской равнины занимали широколиственные леса из граба, дуба, вяза. Как полагают специалисты по древней растительности (палеоботаники), по внешнему облику эти леса были очень близки к растущим сегодня на южных склонах Кавказа, в Краснодарском крае и в Абхазии. Северная граница широколиственных лесов проходила примерно на 800 км севернее нынешней. Основными видами животных были носорог Мерка, лесной слон, косуля, благородный олень. Значительное потепление и увлажнение климата должно было сформировать в Северном Приазовье разреженные светлые широколиственные дубравы или настоящую степь.

115-110 тыс. лет назад климат снова изменился в сторону похолодания, стало гораздо суше. Началось Валдайское оледенение, называемое в Западной Европе вюрмским [1]. На Русской равнине, включая ее юг, снова воцарились тундра и лесотундра с характерной растительностью и животным миром. В конце вюрмского оледенения уровень Черного моря был на 70-90 метров ниже, чем сегодня [6], уменьшилась его соленость. Азовское море высохло, его дно превратилось в сухую низменность, покрытую сетью озер и мелких лиманов, где протекал древний Дон от его нынешнего устья до Керченского пролива. Во время Валдайского оледенения климат не был постоянно холодным и сухим, специалисты выделяют несколько волн потепления и похолодания.

Средний палеолит или эпоха Мустье (по пещере Ле-Мустье во Франции) датируется временем 100 - 35 тыс. лет назад [4]. Северное Приазовье и Донбасс заселяли тогда неандертальцы, о чем свидетельствуют находки каменных орудий мустьерской эпохи. Такие орудия (остроконечники, скребла, небольшие рубила) обнаружены по Миусскому лиману (Носово, Герасимовка, Рожок I и II, Левинсадовка, Чапаевское, Христофоровка) и реке Миус (Матвеев курган), на побережье Азовского моря (Седово, Самсоново, Обрыв, Новоазовск, Безыменное), по рекам Грузской Еланчик (Еланчик I, Греко-Александровка), Кальмиус (окраина г. Донецк, Моспино) [3]. В устье балки у села Рожок на берегу Азовского моря, между Миусским лиманом и Мокрым Еланчиком, находилась многократно использовавшаяся неандертальцами стоянка (временный охотничий лагерь).

Ближайшим к Розовке памятником среднего палеолита является стоянка на берегу Азовского моря в нескольких километрах к востоку от Мариуполя (на юго-западной окраине села Широкино) [7], непосредственно на территории нашего района мустьерские памятники пока не обнаружены.

Еще в мустьерскую эпоху в Крыму и в Донбассе, наряду с неандертальцами, появляются кроманьонцы (по пещере Кроманьон, Франция), люди современного вида (*Homo sapiens*), по своему физическому облику мало отличающиеся от нас с вами. Эти два вида сосуществовали довольно долго, и это

сосуществование, судя по некоторым признакам, совсем не было мирным. Переходные формы между ними пока не обнаружены, а становление современного кроманьонского человека, как писал В.В. Отрощенко в известной коллективной монографии [4], «все еще окутано ореолом тайны».

В позднем (верхнем) палеолите (40-10 тыс. лет назад) климат отличался особой сухостью и суровостью [8]. В это время неандертальцев полностью сменяют кроманьонцы, владевшие более совершенной техникой обработки кремня и расширенным ассортиментом изделий из кремня и кости. Кроманьонцы были искусными охотниками на крупного зверя, они умели загонять стада в такие места, где животных было легко добыть. Об этом свидетельствуют найденные археологами на территории Донецкой области громадные кучи костей (например, Амвросиевское костяк на реке Крынка, образовавшееся более 18 тысяч лет назад) [4]. Рядом с костяком, являвшимся местом регулярной сезонной охоты на бизонов и разделки их туш, располагалось поселение – сезонное стойбище на период охоты.

Позднепалеолитические памятники обнаружены к югу и востоку от Розовки.

В нижнем течении Кальмиуса кремневые орудия позднего палеолита выявлены у сёл Заможное, Новосёловка, Фёдоровка (Тельмановского района), у поселка Пищевик, у сел Орловское и Гнутово в Новоазовском районе [3].

Позднепалеолитические стоянки находятся возле села Федоровка (на берегу Каратыша [3] и близ устья балки Водяной) [7]). Стоянка на высоком правом берегу Каратыша была открыта в 1972 году и затем исследовалась А.А. Кротовой в 1979 и 1981-1984 годах. Эта стоянка позднего палеолита заселялась дважды, 15 и 13 тыс. лет назад [3]. Наряду с кремневыми изделиями, выявлены следы костров, пятна охры. Обитатели стоянки охотились на бизона.

Совсем рядом с территорией Розовского района, в окрестностях села Малая Янисоль (Куйбышево) Володарского района, на реке Кальчик, обнаружено целых шесть стоянок конца позднего палеолита [7], датируемых временем 14-13 тыс. лет назад [3]. Раскопки здесь проводились А.А. Кротовой в 1978 - 1979 годах, были найдены кремневые изделия, среди них – своеобразные острия и обломки костей животных.

Утверждается [9], что стоянки у Федоровки и Малой Янисоли связаны с временным улучшением климата в Северном Приазовье. Существовали они в холодный, но достаточно влажный период с обилием леса. Впрочем, в лесное изобилие среди тундры или лесотундры верить с трудом. Логичнее предположить наличие отдельных островов леса в речных долинах.

Стоянка Кальчик, относимая к позднему палеолиту, обнаружена на левом берегу Старокрымского (так в источниках, на современной карте – Кальчикского) водохранилища, в окрестностях села Гранитное [3, 7]. Здесь найдено более 600 изделий из кремня (в том числе и 14 различных кремневых микропластинок для составных орудий) [3].

Кремневые изделия эпохи позднего палеолита обнаружены по балкам, левым притокам Каратыша, у сел Новоромановка (балка Водяная) [7] и Боевое (балка Соленая) [3].

Ближайшим к Розовке памятником позднего палеолита, расположенным всего в нескольких километрах к югу от Каменных Могил, является стоянка Украинка I [3], открытая сотрудником Института археологии НАН Украины Н.С. Котовой в 1996 году в ходе разведочных работ в верховьях Каратыша.

На финальном этапе позднего палеолита коллективная специализированная охота на крупных животных (в основном, бизона) сменяется индивидуальным добыванием отдельной подвижной дичи, наряду с бизоном в составе добычи фиксируются теперь лошадь, волк, песец, бобр, байбак [3]. Изменение животного мира в Северном Приазовье связано, скорее всего, с началом отступления ледника, за южной кромкой которого двинулись на север и стада крупных животных.

Конец Валдайского оледенения наступил около 10 тыс. лет назад. Климат становился все более теплым и влажным, увеличилось количество осадков. Повысился уровень Черного и Азовского морей. Их береговая линия приобрела очертания, близкие к современным. Начался голоцен, так называют специалисты современную послеледниковую эпоху, которая продолжается и сейчас [1, 10]. На юге Русской равнины вымерли мамонт, шерстистый носорог, северный олень, сократилась численность бизона, коллективная охота на которого доставляла в Северном Приазовье средства существования человеку палеолита.

С отступлением ледника связывают начало среднего каменного века (мезолита) [10]. Каменные орудия становятся меньше по размеру, тоньше и легче, их принято называть микролитами. Это геометрические корудия, представляющие собой маленькие кремни поперечником 1—2 см в виде сегментов, трапеций, треугольников. Их использовали в качестве вкладышей в костяную или деревянную основу, расщепленную вдоль, закрепляли вязущим веществом (смолой) и перевязками. В мезолите широко распространяются лук и стрелы с наконечниками-микролитами. Главными объектами охоты становятся вымершие ныне дикий бык тур и степная лошадь тарпан, благородный олень, кабан.

На территории современной Украины выделяют три области распространения мезолита: южную (Крым, степи Северного Причерноморья и Приазовья), лесостепную (среднее Поднепровье, бассейн Северского Донца) и лесную. Мезолитические культуры Причерноморья, Степного Крыма и Приазовья входили в Кукрекскую культурно-историческую общность (КИО) [4].

В Запорожской области ближайшими к Розовскому району памятниками южного мезолита являются нижний слой многослойного поселения под Мелитополем на реке Молочной (у подножия холма Каменная могила, близ с. Терпенье), а также древнейшие родовые кладбища у сел Васильевка и Волошское близ днепровских порогов [10].

В Донецкой области ближайшие к Розовке мезолитические памятники (стоянки) расположены в нижнем течении реки Кальмиус. Это Пищевик-1 и Орловское, названные по одноименным селам в Тельмановском и Новоазовском районах [9]. Мезолитическая стоянка Ольгинка, находившаяся в 3 километрах к юго-западу от одноименного поселка (на левом берегу реки Сухая

Волноваха), содержит следы охоты на тура, тарпана, благородного оленя, кабана и других животных [7, 9]. Финалом мезолита датирована стоянка Серединовка в среднем течении реки Кальчик (в нескольких километрах восточнее Володарского) [3].

Всего в 50 километрах к юго-востоку от Розовки, на левобережье нижнего течения Кальмиуса между селами Гнутово и Пищевик, был обнаружен в 2001 году геологом из ДНТУ В.И. Алехиным [11] вырезанный на скальном обнажении петроглиф (рисунок на камне), изображающий быка (рис. 1.1). Позднее, в 2006 году, этот интересный древний памятник изобразительного искусства был независимо открыт и обследован В.А. Забавиным [12].

(См. Приложение: рисунок. 1.1)

По интерпретации и датировке находки развернулась оживленная дискуссия [11], но к настоящему времени можно считать твердо установленным, что петроглиф не является современной подделкой, а изображает он, скорее всего, вымершего ныне степного бизона. Датировка рисунка остается довольно неопределенной: от мезолита до раннего бронзового века, для ее уточнения необходимы дополнительные исследования [11]. В.А. Забавин датирует находку поздним палеолитом [12], указывая на некоторые параллели с ориньякской культурой, однако редакция журнала, где опубликована его работа, считает такую датировку недостаточно обоснованной.

В 200 метрах от рисунка быка в 2005 году авторами работы [11] был обнаружен еще один петроглиф, изображающий лошадь. Он датирован более поздним временем: от конца неолита до среднего бронзового века. Обращает на себя внимание близость мезолитических стоянок Пищевик-1 и Орловское к местам находки петроглифов, их разделяют всего несколько километров.

Весьма перспективным местом поиска петроглифов в окрестностях Розовки представляются Каменные Могилы. Массив возвышается над всей окружающей степью, он не мог не привлечь внимание древнего человека. На скальных обнажениях и отдельных глыбах имеется множество плоских поверхностей, удобных для нанесения петроглифов. Обращает на себя внимание появившаяся в последнее время в Интернете информация [13] о наличии на вершине горы Острая тамгообразного знака в виде тризубца и какой-то надписи.

Несмотря на анекдотический характер заметки и сомнительность выстраиваемых автором гипотез и интерпретаций (и в наших местах без атлантов не обошлось!), сам факт наличия надписи не мешало бы проверить.

Непосредственно на территории Розовского района мезолитические каменные орудия были обнаружены А.И. Приваловым в 1975 году в окрестностях с. Листвянка [14, 15]. Напротив села, на левом берегу реки Кальчик, на высоте 10-12 метров над уровнем реки (дном балки), им собрана небольшая коллекция кремневых изделий позднего мезолита (рис. 1.2). Максимальные размеры орудий не превышают 2-3 см. Среди них кремень 1 в форме трапеции с вогнутыми боковыми сторонами, округлый скребок 2, среднеширокие ножевидные пластины 3 и 4, режущие кромки которых сформированы ретушью. Собранные материалы были переданы в фонды Археологической экспедиции Донецкого университета. Кремневые орудия из Листвянки датируются поздним мезолитом [15].

(См. Приложение: рисунок. 1.2)

Место, где А.И. Привалов собрал мезолитические кремни, представляет собой в настоящее время участок балки с сезонным водотоком в верховьях Кальчика, ориентированный в пределах села Листвянка с северо-востока на юго-запад. Находки приурочены к северо-западному склону балки, занятому сухой типчаково-ковыльной степью и имеющему выходы глины, песка и небольшие обнажения коренных пород. Склон не распахивается, а используется под пастбище.

По имеющейся в нашем распоряжении информации, пока это единственное достоверное и описанное в научной литературе местонахождение мезолитических орудий на территории Розовского района, что свидетельствует, на наш взгляд, лишь о крайне неудовлетворительной изученности наших мест в археологическом отношении.

Упомянутые в описании памятников истории и культуры Запорожской области [14] разновременные изделия из камня, собранные в окрестностях Новомлиновки учителем истории Е.Н. Мaziной и хранящиеся в школьном музее села, насколько нам известно, в научной литературе все еще не описаны, во всяком случае, нам такое описание найти не удалось. К коллекции Е.Н. Мaziной обратимся ниже, так как она сама относит собранные с помощью учеников каменные орудия к эпохе неолита.

Климат становился все более теплым и влажным, начался атлантический климатический период (6000 - 2500 лет до н. э.) [16] . Около 7,5 тыс. лет назад отмечен климатический оптимум, наилучшие условия на юге Русской равнины [1]. Светлые, пронизанные солнцем, широколиственные лесостепные дубравы, в сочетании с поросшими высокой травой лугами, проникли далеко на юг. Если и росли в прошлом в окрестностях будущего поселка Розовка разреженные широколиственные рощи, то это могло иметь место только в период климатического оптимума. По долинам Берды, Кальчика, Каратыша, Сухих и Мокрых Ялов могли существовать островки настоящего широколиственного леса. В голоцене, начиная с середины VI тысячелетия до н. э., формировались черноземы - настоящее сокровище нашей степи [4]. Уровень Азовского моря во время климатического оптимума был выше современного на 2 - 4 метра [6].

Несколько забегаая вперед, отметим, что около 5 тыс. лет назад теплый и влажный атлантический период завершился так называемым суббореалом [1, 16], периодом иссушения и похолодания. Границы леса и лесостепи на Левобережье Украины отступили к северу. Окрестности Розовки стали настоящей степью в современном понимании этого слова.

Животный мир нашей степи в неолите был куда богаче нынешнего. Из копытных встречались степной бизон, тарпан и сайгак, из хищных и грызунов – волк, лиса, шакал, байбак. В долинах рек, под сенью отдельных деревьев и кустарника, жили европейский тур, зубр, благородный олень, косуля, дикий кабан. Приустьевые участки рек и побережье Азовского моря изобиловали рыбой.

В атлантический период на территории Украины начинается эпоха неолита (нового каменного века). Главное ее содержание – переход человека

от присваивающих форм хозяйства (охота, собирательство) к производящим (земледелие и животноводство). Достаточно развитая техника скола и ретуши при изготовлении каменных орудий дополняется шлифованием, пилением и сверлением. Дефицит кремня приводит в отдельных местностях (вероятно, и в Приазовье) к широкому использованию костяных орудий. Появляется такой важнейший инструмент, как топор, возникает примитивная, изготовленная без гончарного круга, ленточная глиняная посуда. Начинается использование для ловли рыбы сетей, сплетенных из растительных волокон.

Природные условия предопределяли дальнейшее развитие неолитических культур. В достаточно влажном климате или при наличии рек, которые во время разлива приносили плодородный ил и формировали доступные для обработки примитивными орудиями почвы, начиналось развитие земледелия. В более засушливых районах основой производящего хозяйства неизбежно становилось скотоводство. Существенную роль в неолитическом хозяйстве продолжали играть охота и рыбная ловля.

В раннем неолите, во время климатического оптимума, в Западном Приазовье сложилась, на основе местного мезолита, сурская (по Сурскому острову в районе Днепровских порогов) археологическая культура, просуществовавшая почти 1400 лет (5700 – 4350 гг. до н.э.) [3, 4]. Ее население занимало степное Поднепровье и Северное Приазовье, включая, на востоке, бассейны рек Берда и Кальмиус. Для сурской культуры характерно скотоводство (основа стада – коровы и овцы или козы) и примитивное земледелие (выращивание пшеницы, ячменя и проса). Остродонная посуда украшалась ямками, наколами, прочерченными линиями. Кремневые изделия представлены миниатюрными скребками для обработки шкур. Поселения сурской культуры обнаружены на островах у Днепровских порогов, в нижнем течении реки Молочной (Семеновка 1, Каменная Могила 1), к более позднему периоду относится стоянка Раздольное на Кальмиусе. А.И. Привалов, собравший на юго-востоке Розовского района, у Листвянки, коллекцию кремневых изделий, трактуемых сейчас как мезолитические, не исключал их принадлежность к сурской культуре [3].

К позднему неолиту Северного Приазовья относится нижнедонская археологическая культура (НД АК), возникшая на основе местного мезолита с участием ракушечной культуры из низовья Дона и выходцев из Приуралья [3]. Ближайшим к территории Розовского района памятником нижнедонской культуры является Мариупольский могильник, обнаруженный в августе 1930 года при строительстве завода «Азовсталь» и подробно исследованный Н.Е. Макаренко [3]. Его именуют самым выдающимся памятником неолита Украины [4], и не напрасно. Изучение Мариупольского могильника прошло за последние почти 80 лет долгий путь, и современные взгляды [17, 18] на него заметно отличаются от более ранней его интерпретации, как памятника единой днепро-донецкой археологической культуры [19].

По современным представлениям, могильник содержит не менее 130 неолитических захоронений, но имеются и погребения эпохи энеолита [17] с отдельными украшениями из меди, о которых речь пойдет в следующей главе.

По характеру погребального обряда захоронения в Мариупольском могильнике относятся к двум последовательным этапам нижнедонской АК. Для первого этапа (47 погребений) характерно расположение умерших на спине, в вытянутом положении по линии восток – запад, окрашивание охрой в обряде не использовалось. В захоронениях обнаружены изделия из раковин, кремневые орудия, несохранившуюся одежду украшали пластинки из клыков кабана (рис. 1.3). На втором этапе (83 погребения) захороненных посыпали в могилах красным порошком – охрой («кровью мертвых») и укладывали в индивидуальные ямах на спине или на боку, либо усаживали в слабо скорченном положении с подтянутыми ногами, ориентация захоронений не изменилась [18]. В погребениях №8 и №31 обнаружены две крестовидные каменные булавы из полированного серпентина (змеевика), трактуемые как символы власти родовых вождей (рис. 1.3). Эти захоронения отличаются набором предметов (инвентарем) и ориентацией, скорее всего умершие были вождями двух разных родов, составлявших общину, между которыми заключались браки.

Судя по материалам Мариупольского могильника, члены жившей на берегу Кальмиуса неолитической общины охотились на дикого кабана, оленя, волка, лису, птиц, ловили рыбу (вырезуб, плотва), собирали по берегу моллюсков - перловиц (*Unio*). Обнаружены фигурки быка (рис. 1.4), вырезанные из клыка кабана, свидетельствующие о разведении крупного рогатого скота. Следы земледелия, насколько можно понять из опубликованных материалов, не выявлены. находка пряслица свидетельствует о существовании ткачества. Украшения из неолитических захоронений Мариупольского могильника представлены бусами из различных материалов, подвесками и костяными пластинками, нашиваемыми на одежду (рис. 1.3). Среди обнаруженных неолитических изделий из кости своим реализмом и мастерством исполнения выделяются две фигурки быка

(См. Приложение: рисунок. 1.3)

из погребения № 101 (рис. 1.4). Вырезанные из клыка кабана, кости теплого кремового тона, они являлись не только украшениями, но и предметами поклонения (фетишами), свидетельствующими о возникновении в Северном Приазовье неолитического культа быка [18].

(См. Приложение: рисунок. 1.4)

По результатам радиоуглеродного анализа органики из погребения №50, неолитические погребения второго этапа Мариупольского могильника могут быть датированы 5500 – 5400 гг. до н.э. [3].

Из-за прогрессирующего иссушения климата после 5200 г. до н.э. часть населения нижнедонской АК уходит в Западное Приазовье и поселяется там среди сурских общин, покинувших сухие степи между Доном и Кальмиусом еще раньше, около 5300 г. до н.э. [17]. В результате взаимодействия сурской и нижнедонской АК, возникла азово-днепровская неолитическая культура, охватывающая Степной Крым, Поднепровье и Западное Приазовье. Нижнедонская и азово-днепровская культуры входили в Мариупольскую культурно-историческую область (КИО). Резкое иссушение климата (по Н.С. Котовой [17], растительность в наших местах была близка тогда к полупустынной) привело к исчезновению нижнедонской АК и формированию между Доном

и Кальмиусом первой энеолитической культуры – среднестоговской. Погребения №21 и №24 из Мариупольского могильника отнесены уже к среднестоговским [17].

В литературе описан целый ряд случайных находок каменных орудий, которые могут принадлежать эпохе неолита, в ближайших окрестностях Розовки. Мариупольский краевед П.М. Пиневиц сообщает в своем известном обзоре доисторических изысканий за 1925-1929 гг. [2] о топоре-молоте из черного полированного камня, обнаруженном летом 1925 года у Каменных Могили учениками Темрюкской школы (сейчас – село Старченково). Там же он пишет о находке в 1926 году кремневого наконечника стрелы или копья длиной 6,6 см и шириной 3,2 см, его обнаружил чабан на поле близ Каменных Могили. В том же году П.М. Пиневиц нашел у Каменных Могили изделие из отшлифованного песчаника, напоминающее по форме и размерам куриное яйцо, по его мнению – камень для пращи [2].

В отчете сотрудника Мариупольского краеведческого музея В.М. Евсеева о посещении им в апреле 1941 года Каменных Могили сообщается о сделанных там отдельных неолитических находках на кургане и неолитической стоянке, открытой им же в 1940 году [3].

Как уже упоминалось выше, в школьном музее села Новомлиновка хранится собрание каменных орудий, состоящее в настоящее время из 43 предметов (частично они представлены на рис. 1.5 – 1.6). Коллекция была собрана школьниками под руководством учителя истории и увлеченного краеведа Е.Н. Мазиной почти за тридцатилетний период (50-е – 80-е годы XX века). Воспользовавшись ее поездкой в Новомлиновку (Е. Н. Мазина в настоящее время на пенсии, проживает в г. Запорожье), автор этих строк и розовский краевед В.И. Марюха 14 июля 2009 года встретились с Екатериной Николаевной в надежде получить разрешение на осмотр и фотосъемку экспозиции школьного музея. В личной беседе хотелось уточнить очень существенные для нас вопросы о местах находок каменных орудий и их датировке. Хотелось бы высказать благодарность Е.Н. Мазиной и администрации местной школы: нам дали возможность не только тщательно осмотреть экспозицию, но и сфотографировать, обмерить наиболее интересные экспонаты – прежде всего каменные орудия.

По материалу и технологии изготовления коллекцию можно разделить на две части: небольшие изделия из кремня (рис. 1.5) и более массивные предметы из камня с отшлифованной поверхностью (рис. 1.6). Кремневые орудия включают скребки, ножевидные пластины, остроконечники и набор вкладышей для серпа. По размеру все эти предметы можно отнести к микролитам. Скребки и ножевидные пластины имеют определенное сходство (форма, размеры) с обнаруженными А.И. Приваловым кремневыми орудиями в Листвянке, которые датированы мезолитом (рис. 1.2). Набор вкладышей для серпа из 10 кремней (рис. 1.5, в), по нашему мнению, явно неолитический или даже более поздний (энеолит, бронза). Он свидетельствует о земледелии - занятии, которое никак не соответствует современным взглядам на мезолит. Фрагмент (ударная часть) боевого топора (рис. 1.6, а) из темного камня (диорит?) с тщательно отшлифованной поверхностью формой, размерами и наличием продольной канавки

на боковой поверхности напоминает один из трех боевых топоров (№ 577), представленных в экспозиции Мариупольского краеведческого музея и датированных эпохой бронзы (II-е тысячелетие до н.э.). Молоты из школьного музея Новомлиновки (рис. 1.6, б) не имеют отверстий и выглядят более примитивными, чем аналогичные по назначению орудия из Мариупольского музея, обнаруженные в окрестностях города и отнесенные к эпохе бронзы (II-е тысячелетие до н.э.).

(См. Приложение: рисунок. 1.4, 1.5, 1.6)

В личной беседе Е.Н. Мазина подтвердила свою датировку коллекции из Новомлиновки, как относящейся к неолиту (что и написано на соответствующих этикетках к каменным орудиям на стенде в школьном музее). Крайне необходимо изучение этого интересного собрания специалистами, которое позволило бы, как мы надеемся, окончательно решить вопрос о датировке входящих в него экспонатов и отнесению их к определенной археологической культуре.

О местах находок фрагмента каменного топора и молотов Е.Н. Мазина могла сообщить лишь то, что их в разное время принесли в школу Новомлиновки ее ученики, а собраны были эти предметы непосредственно на территории села или в его ближайших окрестностях. Информация о происхождении большинства орудий из кремня была более конкретной. Екатерина Николаевна любезно согласилась проехать с нами на место и лично указала на склоны небольшой балки, выходящей на западный берег большого пруда (ставка) в Новомлиновке, приблизительно в 1 километре к северу от кладбища, на западной окраине села. Здесь, по ее словам, ученики и находили, время от времени, миниатюрные кремневые изделия, которые затем оказались в школьном музее.

Вот и вся не слишком обильная информация о находках эпохи каменного века в нашем районе и его ближайших окрестностях, которую нам удалось собрать на настоящий момент. Скучность ее объясняется, скорее всего, крайне слабой изученностью нашей местности в археологическом отношении.

Литература

1. Долуханов П.М. История средиземных морей / П.М. Долуханов. – М. : Наука, 1988. – 144 с.
2. Пиневич П.М. Доисторические изыскания в пределах Мариупольщины за 1925-1929 гг. / П.М. Пиневич. – Научный архив Института археологии НАН Украины (далее – НА ИА НАНУ). Ф. ВУАК. № 309/23.
3. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н., Кучугура Л.И. и др. – Мариуполь : Рената, 2008. – 428 с.
4. Этническая история древней Украины / Толочко П.П., Козак Д.Н., Моця А.П., Мурзин В.Ю., и др. – К. : Институт археологии НАН Украины, 2000. – 280 с. (на украинском языке).
5. Дегерменджи С.М. Наш Донецк. Ранний палеолит [Электронный ресурс] / С.М. Дегерменджи, В.В. Цимиданов. <http://donetsk.dn.ua/history/periods/stone/article70.html>.
6. Федоров П.В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15000 лет / П.В. Федоров // Колебания

- уровня морей и океанов за 15000 лет. – М. –1982. – С. 151-156.
7. Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова А.И. Привалов. – К. : УООП, 1988. – 112 с.
 8. Дегерменджи, С.М. Наш Донецк. Поздний палеолит [Электронный ресурс] / С.М. Дегерменджи, В.В. Цимиданов. <http://donetsk.dn.ua/history/periods/stone/article73.html>
 9. История Мариуполя [Электронный ресурс]. http://ru.wikipedia.org/wiki/Донець_і_Дніпро_Д³Д»Н
 10. Авдусин Д.А. Археология СССР [Электронный ресурс] / Д.А. Авдусин. – М. : Высшая школа, 1977. <http://www.archeologia.ru/Library/Book/1e8daa7a4998/>
 11. Дегерменджи С.М. и др. О новых петроглифах в Северо-восточном Приазовье. Проблемы идентификации / С.М. Дегерменджи, Ю.Г. Коваль, Ю.Б. Полидович, М.Л. Швецов // Археологический альманах. – 2010. – №21. – С. 5 – 23.
 12. Забавин В.О. Памятник первобытного искусства в северо-восточном Приазовье [Электронный ресурс] / В.О. Забавин. //Археология. – 2008. – №1. http://parasona.narod.ru/articles/zabavin_bull.htm.
 13. Билык А. Каменные Могилы – загадка Приазовья [Электронный ресурс] / А. Билык. http://incognita.ru/arheolog/otkr/o_004.htm.
 14. Самар В.А. Розовский район. Памятники археологии / В.А. Самар, Г.Н. Тощев // Памятники истории и культуры Запорожской области (Великобелозерский, Куйбышевский, Розовский, Токмакский районы) / Составитель и научный редактор Т.К. Шевченко. – Запорожье, 2002. – С. 111-124.
 15. Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (Карта местонахождений) / Д.Я. Телегин. – К.: Наукова думка, 1985. – 184 с.
 16. Потоцкий, А.В. Природно-ландшафтные условия Восточнoукраинской лесостепи в неолите - бронзовом веке [Электронный ресурс] / А.В. Потоцкий // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1997. – С. 17 <http://bronzalib.narod.ru/potozkiy.html>
 17. Котова Н.С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья / Н.С. Котова. – Луганск : Изд-во ВНУ им В. Даля, 2006. – 328 с.
 18. Кучугура Л.И. Современная оценка Мариупольского могильника (по данным литературы). Научная справка / Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея, № Н-9/2001, Мариуполь, 2001.
 19. Столяр А.Д. Мариупольский могильник, как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) / А. Д. Столяр // Советская археология. – 1955. – XXIII. – С. 16 – 37.

2. Культуры энеолита и бронзы

Энеолитом называют период, когда появляются металлические изделия, но главными материалами для изготовления орудий остаются камень и кость (от латинского «энеус» - медь и греческого «литос» - камень).

До настоящего времени продолжается многолетняя дискуссия специалистов по периодизации степного энеолита. Согласно «Археологии Украинской ССР» [1], энеолитическая среднестоговская культура (начало второй половины IV - конец первой четверти III тысячелетия до н. э.) делится на ранний (волошский) и поздний (дериивский) периоды, ямная культура также отнесена к позднему энеолиту. В литературе встречается выделение из ранней

среднестоговской культуры отдельной квитянской, а поздний этап среднего стога именуют дереивской культурой. Н.С. Котова [2] предлагает ограничить среднестоговскую культуру только ранним энеолитом, а дереивская культура сменяет, по ее мнению, западный вариант среднестоговской. При этом энеолиту в наших степях она отводит временные рамки с 5300 до 3000 г. до н.э. В.А. Самар, в 90-е годы проводивший археологические исследования на территории Розовского района, предложил свою периодизацию для востока Запорожской области, в соответствии с которой ямная культура в энеолит не включена, а относится к эпохе бронзы. Завершая наше странствие в дебрях степных энеолитических культур, отметим, что к кругу среднестоговских древностей относятся памятники новоданиловского типа, а из всего массива поздних среднестоговских памятников выделяют репинскую культуру (иногда ее считают также раннеямной [3]).

Основой хозяйства энеолитических общин было примитивное земледелие и скотоводство при сохранении определенной роли охоты и собирательства. Благосостояние населения (а часто, и его выживание) зависели от капризов климата и состояния природной среды в наших степях. В монографии Н.С. Котовой [2], посвященной раннему энеолиту Приднепровья и Приазовья, на основе работ палеоботаников, изучавших ископаемую пыльцу растений, подробно анализируются климатические изменения и их влияние на развитие степных энеолитических культур. В конце неолита (5400 – 5300 гг. до н.э.) в Северном Приазовье климат стал холоднее и суше, что и явилось толчком к зарождению между Доном и Кальмиусом первой степной энеолитической культуры – среднестоговской (названа по днепровскому скалистому острову - «стогу» севернее Хортицы, у г. Запорожье) [4]. Пик засухи приходится на 5100 – 5000 гг. до н.э., после чего начинается постепенное увлажнение степи до 4300 г. до н.э., за которым следует новая волна засухи до 3800 г. до н.э. Позднее, с 3700 по 3000 гг. до н.э., снова отмечается период увлажнения наших степей [2].

Как уже говорилось выше, население среднестоговской культуры занималось как скотоводством, так и земледелием. Скотоводство не было кочевым, среднестоговцы разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, свиней, среди костных останков часто встречаются кости собаки [3]. При увлажнении степи охота давала заметную долю в мясном рационе энеолитического населения, при засухе основным источником пищи становились домашние животные. Несмотря на частые периоды засушливого климата в энеолите, среднестоговцы занимались земледелием, выращивая пленчатую пшеницу двузернянку, ячмень, просо, вику, возможно, также и горох [2].

Лепная керамика, изготовленная без применения гончарного круга, часто с примесью толченых раковин, представлена у среднестоговцев остродонными и круглодонными горшками (рис. 2.1). Они украшены орнаментом, отдельными рисками, причем ранние этапы этой культуры характеризуется посудой с рисунками, нанесенным мелкозубым гребешком, отдельными наколами и линиями. Для керамики более позднего (дереивского) периода шнуровой орнамент [6].

(См. Приложение: рисунок. 2.1)

Орудия земледелия были самими примитивными: мотыга из рога сайгака, кремневый серп. Из кремня среднестоговцы изготавливали также наконечники дротиков, ножи, проколки. Кость служила материалом как для украшений, так и для орудий труда. В Северном Приазовье обнаружен ряд энеолитических изделий из шлифованного камня: топоры, зернотерки, наверхие булавы.

Медных орудий труда отмечено мало, практически вся найденная медь – украшения (браслеты, бусы, пронизи). Металлообработка носила примитивный характер. Химический анализ однозначно указывает на происхождение этого металла из месторождений Болгарии и Румынии, что предполагает развитый товарообмен и высокую мобильность носителей среднестоговской культуры, скорее всего, благодаря использованию лошади в качестве транспортного средства. За полуфабрикаты и готовые изделия из меди среднестоговцы могли предложить домашних лошадей и, предположительно, соль из Приазовья или нижнего Поднепровья [2].

Вопрос о месте приручения лошади до недавнего времени был дискуссионным. Предком домашней лошади считали то тарпана, распространенного в древности от Дуная до Южного Урала, то лошадь Пржевальского, населявшую степи дальше к востоку. Генетический анализ позволил установить, что предком домашней лошади является тарпан. Следовательно, одомашнивание лошади произошло в степях Восточной Европы [7]. Древнейшие костные остатки домашней лошади обнаруживаются в Подунавье и Поднепровье, в земледельческих поселениях культуры Кукутени-Триполье, но доля ее костей здесь невелика, это часть рациона питания, а не транспортное средство. Использование лошади для верховой езды означало настоящий переворот в транспорте и военном деле, и этот революционный шаг был сделан, судя по всему, носителями среднестоговской культуры! На основании анализа износа зубов лошадей из костных останков поселения Деревка, международной группе исследователей удалось доказать, что около 4000 года до н. э. лошади эти уже использовались для верховой езды. Это подтверждают и находки роговых нащечных пластины для удила в среднестоговских памятниках [8]. Имеются веские основания считать, что высокая мобильность носителей этой культуры стала причиной широкого распространения языков индо-европейской группы.

На рис. 2.2 представлены некоторые энеолитические орудия труда и украшения, обнаруженные в окрестностях Розовки.

(См. Приложение: рисунок. 2.2)

Среднестоговские поселения, расположенные на берегах рек, как правило, перекрыты речными наносами, что свидетельствует о более засушливом чем сейчас климате юго-востока Украины в эпоху энеолита [9]. В поселениях открыты прямоугольные в плане постройки, основания стен которых были облицованы крупными камнями. На полах жилищ, слегка углубленных в землю, находились открытые очаги.

Для среднестоговской культуры характерны как грунтовые захоронения, так и погребения под курганами [2]. К грунтовым захоронениям относятся в наших местах погребения 21 и 24 Мариупольского могильника, относящиеся

к раннему периоду восточного варианта среднестоговской культуры [10], а также погребения широко известного Новоданиловского могильника (на левом берегу Конки у с. Новоданиловка, в 2 километрах к юго-востоку от Орехова) [2]. Среднестоговскими захоронениями подкурганного типа являются энеолитические погребения в кургане № 1 севернее Каменных Могил и кургане № 2 у села Вишневатого [5, 11]. Оба упомянутых кургана возведены именно среднестоговцами, все другие погребения, обнаруженные в них, относятся к более позднему времени и являются «впускными», т. е. сделанными (впущенными) в уже построенный курган. Очень похоже на то, что обычай возведения курганов, ставших со временем настоящим символом нашей степи, возник впервые в среднестоговской культуре и поддерживался позднее сменявшимся степным населением целые тысячелетия. Курган – это не просто земляная насыпь, а разрушенное от времени сложное архитектурное сооружение из дерева, камня и дерновых «кирпичей» [3]. Остатки древесины и камни часто встречаются в подкурганных энеолитических захоронениях в окрестностях Розовки. Сооружение курганов связано с большими затратами труда и свидетельствует об определенном уровне благосостояния в энеолитических общинах, уже позволявшем отвлечь часть населения от добывания «хлеба насущного» ради возведения столь монументальных погребальных памятников.

Для среднестоговских погребений характерна скорченная («утробная») поза, встречаются разные варианты ориентации покойных по сторонам света, широко применяются присыпка останков охрой и меловая подсыпка дна могильной ямы. Среди энеолитических захоронений в наших местах часто встречаются кенотафы (ритуальные пустые могилы), погребения иногда огораживаются кругом из вертикально установленных камней – кромлехом.

Достоверно установлены контакты и отношения обмена среднестоговцев с Северным Кавказом (домайкопской культурой) на юго-востоке и трипольской культурой на западе [2, 3]. Особенно интенсивными были контакты среднестоговцев с Триполем, о чем уже говорилось выше. Никаких следов Триполья нет ни на востоке Запорожской области, ни в соседней Донецкой области, но невозможно не сказать несколько слов об этой широко известной энеолитической культуре, историю которой принято трактовать, как «каркас и главный смысл энеолита Украины» [12].

Около 6 тыс. лет назад в Румынском Прикарпатье, Молдавии, на Волыни, в среднем течении Днестра появились поселения культуры Кукутени-Триполье [4] (названа по с. Триполье в Киевской области, в Румынии принято название Кукутени). В хозяйстве трипольцев земледелие сочеталось с животноводством: выращивали пшеницу, ячмень, просо, бобовые, разводили крупный рогатый скот и свиней. Все медные орудия и украшения, обнаруженные при раскопках, по своему химическому составу относятся к балкано-карпатской металлургической провинции. Прimitивное земледелие трипольцев сильно зависело от капризов климата. Похолодание и уменьшение влажности привели, наряду с рядом других факторов, к постепенному угасанию этой культуры в начале 3-го тысячелетия до н.э. [12]. Триполье оставило замечательную по красоте керамику и целую галерею прекрасных мужских и женских стату-

эток, трудно не поддаться экзотическому обаянию этой культуры. Следует только помнить, что творцом всей этой красоты, по практически единодушному мнению специалистов, было не коренное население Правобережья Днепра, выросшее из местного неолита, а пришельцы с Ближнего Востока или Восточного Средиземноморья. Горбоносые трипольцы, принадлежавшие к средиземноморскому или армяноидному антропологическим типам, говорили на языке, не относящемся к индоевропейской группе. Триполье исчезло еще до строительства первых египетских пирамид, его закат, по выражению академика П.П. Толочко, отделен от первых исторических славян, такой бездной времени (более 3 тысячелетий), в которой поместилась вся история Древнего Мира [12]. Таким образом, основания считать трипольцев предками славян (следовательно, и современных украинцев, что часто декларируется в последнее время), следует считать очень и очень шаткими.

Энеолитические памятники (поселения, захоронения) найдены на территории района и в ближайших окрестностях поселка Розовка.

В 1993 году В.А. Самаром, приблизительно в 15 километрах к юго-западу от Розовки, были открыты и обследованы два энеолитических поселения в долине реки Каратюк, левого притока Берды. Первое поселение (Каратюк-1) обнаружено в полукилометре к юго-западу от центра села Черешневое Белоцерковского сельсовета. Оно расположено на незатопляемых мысах, образованных склонами балок. При обследовании (раскопки не проводились) на площади 200 x 100 метров здесь были собраны кремневые изделия и отщепы, датированные III тысячелетием до н. э. [13]. Второе энеолитическое поселение Бугаево (по названию балки) находилось всего в ста метрах от центра Черешневого, между плотиной ставка и молочно-товарной фермой, на первой незатопляемой террасе правого берега Каратюка. Раскопки не проводились, ограничились заложением раскопа размером 2x2 метра. Культурный слой толщиной 0,25 метра существенно пострадал при устройстве ставка. В раскопе и при обследовании поверхности обнаружены кремневые орудия (скребки, ножи) и отщепы, костяные изделия, фрагменты лепной глиняной посуды и украшенный орнаментом керамический пифос (сосуд для зерна). Находки датированы концом IV – началом III тысячелетия до нашей эры [6, 13] и относятся к раннему (волошскому) периоду среднестоговской культуры [14].

Древнейшие среднестоговские погребения в наших местах входят в состав Мариупольского могильника. Кроме его неолитических захоронений, о которых мы уже писали в предыдущей главе, несколько погребений относятся к раннему энеолиту [2, 10].

В так называемом «погребении с медными браслетами» найдены останки верхней части скелета (череп, кости рук). Покойный был ориентирован головой на запад, руки его украшали браслеты из медной проволоки (рис. 2.2, поз. 8) в один и два оборота, среди останков найдены 4 медных бусины [2]. Двойное мужское погребение № 21 (XXI) было проведено под каменной закладкой, в яме, выложенной обработанными каменными плитами. Останки двух мужчин захоронены на спине в скорченной позе, головами на восток. При раскопках это погребение было вырезано вместе с грунтом и выставлено сейчас в Мариупольском краеведческом музее. Костные останки из погребения

ния № 21 датированы по радиоуглеродному методу приблизительно 5300 годом до н.э. [2, 10].

Погребение № 24 (XXIV) также выполнено под каменной закладкой в облицованной плитами яме. Покойный был погребен скорченно на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой на восток. Останки посыпаны охрой, несохранившуюся одежду украшали костяные пластинки из клыка кабана, зубы сурка, бусины из перламутра. Найдена одна медная бусина, изготовленная из пластины. У головы покойного лежала отшлифованная каменная булава из темно-зеленого порфирита с истлевшей деревянной рукоятью (рис. 2.2, поз. 2) [2]. Скорее всего, булава была символом власти, свидетельствующим о высоком социальном статусе погребенного (вождь, старейшина).

Энеолитические памятники обнаружены в соседних Волновахском (у с. Зачатьевка) и Володарском (у Старченково) районах Донецкой области. Захоронение среднестоговской культуры в каменном ящике найдено в 3 километрах к востоку от села Зачатьевка, в верховьях Мокрых Ялов.

В ближайших окрестностях Розовки, в 1 километре к северо-западу от усадьбы заповедника «Каменные Могилы», в июле-августе 1994 года, Восточным отрядом археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея, был исследован курган № 1, содержащий восемь энеолитических захоронений, четыре из которых оказались кенотафами (пустыми могилами) [5]. По более поздней античной традиции, кенотафы сооружали в память о покойных, умерших вдали от места захоронения. Курган № 1 насыпан в эпоху энеолита над погребением № 6, всего в этом кургане обнаружено 24 захоронения разного времени (от энеолита до поздней бронзы).

Позднеэнеолитическое погребение № 6 произведено в яме с заплечиками, которые использовались в качестве опоры для двухнакатного перекрытия могилы из широких деревянных плах. Покойный находился в скорченной позе на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Все дно ямы покрыто тленом от трехслойной растительной подстилки, скелет подсыпан алой охрой [5].

Погребение № 9 оказалось кенотафом. На глубине 1,3 метра находились 3 горизонтальных каменных плиты и отдельные камни меньших размеров. Несколько ниже располагалось круглое ограждение из установленных вертикально камней с проходом с западной стороны – кромлех (восстановлен на поверхности и демонстрируется сейчас в собрании каменных статуй заповедника «Каменные Могилы»). Керамика в погребении представлена 4 лепными сосудами различной степени сохранности (от целых до фрагментов, смотри рис. 2.1, поз. 1-4). Днища сосудов округлые, слегка заостренные, на поверхности одного из сосудов (поз. 3) видны вертикальные расчесы от штампа, сходящиеся ко дну. Керамика содержит примеси песка, кварцита, ракушек. Орнамент представляет собой сочетание горизонтальных кольцевых (опоясывающих) линий и треугольников, расположенных вершиной вниз (поз. 1, 4). Для его нанесения использовался как мелкозубый штамп (гребенка), так и шнур (веревка). В погребении № 9 найден фрагмент составного серпа из серого полупрозрачного кремня – неопровержимое свидетельство занятия земледелием. В захоронении обнаружены следы красной охры [5].

Позднеэнеолитическое погребение № 11 в этом кургане также представляет собой кенотаф. Внутри округлой оградки из камней лежала расколота антропоморфная стела, представляющая собой необработанную каменную плиту. Данная находка для Северного Приазовья не уникальна, в собрании Мариупольского краеведческого музея имеется несколько каменных стел из захоронений энеолита и бронзы, есть среди них и преднамеренно сломанные в древности [26]. На дне ямы видны следы подсыпки красной охрой. В погребении найден миниатюрный сосуд со шнуровым орнаментом, состоящим из горизонтальной опоясывающей линии и треугольников вершинами вниз [5].

Погребение № 18 детское, ориентировано головой на восток-северо-восток, поза не установлена из-за плохой сохранности останков. В захоронении найден горшок яйцевидной формы с заостренным дном (рис. 2.1, поз. 5). В верхней части он украшен 19 псевдожемчужинами, затертыми с внутренней стороны сосуда, заметны несколько отпечатков (вдавливаний) ногтей человека, лепившего сосуд [5].

Позднеэнеолитическое погребение № 19 (кенотаф) было перекрыто двумя каменными плитами. На дне ямы – пятно охры, найден сосуд с заостренным дном (рис. 2.1, поз. 6). Примечательно, что его венчик был поврежден и отремонтирован в древности (8 отверстий, просверленных в керамике, понадобились мастеру для закрепления выпадающего фрагмента венчика) [5].

В погребении № 20 покойный лежал скорченно на спине, головой на восток с вытянутыми вдоль туловища руками. У его правой руки найдены серп из прозрачного светлокорицевого кремня (рис. 2.2, поз. 1), костяная проколка и вальки охры красного и бордового цвета. У правого бедра покойного находился сосуд с заостренным дном, украшенный шнуровым орнаментом [5].

В кургане № 1 имелись еще два позднеэнеолитических захоронения: № 21 и 24 (последнее было кенотафом).

Специалисты считают курган № 1 у Каменных Могил памятником позднеэнеолитической репинской культуры [14]. Обнаруженные при раскопке кургана кремневые серпы и вкладыши для них свидетельствуют о существенной роли земледелия в этой культуре [6, 13].

В сентябре 1995 года на территории Розовского района, у с. Вишневатое, Восточной археологической экспедицией Запорожского областной инспекции по охране памятников истории и культуры (ВАЭ ЗОИОПИК) были исследованы 2 кургана (№ 1 и №2). Эта курганная группа находится в 1,5 километрах к юго-юго-востоку от тока и кладбища села, на водораздельном плато между Кальчиком и одной из степных балок [11]. В кургане № 2 были обнаружены 2 энеолитических среднестоговских погребения: № 2 и № 4, курган в древности был насыпан в один прием именно над ними (остальные захоронения в нем – более поздние, впускные).

В погребении № 2 покойный лежал вытянуто на спине, руки расположены вдоль туловища, голова ориентирована на восток. У правой ноги находился расстегнутый пояс с резными украшениями (рис. 2.2, поз. 6) из трубчатых костей собаки. Справа на груди лежали медные украшения-пронизи (рис. 2.2, поз. 7). Их изготовили, навивая без зазора медную проволоку на круглый

стержень диаметром 5 миллиметров. Всего обнаружено 13 фрагментов пронизи различной длины. Дно могилы посыпано красной охрой бледного тона, у правой ноги покойного более яркой охрой изображена человеческая стопа, которую пересекает выполненная черной краской тонкая ломаная линия [11]. Такое изображение стопы – это очень древний ритуальный мотив у индоевропейцев, но он дожил до наших дней! Современные жители Индии, как и их предки – индоарии, и сегодня рисуют у входа в дом красной краской «шаги божества Вишну», то есть следы стоп, чтобы оградить жилище от злых сил [3]. Между бедренными костями дно ямы посыпано мелом. Пронизи из погребения № 2 в настоящее время являются древнейшими изделиями из металла, найденными на территории Розовского района.

Позднеэнеолитическое погребение № 4 было перекрыто двумя каменными плитами, опирающимися на третью плиту, установленную вертикально у стенки могильной ямы. Взрослый покойный лежал в скорченной позе на правом боку, спиной к вертикальной каменной плите, головой на юго-восток. Дно могилы под костными останками посыпано розовой охрой. За спиной покойного находились оселок, кремневый отщеп (рис. 2.2, поз. 3), кремневый нож и наконечник дротика (поз. 4 и 5) из желтого непрозрачного кремня. Рядом с наконечником дротика найден узкогорлый биконический сосуд с почти плоским дном. Сосуд украшен сложным орнаментом, нанесенным в его средней части минеральной краской бурого цвета. Основными элементами узора являются опоясывающие линии и треугольники, направленные вершиной вниз [11]. Проводившие раскопки В.А. Самар и А.Л. Антонов видят в этой миниатюрной амфоре степное подражание некоторым типам трипольских сосудов, а в ее оригинальном орнаменте – календарные мотивы [14].

Энеолитические погребения в кургане № 2 близ Вишневатого отнесены к среднестоговской (квитянской) культуре [13] и датированы серединой - концом IV тысячелетия до нашей эры [6].

Какие следы оставил в наших краях бронзовый век?

Единой точки зрения на периодизацию эпохи бронзы на территории Украины нет, на что справедливо указывает С.П. Шевчук [13]. Для Розовского района логично принять хронологию бронзы, предложенную В.А. Самаром на основании археологических исследований на востоке Запорожской области [13]. Ранний период эпохи бронзы, куда отнесены ямная и раннекатакомбная культуры, датируется серединой III – началом II тысячелетий до нашей эры. Позднекатакомбная культура и культура многоваликовой керамики (КМК) отнесены к среднему периоду (начало II тысячелетия до н.э. – начало XVI века до н.э.) Поздний период эпохи бронзы (XVI – IX века до н.э.) представлен покровской, срубной, сабатиновской и белозерской культурами.

Остановимся кратко на климатических изменениях в эпоху бронзы на юго-востоке Украины [15, 16]. Как уже отмечалось выше, около 5000 лет назад заканчивается теплый и влажный атлантический период, начинается более сухой и холодный суббореал. На XVIII век до н.э. в степи и лесостепи приходится следующая волна иссушения климата без заметного похолодания [16]. Ко времени существования ранней срубной культуры (XV - XIII век до

н. э.) приурочен некоторый рост влажности, особенно на северо-востоке Приазовья, который сменяется в X - VIII веках до нашей эры новой волной засухи и похолодания [16]. Общий вектор изменений ясен: в степи Приазовья в эпоху бронзы становится все холоднее и суше.

Границы леса и лесостепи отступили к северу. Окрестности Розовки стали настоящей степью в современном понимании, граница лесостепи прошла на 150-200 км севернее поселка, приблизительно, по реке Волчьей. Ближайшие участки настоящего широколиственного леса остались в долинах рек Миуса и Кальмиуса, а также по Днепру, на Хортице и южнее ее (лес Великого Луга). Небольшие рощи, возможно, уцелели в долинах Берды и Кальчика. А по балкам только кустарник, отдельные вербы, камыш да рогоз.

Степной пейзаж приобрел привычный для нас вид, но животный мир был гораздо богаче нынешнего. Из копытных животных тогдашней степи следует отметить дикую лошадь (тарпана) и сайгака. По долинам рек можно было встретить могучего быка - европейского тура, зубра, лося, оленя, дикого кабана. Степной бизон, являвшийся ранее объектом интенсивной охоты, скорее всего исчез еще в начале эпохи бронзы. Обычны в нашей степи были волк и лиса, косуля, заяц-русак, сурок - байбак. Из птиц водились дрофа, стрепет, маленький степной журавль-красавка, степной орел, гнездящаяся в норах оранжевая утка - огарь, множество привычных нам куропаток и перепелов.

Изменения природной среды неизбежно должны были привести к снижению роли земледелия и преобладанию скотоводства, связанного с постоянными сезонными перегонами стада на лучшие пастбища. Постоянные поселения возможны только по берегам немногих в наших краях непересыхающих рек, в других местах они заменяются временными сезонными стоянками с очень тонким и бедным культурным слоем.

Древнейшей культурой эпохи бронзы в Северном Приазовье является древнеямная культурно-историческая общность (ДЯ КИО), получившая название по виду захоронений в виде ям под курганами. Происхождение, место зарождения и направление распространения ямной культуры в степях Приазовья и Причерноморья (с востока на запад, или с запада на восток) все еще остаются предметом дискуссий [4, 17-18]. С этой культурой связывают гипотетический «праязык», предшественник индоевропейской группы языков, поэтому столь важен вопрос о месте ее зарождения [19]. Считается, что ямная культура создана скотоводами, при благоприятных условиях сочетавшими земледелие и животноводство. При раскопках обнаруживают не только кости скота, но также мотыги и кремневые вкладыши серпов. Кажется наиболее вероятным, что ямное скотоводство было основано на сезонных перемещениях населения вместе со стадами в пределах территорий, тяготеющих к речным долинам. В составе стада - крупный рогатый скот, овцы, козы, лошади. Носители ямной культуры, прекрасно приспособленные к существованию в степной зоне, были организованы в крупные мобильные родоплеменные группы во главе с вождями. «Ямники» были высокого роста: мужчины – 173, женщины – 160 см, внешний вид мужчины из подкурганного ямного погребения в реконструкции М.М. Герасимова представлен на рис. 2.3, поз. 1 [12].

(См. Приложение: рисунок. 2.3)

В настоящее время на просторах степей от Южного Урала до Молдавии открыто много захоронений ямной культуры (почти 10 тысяч), но известно крайне мало поселений ямников. Обряд погребения в курганах, возникший еще у среднестоговцев, получил самое широкое распространение в ямной культуре. Ямники построили до 80% всех курганов в степях Северного Причерноморья. Размеры этих «земляных пирамид» впечатляют: отдельные курганы имеют объем более 2000 м³, а вес грунта превышает 2400 тонн [3]. Предметов в захоронениях обычно мало. В курганах степной зоны Левобережной Украины, наряду с орудиями из кремня, кости и керамикой, иногда встречаются медные и бронзовые изделия, преимущественно украшения, реже – небольшие металлические орудия (рис. 2.3).

Преимуществом появившейся бронзы перед чистой медью является ее более высокая твердость. Температура плавления бронз ниже, а жидкотекучесть больше, что облегчает изготовление из них литых изделий. Химический анализ бронз из ямных захоронений показал, что это мышьяковые бронзы с примесью никеля, происходящие из месторождений Северного Кавказа и Закавказья. На северо-востоке Приазовья могли использоваться и местные медные руды из полиметаллического месторождения в районе Никитовки. Мышьяковая бронза, столь популярная у ямников, обладает одним опасным свойством. Даже при небольшом нагреве дляковки этот сплав выделяет чрезвычайно ядовитые белые пары с сильным чесночным запахом – окислы мышьяка. Так что литье иковка такого металла – довольно опасное занятие, почему впоследствии и заменили мышьяк в составе бронз оловом. В Приднепровье, недалеко от наших мест, находился один из очагов металлообработки ямников, где кавказский металл превращался в литые икованные изделия, о чем свидетельствуют находки в поселении Михайловка [4].

Селений ямной культурно-исторической общности на территории Куйбышевского и Розовского районов до настоящего времени не обнаружено. В 1996 году Н.С. Котова, в ходе разведочных работ в верхнем течении р. Каратыш у села Украинка Володарского района, открыла два ямных поселения: одно – на правом берегу Каратыша, южнее села, второе – на левом его берегу, севернее Украинки [3].

Южнее Розовки погребения ямников выявлены в Володарском районе: у Кременевки (курган № 6, погребения 6-9) и возле села Шевченко [20].

Захоронения ямной КИО обнаружены в августе 1994 года археологами Восточного отряда археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея (ВО АЭ ЗКМ) юго-западнее села Старченково (Темрюк), в кургане № 3 из группы «Стырчаки», расположенной на водоразделе степных речек Каратюк и Темрюк. Курган № 3 содержал три ямных захоронения (№ 2,3,4) и был насыпан над основным погребением № 2 [5]. В нем похоронена молодая женщина с ребенком в возрасте до одного года. Покойная лежала скорченно на правом боку на кожаной подстилке, головой на северо-северо-запад, скелет ребенка расположен справа от нее, вытянуто на спине. Голова женщины покоилась на деревянной подушечке, окрашенной охрой. Пятно фиолетовой охры было у ее головы, у костей таза находилось большее по размеру пятно

красной охры. Голова ребенка отделена от тела и помещена между бедренными костями женщины. Захоронение, видимо, носило ритуальный характер и было как-то связано с культом плодородия. О характере мрачного ритуала мы можем лишь строить предположения, не исключено, что он включал человеческое жертвоприношение. Инвентарь захоронения скуден, у правой руки покойной лежала мотыга с деревянной ручкой и рабочей частью из рога сайгака (рис. 2.3, поз. 6) [5]. Это явное свидетельство занятий ямников земледелием, но такой мотыгой наш задернованный, переплетенный корнями трав чернозем не осилить. Это, скорее, орудие для мягких речных наносов, встречающихся недалеко от места захоронения в долине Берды и ее левых притоков Грузкой, Грузенькой или Каратюка. Посевы предполагают наличие по крайней мере временного (сезонного) поселения у племени, к которому принадлежала женщина. Такое поселение могло находиться в одной из расположенных рядом речных долин.

В ямном погребении № 3 того же кургана покойный (взрослый) лежал скорченно на спине, головой на юго-юго-восток, на подстилке из кожи, руки вытянуты вдоль тела. У правого плеча находилась одна створка раковины моллюска, наполненная фиолетовой охрой [5]. В погребении № 4 найден скелет подростка в скорченной позе на спине.

При вскрытии в июле 1995 года кургана № 1 на юго-восточной окраине Благовещенки было обнаружено ограбленное еще в древности ямное погребение № 4 [11], над которым и насыпан курган. Можно представить себе разочарование грабителей: в захоронениях ямной культуры не то что золото, даже изделия из меди и бронзы находят не всегда! Покойный лежал на спине, головой на запад с вытянутыми вдоль тела руками. Уцелевший инвентарь погребения небогат: скребок из серого непрозрачного кремня, фрагмент сосуда, проколка из кости лошади (рис. 2.3, поз. 3) и любопытное изделие из полой трубчатой кости со срезанным под углом 45° краем (рис. 2.3, поз. 4), которое археологи окрестили «флейтой Пана» [11].

В соответствии со сводной таблицей по итогам работы ВАЭ ЗОИОПИК, в наших краях [21], в непосредственной близости от поселка Розовка, всего выявлено 6 погребений ямной культуры: 4 захоронения (№ 5, 16, 22, 23) в кургане № 1 севернее «Каменных Могил» и 2 погребения (№ 9 и 10) в кургане № 1 у села Вишневатое.

В погребении № 5 кургана у Каменных Могил покойный лежал годовой на восток в скорченной позе на спине, руки вытянуты вдоль тела, дно могилы покрыто остатками растительной подстилки белого цвета. Позднеямное захоронение № 16 было перекрыто уложенными поперек и вдоль ямы подтесанными с двух сторон бревнами, на дне могилы остался белый тлен от подстилки растительного происхождения. Покойный находился в такой же позе, головой на северо-восток. Погребение № 22 — парное (взрослый и подросток), совершено в яме с заплечиками. В погребении № 23 покойный (взрослый) лежал скорченно на спине, головой на юго-запад. У его колен находился лепной толстостенный сосуд (рис. 2.3, поз. 2) с почти плоским дном. На внутренней и внешней поверхности керамики остались следы заглаживания гребенчатым штампом [5].

В кургане № 1 у Вишневатого, вскрытом в сентябре 1995 года археологами ВАЭ ЗОИОПИК, обнаружены ямные захоронения № 9 и 10 [11]. Оба погребения оказались безинвентарными, покойные ориентированы на восток и юго-восток, лежали в скорченной позе на спине. На дне могил отмечена раскисительная подстилка. В захоронении № 10 дно у головы покойного посыпано алой охрой.

К сожалению, ни в одном ямном захоронении в окрестностях Розовки до сих пор не найдены изделия из меди и бронзы. Чтобы дать читателю представление о металле ямной культуры пришлось использовать находки из Мангушского района (рис. 2.3, поз. 5), сделанные в 1979 году новостроечной экспедицией Донецкого университета в кургане, расположенном в 4 километрах к северо-востоку от села Ялта [20].

В Северном Причерноморье и Восточном Приазовье известны многочисленные находки деревянных повозок и их деталей в погребениях ямного периода [3], но ничего подобного в курганных захоронениях ямной культуры из окрестностей Розовки до сих пор не обнаружено.

Важное место в эпохе бронзы на Левобережье Украины занимает катакомбная культурно-историческая общность, названная по виду обнаруженных захоронений, которые представляют собой выкопанные в земле вертикальные шахты с боковым ходом - пещерой, в которой и хоронились умершие. Большинство исследователей она датируется XXV – XVI веками до нашей эры [3, 6, 17]. К позднекатакомбному времени относят культуру многоваликовой керамики (КМК), или бабинскую культуру (XX – XVI вв. до н. э.). В эпоху ранней бронзы (XXV – XX вв. до н. э.) в Приазовье соседствовали поздняя ямная и катакомбные общины [3]. Формирование катакомбной культуры на Левобережье Днепра происходило в результате влияния культур Северного Кавказа на местное поздняя ямное население [3].

На юго-востоке Украины обнаружено много катакомбных захоронений, поселения фиксируются крайне редко. В степной зоне хозяйство этой культуры чисто скотоводческое, полукочевое. Ряд признаков говорит о том, что скотоводы использовали уже не только долины рек, но и пастбища на сухих водораздельных высотах. Катакомбники разводили лошадей, коз, овец, но чаще всего встречаются останки крупного рогатого скота [17]. Реже находят кости свиньи, которая является домашним животным оседлого населения.

Посуда катакомбной культуры лепная, преимущественно с плоским дном (рис. 2.4, поз. 1-3), но некоторые поздние экземпляры уже изготовлены на поворотном столе. Появляются сосуды с проушинами (поз. 1), удобные для транспортировки. Посуда украшена шнуровым орнаментом, образующим геометрические фигуры.

(См. Приложение: рисунок. 2.4)

В захоронениях катакомбников обычны орудия из кремня и кости. Металлических изделий довольно много, они представлены уже не только украшениями (рис. 2.4, поз. 10-11), но и орудиями труда (поз. 4, 5). По химическому составу металл катакомбников представляет собой уже известную мышьяковую бронзу, по мнению многих исследователей - кавказского происхождения.

Однако в работе [9] представлены веские аргументы в пользу местного ее производства. В верховьях реки Бахмут найдены древние разработки минералов, содержащих мышьяк (Никитское ртутное поле). Это настоящие горные выработки с остатками лестниц и примитивных каменных горных орудий. Имеются в окрестностях Никитовки и месторождения меди. Если предложенная датировка древних разработок (старше середины II тысячелетия до н.э.) верна, то устоявшуюся точку зрения на кавказское происхождение мышьяковых бронз Приазовья придется скорректировать, по крайней мере, для донецкой катакомбной культуры.

Захоронения у катакомбников подкурганые, большинство из них «впущенные», т.е. выкопанные в более ранних курганах энеолита и ямного периода.

Позднекатакомбная культура многоваликовой керамики (КМК) достаточно широко представлена в Северном Приазовье своими захоронениями. Кроме типичной керамики в них находят каменные орудия из кремня, инструменты и украшения из бронзы, изделия из кости. Довольно типичная находка – астрагалы, кости задних ног овцы, грани которых отличаются друг от друга. Использовали эти кости, как считается, для игры или гадания. Примечательна КМК (или бабинская культура) и тем, что ее племена считаются в настоящее время одними из изобретателей колесницы [22].

Имеются катакомбные захоронения и в окрестностях Розовки. Недалеко Мариуполя, в поселке Старый Крым, обнаружены останки погребенного, на лицо которого была нанесена посмертная глиняная маска, что позволяет отнести захоронение к днепро-азовской катакомбной культуре. В 1968 году в кургане, при строительных работах в селе Гусарка, была найдена посуда катакомбной культуры [13]. Интересное ритуальное пустое захоронение (кено-таф) обнаружено в кургане у Бельмак-Могилы, в 3 км юго-западнее поселка Куйбышево. Здесь погребальная яма диаметром 3,5 метра имела ступеньки, по которым можно было попасть в погребальную камеру. На дне ее, на глубине почти 4 метра, на подстилке, лежали 40 костей овцы, по всей видимости, астрагалов [6].

В ближайших окрестностях Розовки, в кургане № 1 севернее Каменных Могил, обследованном в 1994 году, обнаружено позднекатакомбное захоронение № 10 [5]. Входная яма круглой формы соединялась с погребальной камерой расширяющимся лазом, в котором лежала лопатка крупного рогатого скота. В камере находился расчлененный скелет взрослого, ориентированный головой на юго-восток. У левого плеча обнаружена посыпка красной охрой, такой же охрой выполнены в этом захоронении два рисунка человеческой стопы — свидетельство древнего индоевропейского ритуала, отмеченного и в энеолитическом погребении у Вишневатого, о чем уже говорилось выше. В захоронении № 10 найдены орудия из бронзы: шило прямоугольного сечения с остатками деревянной рукояти и обоюдоострый нож с листовидным лезвием (рис. 2.4, поз. 5 и 4).

Интересные катакомбные захоронения на территории Розовского района вскрыты в 1995 году ВАЭ ЗОИОПИК в кургане № 1 у села Вишневатое [11].

Погребение № 1 состоит из вертикальной входной ямы, переходного лаза со ступенькой и погребальной камеры. На дне входной ямы найден фрагмент керамического кубка со шнуровым орнаментом (рис. 2.4, поз. 8). В погребальной камере находился скелет подростка в позе «скорченно, на спине», головой на юго-восток. Голова отделена от тела и помещена в керамический сосуд (поз. 2), под черепом имеется подсыпка красной охрой. Сосуд имеет следы гребенчатого штампа, дно у него плоское. У южной стенки погребальной камеры найдено височное кольцо в 1,5 оборота из свинцового прутка диаметром 5,5 миллиметра (рис. 2.4, поз. 11). Под черепом лежало бронзовое височное кольцо из плоской проволоки (ленты) в 3 оборота (поз. 10). В погребальной камере находились также скребок из серого прозрачного кремня (рис. 2.4, поз. 7) и проколка, изготовленная из фрагмента трубчатой кости (поз. 6). Рядом с проколкой, у правой кисти покойного обнаружены 3 створки раковины сердцевидки (*Cardiidae*) разного размера с отверстиями (рис. 2.4, поз. 9), подобранные так, чтобы они входили друг в друга [11]. Если продеть через отверстия в ракушках шнур или ремешок, то они образуют оригинальное украшение, именуемое «шумящей» подвеской. Не исключено, что подвеска служила не только украшением, но и ритуальным средством, отпугивая издаваемым звуком злые силы.

В катакомбном погребении № 4 того же кургана покойный (взрослый) лежал вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад. Справа от останков находился сосуд с орнаментом, нанесенным шнуром и мелкозубчатым штампом, он представлял собой приземистую чашу с плоским дном (рис. 2.4, поз. 3) [11].

Погребение № 7, определенное как раннекатакомбное, имело две погребальных камеры. Покойный расчленен, череп отсутствует, останки уложены скорченно на спине. Дно основной погребальной камеры посыпано мелом, на подсыпку уложена кожаная подстилка. Справа от покойного отмечена подсыпка охрой. Во второй погребальной камере находилась одна из ног покойного [11].

В раннекатакомбном захоронении № 11 покойный (взрослый) лежал скорченно на спине, головой на юго-юго-запад [11]. Дно погребальной камеры под верхней частью останков посыпано охрой. На дне входной ямы позднекатакомбного захоронения № 12 лежала лопатка быка, покойный расчленен, череп отделен от туловища, на лицо нанесена частичная маска [11].

Все катакомбные погребения в кургане № 1 у Вишневатого впускные, курган насыпан ранее представителями ямной культуры. Позднекатакомбные захоронения из этого кургана датированы XVIII веком до н.э. [13].

Памятники культуры многоваликовой керамики (КМК) также представлены в ближайших окрестностях Розовки. Недалеко от Каменных Могил, на поле КСП «Придонецкое», был обнаружен грунтовый могильник, содержащий захоронение № 8 КМК [14]. При устройстве погребальной ямы здесь использован камень, сверху она также была перекрыта тремя гранитными плитами [6]. Материал был доставлен, скорее всего, с территории «Каменных Могил». Интересно было бы сравнить минералогический состав использованных камней с выходами кристаллических пород на территории заповедника, особенно в тех местах, где имеются следы примитивной добычи камня.

Погребенный лежал скорченно на левом боку, у его черепа находился толсто-стенный лепной сосуд с плоским дном, украшенный зигзагообразным горизонтальным орнаментом. Следует отметить, что в отчете [5] погребение № 8 из грунтового могильника, вскрытого вместе с курганом № 1 у Каменных Могил, отнесено к памятникам покровского типа, а сосуд охарактеризован, как типологически восходящий к керамике КМК.

Другое захоронение КМК (бабинской культуры) было обнаружено и обследовано в 1996 году Самаром и Антоновым в одном из двух вскрытых курганов в полукилометре от южной окраины села Антоновка, недалеко от дороги Азов – Антоновка. Памятник датирован XVIII - XVII веками до н.э., одновременно с ним обнаружены более поздние захоронения покровской культуры, что позволило исследователям уточнить хронологические рамки существования культуры многовалковой керамики (бабинской).

Культура многоваликовой керамики была весьма распространена на юго-востоке Запорожской области. Достаточно сказать, что из 20 курганов, вскрытых на территории соседнего Куйбышевского района экспедицией ЗОИО-ПИК, 5 курганов содержали захоронения КМК (бабинцев) [6].

Причины угасания катакомбной культуры до настоящего времени точно не установлены, указывают как на климатические и экологические факторы, так и на давление соседних культур.

Более поздней на юго-востоке Украины была срубная культурно-историческая общность (КИО), выделенная в результате раскопок в 1901-1903 годах на Дону и Северском Донце. Названа В.А. Городцовым по типу захоронений, которые действительно в этой местности устраивались в деревянных срубах высотой 1-2 венца. В настоящее время известно, что на огромной территории от Поволжья и Приуралья до Северного Причерноморья, занимаемой некогда этой общностью, всего 2-5% захоронений проводилось в срубах [4]. Остальные представляли собой каменные «ящики» или просто грунтовые ямы под курганами. Исследователи практически едины во мнении, что местом формирования срубной общности является Волго-Уральский регион, откуда она распространилась на запад и юго-запад [4, 17]. Расцвет этой общности и формирование в ее рамках целой мозаики культур (покровской, сабашиновской, белозерской) связывают с некоторым увлажнением климата, отмеченным для степи и лесостепи Украины в XV - XIII веках до нашей эры [16, 23]. Представителей белозерской культуры считают индо-иранским этносом, они позднее приняли участие (вместе с пришельцами с востока) в формировании культуры исторических киммерийцев в Северном Причерноморье [3].

Курганы срубников расположены, как правило, на террасах рек или на возвышенностях по берегам. Скелеты в захоронениях лежат скорченно на левом боку головой на восток, среди вещей - бронзовые ножи и топоры, костяные бусы, глиняные сосуды с «елочным» орнаментом. Именно в срубный период классическая оловянная бронза утверждается в степи (не менее 25-30 % всех находок, к востоку эта доля возрастает), остальное приходится на чистую медь и ее сплавы с мышьяком и сурьмой [4]. На юго-востоке Украины источниками металла для срубников явились древние рудники в долине реки

Бахмут. Обнаруженные на сегодня 23 выработки срубного времени давали не только медь, но и небольшое количество цинка, олова, сурьмы [9]. Часть меди доставлялась из месторождений Приуралья, Южного Урала и Казахстана. Как особенно ценный продукт торговли, за тысячи километров привозилось с Алтая олово.

Срубная культура представлена не только погребениями, но и долговременными стоянками и поселениями по берегам рек (в основном, малых). Для срубного населения характерно цикличное сочетание земледелия (в теплое время года) и скотоводства. В весенне-летний период целые группы (кланы) горняков, металлургов и кузнецов занимались добычей руды, выплавкой металла, изготовлением изделий из него. Доказано, что большая часть металлических изделий обменивалась на скот.

При раскопках обнаружены каменные боевые топоры, кузнечные молоты. Плоскодонная глиняная посуда богато украшалась орнаментом, рисуночными знаками, представляющими собой, по мнению некоторых исследователей, разновидность пиктографии (рисуночного письма). Знаки и рисунки символизировали солнце (свастика и крест), луну, растения и распаханное поле (треугольник с бороздами и зернами), детородное начало, животных в виде летящего змея, повозку и быка.

Украшения срубной культуры обычно представлены бронзовыми височными подвесками, браслетами, кольцами, гривнами.

Аридизация (иссушение) климата в конце эпохи бронзы (XI - VIII век до н. э.) привела к деградации и исчезновению срубной культуры [16, 23]. Спорным, в этой связи, представляется мнение В.А. Самара [21], что территория нынешних Куйбышевского и Розовского районов еще в I тысячелетии до н.э. входила в лесную зону. Впрочем, автор и не приводит никаких аргументов в пользу этого утверждения.

Памятники срубной культурно-исторической общности широко представлены окрестностях Розовки как поселениями, так и многочисленными захоронениями.

Ранние захоронения срубной общности, отнесенные к покровской культуре (по известному Покровскому могильнику под Саратовым), обнаружены в окрестностях Розовки в 1996 году В.А. Самаром и А.Л. Антоновым в группе из двух курганов в полукилometре к югу от южной околицы села Антоновка [14]. Захоронения датируются концом XVII - XVI веками до нашей эры [13]. Курганная группа расположена на крутой возвышенности, образующей левый борт балки Сухие Ялы. С высоты почти 30 метров открывается прекрасный вид: далеко внизу уходит на юго-восток дорога на Азов, а к югу - поля, пересеченные посадками и почти на самом горизонте, в дымке - светлый силуэт элеватора в Розовке.

Погребение № 2 в кургане № 1 севернее Каменных Могил также относится к покровской культуре [5]. Поперек ямы здесь были уложены 7 каменных плит перекрытия. Покойный лежал скорченно на левом боку, головой на северо-северо-запад. В этом захоронении были найдены бронзовые желобчатые подвески (рис. 2.5, поз. 10) и фрагменты керамики.

(См. Приложение: рисунок. 2.5)

Срубное погребение № 3 из этого же кургана содержало останки покойного, расположенные скорченно на левом боку, банковидный лепной сосуд и отщеп кремня [5]. Покровское погребение № 8 было основным для грунтового могильника, входящего в курган № 1 у Каменных Моги.

Могильная яма с заплечиками забутована камнем и перекрыта тремя массивными плитами из розового гранита [5]. Покойный лежал на левом боку скорченно, головой на северо-северо-восток, рядом с его головой находился лепной банковидный сосуд (рис. 2.5, поз. 1). Венчик сосуда украшен зигзагообразным орнаментом, который нанесен штампом с 6 прямоугольными выступами.

В срубных захоронениях № 14 и 17 из этого кургана покойные также лежали скорченно на левом боку, из погребального инвентаря найдены лепные сосуды банковидной и горшковидной формы [5]. Погребение № 17 было парным (два подростка).

Захоронения срубной КИО обнаружены в курганах № 1 и № 2 из курганной группы, находящейся на водораздельном плато в 2,5 километрах к северо-востоку от центра села Луганское, в районе высотной отметки 238,6 современных карт. Курганы были вскрыты в августе – сентябре 1994 года Восточным отрядом археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея [5]. В кургане № 1 захоронение № 1 (основное) сильно разрушено грызунами, оно отнесено к эпохе поздней бронзы и содержало фрагменты керамики. Остальные 4 погребения в этом кургане датированы ранним железным веком, к их описанию мы обратимся в следующей главе. Курган № 2, сооруженный над срубным захоронением № 1, сильно разрушен вспашкой. Погребение было проведено в яме с заплечиками, она перекрыта массивными деревянными плахами [5]. По углам могилы были установлены 4 деревянных столба, соединенные вверху перекладинами и образующие конструкцию полога над покойным. Останки лежали скорченно, на левом боку, головой на восток на растительном ложе (подстилке). Слева от покойного находилась богато орнаментированная низкая чаша (рис. 2.5, поз. 2). Под чашей лежало навершие булавы или скипетра из трубчатой кости животного (рис. 2.5, поз. 9). Захоронение отнесено к раннему этапу срубной культуры (XVI век до нашей эры) [13]. Навершие считают символом власти и признаком высокого социального статуса погребенного (вождь, старейшина).

В километре к востоку от железной дороги, у платформы Мирное (блок-пост 375 км), находится группа курганов «Могила Широкая» (высота 226,8 современных карт). Здесь, в окрестностях немецкой колонии № 1 Киршвальд (сейчас – Вишневатое), еще в 1889 году проводил раскопки двух курганов (№№ 200 и 201) генерал-лейтенант, заведующий артиллерийским музеем в Санкт-Петербурге Н.Е. Бранденбург. В кургане № 201 он обнаружил захоронение эпохи поздней бронзы с фрагментами двух сосудов. Курган № 200, датированный XIV-XII веками до н. э., представляет собой, по современным представлениям, культовый комплекс срубной сабастиновской культуры (названа по селу Сабатиновка Кировоградской области).

Интересные находки, относящиеся к срубной КИО обнаружены в кургане № 1 у села Вишневатое [11]. В погребении № 2 покойный лежал скорченно на левом боку, останки сопровождал лепной баночный сосуд, украшенный в верхней части вертикальными ногтевыми защепами (рис. 2.5, поз. 3). В захоронении № 8 этого кургана останки покойного лежали в такой же позе, у его головы находился сосуд (рис. 2.5, поз. 4).

Костяные изделия срубной КИО из курганов у Благовещенки представлены на рис. 2.5.) Ручка нагайки (поз. 8) из кургана № 2 (погребение № 3) изготовлена из трубчатой кости животного и украшена резьбой. В захоронении № 5 кургана № 1 найдена костяная пряжка (поз. 7). Оригинальный банковидный сосуд содержался в погребении № 10 (рис. 2.5, поз. 6) этого кургана. В верхней части, под венчиком, он украшен не орнаментом, а серией нанесенных с помощью шнура на сырую глину рисунков. Археологи ВАЭ ЗОИОПИК, обнаружившие этот черный сосуд при раскопках в июле 1995 года, в своем отчете [11] назвали рисунки пиктограммой, т.е. рисуночной надписью. Еще в 1953 году была опубликована статья А.А. Формозова [24], рассматривающая подобные знаки на срубной керамике (известные уже тогда из находок у ст. Переездной, в окрестностях Таганрога и у Никополя), как зачатки письменности.

Всего в двух курганах у Благовещенки выявлено 14 погребений срубной КИО [11].

Значительное количество срубных захоронений было обнаружено в сентябре 1995 года специалистами ВАЭ ЗОИОПИК при исследовании курганного могильника в верховьях Гайчура (в 3 километрах к северо-востоку от села Новоукраинка) [11]. В трех обследованных курганах здесь оказалось 7 погребений срубной КИО. На рис. 2.5 представлен низкий лепной горшок (поз. 5) и фрагменты бронзовой оковки (обкладки) обода деревянного сосуда (поз. 12) из этих курганных захоронений у Новоукраинки.

Любопытный взгляд на курганные захоронения энеолита и бронзы в наших местах высказан в работе [11]. По мнению ее авторов, вокруг Каменных Могили, как своеобразной «священной горы» нашей степи, были сооружены в те времена два кольца курганов (диаметром 6-9 и 18 километров), в которых совершались погребения. В таком случае, по крайней мере часть выявленных курганных могильников в окрестностях Розовки должна входить в состав этих ритуальных кольцевых структур.

К настоящему времени в окрестностях Розовки обнаружено несколько поселений, относящихся к различным этапам срубной КИО.

Поселение покровской культуры Каратыш открыто С.П. Шевчуком в 1981 году в 0,8 км к северо-востоку от усадьбы заповедника «Каменные Могилы». В 1996 году оно было исследовано В.А. Самаром. На площади около 2 га прямо на поверхности удалось собрать фрагменты лепной посуды, изделия из камня, кости, кремня. В раскопе выявлен культурный слой толщиной 0,4 - 0,8 метра. В 1997 году было раскопано около 100 квадратных метров поселения. Вскрыты остатки слегка углубленного жилого помещения на ка-

менном фундаменте, снабженного тамбуром-входом. Рядом обнаружено ритуальное захоронение принесенной в жертву взрослой женщины, трактуемой, как «строительная жертва» [14]. Эти находки срубной культуры датированы концом XVI - XV веками до нашей эры [13].

Недалеко от Розовки, южнее села Первомайское (в 0,4 км от юго-восточной окраины) расположено селение срубной культуры Каратыш 1, открытое и обследованное П. Осадчуком в конце 80-х годов. Здесь, на площади 3 га, обнаружен культурный слой толщиной от 0,4 до 0,6 метра. Собраны фрагменты керамики, датированные концом XVI-XIII веком до н. э. [13].

Памятником сабашиновской культуры (или более поздней, белозерской) является поселение Бешташ к северу от Каменных Могил. Оно было открыто В.А. Сиренко в 1990 году, частично обследовано В.А. Самаром в сентябре 1994 года [13]. Поселение находится в верховьях Каратыша, в 1,5 километрах к юго-востоку от южной окраины села Первомайское (см. карту на рис. 2.6). По предварительной оценке, площадь поселения составляла более 4 га. На поверхности прослеживаются остатки каменных фундаментов нескольких жилищ. Раскопки на площади 160 квадратных метров, проведенные Восточным отрядом археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея [5], выявили культурный слой толщиной от 0,3 до 0,8 м. В 1994 году исследованы остатки наземного жилого помещения из двух комнат с тамбуром. Его фундамент был выложен в 1-3 ряда из рваных камней крупнозернистого гранита, а стены жилища, скорее всего, были саманными. Снаружи, у юго-западного угла помещения, находилась хозяйственная яма, заполненная грунтом с золой, костными остатками и фрагментами сосудов. Всего в сезон 1994 года было собрано 1320 фрагментов керамики от хозяйственной, кухонной и столовой посуды. Это остатки 50 горшков, 20 баночных сосудов, 15 мисок, 5 жаровен, нескольких кубков, черпаков, сковородок [5]. Собранные фрагменты орнаментированной керамики приведены на рис. 2.6, в. Кремневые изделия поселения Бешташ также достаточно разнообразны и многочисленны (см. рис. 2.6, а). Коллекция изделий и орудий труда из кости представлена на рис. 2.6, б. Чрезвычайно интересной находкой, подтверждающей местное производство литых изделий из бронзы, был фрагмент литейной формы с остатками шлака [14]. Судя по костным останкам, жители поселения разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней. Костей диких животных не обнаружено: охота, скорее всего, в их хозяйстве существенной роли не играла. Датировано поселение Бешташ началом XII века до н.э. (конец позднесабашиновского или начало раннебелозерского времени) [5].

(См. Приложение: рисунок. 2.6)

Менее чем в десяти километрах к юго-западу от Розовки находятся верховья реки Каратюк (левый приток Берды), протекающей по территории соседнего Куйбышевского района. В долине этой небольшой степной речки обнаружено целых три поселения сабашиновской культуры. В самых верховьях, в 0,3 км к северо-западу от центра нынешнего села Черешневое, П. Осадчуком в 1991 году на крутом речном берегу найдено позднесабашиновское поселение Черешневое [13]. При его частичном обследовании в 1993 году раскопано 200 квадратных метров поселения, толщина культурного слоя составляла 0,5-0,7

метра. Вскрыто жилье типа землянки с четырьмя помещениями. Обнаружены изделия из кости, камня, кремневые изделия и 1640 фрагментов лепной посуды. Находки датированы XIII - началом XII века до н. э.

Несколько южнее по долине, в трех километрах северо-восточнее Белоцерковки, на правом берегу реки, в 1993 году П.Осадчуком выявлено поселение Каратюк-2 [13]. Раскопки здесь не проводились. Основываясь на находках, собранных на площади 1,5 га непосредственно на поверхности, поселение отнесено к сабашиновской культуре (XIV-XII век до н. э.).

Еще ниже по течению Каратюка, в километре к востоку от Белоцерковки, находится более старое срубное поселение Оленка, расположенное на второй незатопляемой террасе правого берега. На площади 2 га здесь обнаружены фрагменты лепной посуды, глиняное прясло, украшенное шнуровым орнаментом, изделия из кремня. Поселение отнесено к XVI веку до нашей эры [13].

Значительное количество обнаруженных в окрестностях Розовки поселений срубной КИО может свидетельствовать не только об относительно высокой плотности населения в те времена в наших местах, но и о периодических переселениях общин с одного места на другое. Что могло быть причиной таких переселений? Ответ на этот вопрос для степной зоны Северо-Восточного Приазовья дан в работе [25]. Причиной периодических переселений в позднем бронзовом веке является быстрое истощение плодородия почвы при ограниченном севообороте (просо, пшеница, ячмень) и примитивной агротехнике. После 2-3 посевов на одном участке урожайность резко падала, его бросали и переходили на соседний, пока все поля рядом с поселением за несколько поколений не истощались. Для естественного восстановления плодородия в степи требовались десятки лет. Оставалось только бросить насиженное место и переселиться на новое, где все повторялось в той же последовательности.

Таким образом, окрестности Розовки и южная часть нашего района в бронзовом веке, особенно в поздний период, были достаточно заселенными, о чем свидетельствуют находки захоронений и постоянных поселений. Сильное иссушение степи в конце эпохи бронзы (XI - VIII век до н. э.) вынудило население перейти к кочевому скотоводству. Несколько забегаая вперед, отметим, что постоянные поселения оседлого населения появятся в следующий раз на территории Розовского района очень нескоро, приблизительно через 2800 лет, в начале XIX века!

В заключение остается констатировать, что для всех описанных выше культур эпохи бронзы из Северного Приазовья подлинные названия народов неизвестны, более или менее уверенно можно лишь говорить о принадлежности их языков к индоевропейской группе. Чаще всего считают, что катакомбная и срубная общности созданы индо-иранцами. Народы эти не имели письменности, а соседи не сохранили о них никаких известий.

Литература

1. Археология Украинской ССР. – Киев : Наукова думка, Т. 1. – 1985. – 309 с.
2. Котова Н.С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья / Н.С. Котова. – Луганск : Изд-во ВНУ им В. Даля, 2006. – 328 с.
3. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н., Кучугура Л.И. и др. – Мариуполь : Рената, 2008. – 428 с.
4. Рындина Н.В. Энеолит и бронзовый век [Электронный ресурс] /Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярева. – М. : Из-во МГУ, 2002. <http://www.archeologia.ru/Library/Book/35ecb1a304cf>.
5. Самар В.А. Отчет об археологических исследованиях Восточного отряда археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея в 1994 г. /В.А. Самар, А.Л. Антонов. – Научный архив Института археологии НАН Украины. – №1994/104, Запорожье, 1994. –137 с.
6. Шевчук С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. – К.: Август, 1999. – 108 с. (на украинском языке).
7. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света [Электронный ресурс] /Е.Е. Кузьмина. <http://www.horsecity.ru/phpBB2/viewtopic.php?p=5317>.
8. Энтони Д. Зарождение верховой езды [Электронный ресурс] /Д. Энтони, Д. Я. Телегин, Д. Браун //В мире науки. – 1992. – №2. <http://q-e-d.chat.ru/bibliote/origin.htm>.
9. Татаринов С.И. Археология Бахмутского края /С.И. Татаринов, С.В. Федяев, С.А. Федотов. – Артемовск, 2003. – 64 с.
10. Кучугура Л.И. Современная оценка Мариупольского могильника (по данным литературы). Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея, № Н-9/2001, Мариуполь, 2001.
11. Самар В.А. Отчет об археологических исследованиях Восточной археологической экспедиции Запорожского областной инспекции по охране памятников истории и культуры в 1995 г. /В.А. Самар, А.Л. Антонов. – Научный архив Института археологии НАН Украины. – №1995/97, Запорожье, 1995. –134 с.
12. Этническая история древней Украины / Толочко П.П., Козак Д.Н., Моця А.П., Мурзин В.Ю., и др. – К. : Институт археологии НАН Украины, 2000. – 280 с. (на украинском языке).
13. Самар В.А. Розовский район. Памятники археологии /В.А. Самар, Г.Н. Тощев // Памятники истории и культуры Запорожской области (Великобелозерский, Куйбышевский, Розовский, Токмакский районы) /Составитель и научный редактор Т.К. Шевченко. – Запорожье, 2002. – С. 111-114.
14. Самар В.А. К истории изучения Северного Приазовья–Лукоморья (10 лет Восточной Археологической экспедиции) /В.А. Самар, А.Л. Антонов //Музейный вестник, Запорожье, 2002. – выпуск 2. – С. 77 – 82.
15. Потоцкий А.В. Природно-ландшафтные условия Восточнoукраинской ле-

- состепи в неолите - бронзовом веке [Электронный ресурс] /А.В. Потоцкий // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1997. – С. 17 <http://bronzalib.narod.ru/potozkiy.html>
16. Герасименко, Н.П. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья /Н.П. Герасименко, В.Н. Горбов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век): Материалы международной конференции. – Донецк, 1996. – Ч.2. – С.47 – 49.
17. Авдусин, Д.А. Археология СССР [Электронный ресурс] /Д.А. Авдусин. – М. : Высшая школа, 1977. <http://www.archeologia.ru/Library/Book/1e8daa7a4998/>
18. Сафронов, В.А. Индоевропейские прародины [Электронный ресурс] /В.А. Сафронов. http://www.anticclub.ru/book/safronov/safron_11.php
19. Петрухин, В. Я. Д. С. Раевский. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье /В.Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М. : Знак, 2004. – 416 с.
20. Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова, А.И. Привалов. – К. : УООП, 1988. – 112 с.
21. Самар В.А. История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье – Лукоморье) /В.А. Самар // Музейный вестник, Запорожье, 2005. – выпуск 5.– С. 3 –31.
22. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? [Электронный ресурс] /Е.Е. Кузьмина. – М., 1994. <http://kladina.narod.ru/kuzmina2/kuzmina2.htm#1a>.
23. Герасименко Н.П. К палеоэкологии бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы /Н.П. Герасименко, Гершкович Я.П. // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. – Тез. докладов и материалы российско–украинской научной конференции и второго украинско–российского полевого археологического семинара. – Вып. 2. – Воронеж, 1996. – С. 70 – 72.
24. Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками /А.А. Формозов // Вестник древней истории. – 1953. – № 1. – С. 193–199.
25. Горбов В.Н. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны /В.Н. Горбов //Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. - С. 55 -59.
26. Кучугура Л.И. Каменные статуи Северного Приазовья и их назначение. Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея, № Н-11/2006, Мариуполь, 2006.

3. Киммерийцы, скифы, сарматы.

Климат наших степей в начале I тысячелетия до н.э., на завершающем этапе эпохи бронзы, был достаточно засушливым. Последующие климатические изменения выглядят следующим образом [1, 2]. Засуха длится до VI века до н. э., затем ее сменяет более влажный и теплый период (VI – III вв. до н.э.), который именуют субатлантическим оптимумом. С III века до н.э. начинается новое иссушение степей без заметного похолодания, среди степных трав увеличивается доля видов, устойчивых к засухе. В этих условиях более или менее значительные массивы леса на юге Левобережья приурочены к речным долинам. В низовьях Днепра от его устья до Перекопа античные авторы упоминают большой лесной массив Гилея, выше по течению, у впадения Конки, можно предполагать существование другого лесного массива, на месте более позднего Леса Великого Луга. Широколиственные рощи и заросли кустарников встречались по долинам Конки, Берды, Миуса. Территория Розовского района представлена, в основном, высокими сухими водоразделами, поэтому наличие леса в окрестностях Розовки в течение всего I тысячелетия до н. э. крайне маловероятно.

В I тысячелетии до н.э. уровень Черного и Азовского морей был на несколько метров ниже современного (специалисты именуют это фанагорийской регрессией) [3]. Лишь на рубеже нашей эры началось наступление моря – нимфейская трансгрессия. Из этого следует чрезвычайно важный вывод: если, к примеру, античное поселение было расположено на берегу Азовского моря во время фанагорийской регрессии, в I тысячелетия до н.э., то сегодня его следы надо искать не на современном берегу моря, а на его дне, на глубине нескольких метров, на удалении в десятки, а то и сотни метров от сегодняшней береговой линии.

Представление о животном мире наших степей в те времена можно получить, сопоставляя обнаруженные костные останки с сообщениями античных авторов (Геродот, Клавдий Птолемей). Большим подспорьем в этом служит так называемый «звериный стиль» скифского искусства, главным атрибутом которого является реалистичное изображение животных. Чисто степной ландшафт населяли тогда дикая лошадь (тарпан), сайга, заяц, лиса, волк. На лесостепных участках встречались зубр, европейский тур, лось, благородный олень, дикий кабан. Скифские древности донесли до нас изображения дикой лошади, лося, благородного оленя, сайги, кабана, волка, зайца и какого-то крупного хищника из семейства кошачьих, которого считают обычно пантерой (леопард, *Panthera pardus*). Обитание леопарда в античные времена в Северном Приазовье совсем не исключено, так как еще совсем недавно (в первой трети XX века) его переднеазиатский подвид встречался на Кавказе, включая Северный Кавказ [4], т.е. совсем недалеко от наших мест. При этом из поля зрения историков часто выпадает другой представитель крупных кошачьих, гепард (*Acinonyx jubatus*), типичный именно для степных ландшафтов и заселявший даже в первой половине XX века степи и полупустыни к востоку от Каспия [4]. Он куда более подходит на роль «пантеры» скифского звериного стиля.

К началу железного века (X-VIII век до н.э.) хозяевами приазовских степей стали воинственные кочевники - киммерийцы. Это первый народ в наших местах, о котором мы можем судить не только по археологическим находкам, но и по письменным источникам (греческим и ассирийским), которые и донесли до нас из глубины веков его имя. Благодаря рисункам на саркофаге VI века до н. э. из города Клазомены в Лидии [5], этрусской вазе VI века до н. э. [5] и греческой чаше (кратер Клития и Эрготима, около 560 г. до н.э.) [6] до нас дошли изображения киммерийцев (рис. 3.1, поз. 1-3), какими их представляли жители Эллады классического периода. Вооруженные мечами и луками, кочевники мчатся, сопровождаемые в стремительном набеге собачьими сворами, оставляя позади поверженных пеших врагов. При этом специалисты [6] задаются резонным вопросом: насколько соответствуют эти образы реальному облику киммерийцев? Между киммерийскими набегами на Малую Азию и созданием этих произведений прошло почти 100 лет, и афинский художник Клитий, расписывавший знаменитую чашу, вполне мог придать киммерийцам облик современных ему скифов, внешний вид которых был тогда уже хорошо известен грекам. Таким образом, до настоящего времени историкам и искусствоведам так и не удалось развеять туман сомнений вокруг античных изображений киммерийцев. И это не единственный туманный вопрос, касающийся этих загадочных кочевников древности. Не зря, видимо, великий Гомер поселил их в стране, где «... всегдашний сумрак и туман ...» [7].

(См. Приложение: рисунок. 3.1)

До настоящего времени нет единой точки зрения, с какой именно археологической культурой следует связывать киммерийцев. Говорят о черноморовской и новочеркасской культурах, хотя последнюю считают также и раннескифской [8]. В известной коллективной монографии культура киммерийцев названа черноморовско-новочеркасской [5]. Наиболее распространена точка зрения, что киммерийская культура в Северном Приазовье имеет своим истоком срубную культурно-историческую общность (А.И. Тереножкин, С.И. Татаринов). М.И. Артамонов связывает киммерийцев с катакомбной культурой [9]. Дискуссии о зарождении киммерийской культуры и ее идентификации с определенным кругом археологических памятников все еще продолжаются. Второй том фундаментальной «Археологии Украинской ССР» [10] открывается главой с красноречивым названием: «Некоторые дискуссионные вопросы современного скифоведения».

Основой хозяйства киммерийцев было кочевое скотоводство, во главе племен стояли вожди. Постоянные поселения киммерийцев археологами не обнаружены. В подкурганых захоронениях встречаются серая глиняная и деревянная посуда (чаши), конская упряжь, украшенная бляшками из кости и клыков дикого кабана, бронзовый инструмент (шилья, иглы) [11]. Скелеты, как правило, находятся в скорченном положении на боку или спиной вверх. Известно, что киммерийцы изготавливали каменные антропоморфные статуи и стелы [5, 10], но в Северном Приазовье они до настоящего времени не обнаружены [12].

Киммерийцы вели войны с государством Урарту (на территории сегодняшней Армении), с Лидией и Мидией (в современной Турции), разгромили

царя Ассирии Саргона II. Об этом говорят ассирийские клинописные надписи VIII века до н.э. [13]. Древние греки называли киммерийцев доителями кобылиц (гиппомологами), а их страну, именуемую «Гиммири», Гомер поместил у входа в Аид, «Царство Мертвых». Керченский пролив носил в то время имя Боспора Киммерийского [13].

Непростыми, судя по всему, были и отношения киммерийцев с соседями на севере и северо-западе, праславянскими племенами чернолесской культуры, жившими в среднем течении Днепра [14]. Лавина киммерийской конницы представляла собой грозную силу и постоянную угрозу соседям. В стремительных набегах на соседей-земледельцев главным козырем киммерийцев была конница. Важным фактором стало появление в руках сражающихся оружия из железа, более прочного и твердого, чем бронза и медь. Месторождения меди и добавок к ней (олова, цинка, свинца), позволяющих получить бронзу, достаточно редки, металл приходилось везти издалека.

Железная руда встречалась практически повсеместно в лесостепной и лесной зоне Украины, где жили предки славян. Меди и бронзы им хватало только на украшения, а доступность железа обогатила праславян, дала им важное преимущество в борьбе с киммерийцами.

Противостояние было нешуточным, его материальные следы до сих пор видны на украинской земле в виде остатков «Змиевых валов» - древних земляных укреплений, построенных праславянами для защиты от кочевников. Историки считают доказанным, что древнейшие славянские сказания о кузнецах, победивших Змея и выковавших огромный плуг, которым и были якобы пропаханы на покоренном Змее валы, отражают борьбу с киммерийцами. Весьма показателен главный герой сказаний - не богатырь с мечом, как в более поздних былинах, а кузнец, сжимающий Змея клещами [16]. Крепко в народной памяти засела борьба с киммерийским «Змеем», в конце XIX века наш земляк, запорожский краевед Я.П. Новицкий, записал (почти 2500 лет спустя!) вариант этого сказания из уст седых дедов, старожилов Екатеринославской губернии [17].

Вопрос языковой принадлежности киммерийцев стал более или менее проясняться лишь в последние десятилетия. До этого многие специалисты, следуя признанному авторитету одного из основоположников скифологии М.И. Ростовцева, с начала XX века полагали, что киммерийцы говорили на одном из ныне мертвых индоевропейских языков – фракийском, широко распространенном в древности на Балканах. На основе анализа тех нескольких киммерийских слов, которые донесли до нас ассирийские хроники, большинство современных историков и лингвистов считают [5, 10], что язык киммерийцев относился к иранской группе, как и языки скифов и сарматов.

Известны погребения киммерийцев южнее Розовки, в окрестностях Мариуполя: у сел Огородное (курган 2, погребение 2, первая половина IX в до н. э.) и Раздольное (курган 4, погребение 3) [1]. Черногоровские погребения раскопаны у Приморского (Саргана, кург. 2, погреб. 5) и Кременевки (Чердаклы, кург. 2, погребения 3 и 4, кург. 3, погребение 9) [1]. Разрушенный курган с киммерийским погребением обнаружен и в самой черте города, в поселке

Первомайский (в левобережном, Оржоникидзеvском районе), в саду у одного из частных домов по ул. Панфилова [18]. Киммерийское захоронение в кургане зафиксировано в 1,5 километра к югу от села Орловское (Тельмановский район), у впадения балки Чернечьей в Кальмиус [18]. Самое древнее новочеркасское захоронение (первая половина IX в. до н. э.) найдено у села Куйбышево Володарского района (кург. 1, погребение 9) [1].

На территории соседнего Куйбышевского района обнаружено всего два погребения, которые могут быть отнесены к киммерийским [19].

В захоронении, впущенном в курган неподалеку от Бельмак-Могилы, дно ямы было покрыто древесной корой и кожей, останки покойного также прикрыли корой. Рядом с останками обнаружили фрагменты глазурованного горшка, деревянной чаши, окованной бронзой, и биметаллический клепаный котел [20]. Покойный лежал на спине, головой на запад. Над этим киммерийским захоронением возвышался ритуальный каменный символ плодородия высотой около 0,8 метра. Это позволяет предположить, что покойный был жрецом.

В августе 1994 года при исследовании кургана № 3 в группе «Стырчаки», расположенной в междуречье Темрюка и Каратюка, юго-западнее Старченково, археологами Восточного отряда археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея (ВО АЭ ЗКМ) в насыпи был обнаружен орнаментированный тонкостенный сосуд (кубок), относящийся к раннескифской или киммерийской культурам [15, 19] (см. рис. 3.1, поз. 6). Сосуд связан с впускным погребением в центре этого кургана, полностью разрушенным лисьими норами.

В самом Розовском районе только один памятник можно рассматривать, как киммерийский. На водораздельном плато Кальчика, Каратыша и Сухих Ялов, в 2,5 километрах к северо-востоку от центра села Луганское, находится группа из 4 курганов. В сильно распаханном кургане № 1 археологи ВО АЭ ЗКМ обнаружили в августе – сентябре 1994 года четыре культовых сооружения (погребения) раннего железного века, отнесенные к новочеркасским [15]. Все эти захоронения впускные, курган насыпан раньше, в эпоху поздней бронзы. Культовое погребение № 2 представляет собой миниатюрную катакомбу (рис. 3.1, поз. 4) с входной ямой и камерой. Захоронение № 3 также носит культовый характер, оно состоит из входной ямы и наклонного лаза - «норы», имеющей два ответвления. Во входной яме обнаружен расчлененный скелет собаки, позвоночник и длинные кости которого уложены в виде круга. Перед лицевой частью собачьего черепа находились фрагменты сосуда (рис. 3.1, поз. 5). Изображение хищника, свернувшегося в кольцо, достаточно частый мотив в скифском зверином стиле, скорее всего, это – солярный (солнечный) символ [21]. Сооружение, отмеченное в отчете о раскопках [15] как культовое погребение № 4, представляло собой просто округлую вымостку из рваных камней диаметром около 0,75 метра. Погребение № 5 было кенотафом – пустой могильной ямой прямоугольной формы.

По мнению В.А. Самара [20], проводившего в 1994 году раскопки этого инте-

ресного памятника, он представлял собой единый культовый комплекс, включающим жертвенник–вымостку из камня, миниатюрную катакомбу-кенотаф и больших размеров святилище – «нору». Комплекс был построен на финальной стадии киммерийской культуры или на раннем этапе скифской культуры.

В целом можно констатировать, что киммерийские древности в Северном Приазовье достаточно редки.

По Геродоту [22], в VII веке до н.э. киммерийцы были вытеснены из Приазовья ираноязычными кочевниками – скифами, которые пришли в наши края с востока, из-за Дона. О скифах известно довольно много от античных авторов, хотя и не все сообщения достоверны [23]. Их обычаи казались грекам странными и варварскими, вызывали и страх, и неприятие, и любопытство. Да, скифы свободолюбивы и бесстрашны в борьбе с вторгшимся войском персидского царя Дария (515 г. до н.э.), но эти варвары пьют неразбавленное вино, а чаши для пиршества делают из черепов убитых врагов [22]. Откуда у древнегреческих авторов все эти сведения?

К V веку до н.э., когда Геродот в своей IV книге «Истории» составил описание Скифии, контакты греков с народами, живущими на северных берегах Черного и Азовского морей, уже имели длительную историю. Греческие рыбаки, в погоне за ценными сортами рыбы, через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) проникают в Меотиду (Азовское море) уже в VIII веке до н.э. [24]. В VII веке до н.э., еще до основания колоний на обоих берегах Боспора Киммерийского, выходцами из Милета была образована первая в Северном Приазовье греческая апойкия (колония) на месте Таганрогского поселения [25]. Не исключено, что именно выходцы из этой милетской апойкии явились инициаторами колонизации Боспора Киммерийского. В Крыму были основаны греческие колонии Феодосия, Пантикапей (Керчь) (590-570 гг. до н.э.) [26], а в устье Кубани - Фанагория (около 540 г. до н.э.) У входа в Днепровский лиман, на острове Березань, возникла фактория (торговый пункт) Борисфенида.

Греки плавали в Таганрогском заливе, заходили в устье Дона. Древнейшие из обнаруженных на Таганрогском поселении греческих амфор из Милета датируются VII веком до нашей эры [27]. Позднее греки обошли северный и западный берега Азовского моря до Арабатского залива. Их торговые интересы и активность распространялись на восточную и юго-восточную части Азовского моря (устья Дона и Кубани, Таганрогский залив), где сосредоточена основная доля ценной рыбы [24]. Конечно, они знали и посещали устья Берды и Кальмиуса, о чем свидетельствуют неоднократные находки фрагментов амфор по азовскому побережью от Таганрога до Ногайска (Приморска). Однако в настоящее время не имеется достоверных доказательств, что греки имели в черте нынешнего Мариуполя постоянное поселение (как предполагал мариупольский краевед П.М. Пиневиц) [28] и поднимались вверх по течению Кальмиуса.

Известной греческой колонией в Северном Приазовье был Танаис, существовавший с III века до н.э. и основанный греками из Боспорского Царства. Он находился в устье Дона, близ современного села Недвиговка.

Местонахождение другой упоминаемой в Северном Приазовье Геродотом [22] и Клавдием Птолемеем [29] колонии, города-гавани Кремны, до настоящего времени остается загадкой. Один из основоположников мариупольского краеведения, П.М. Пиневиц, еще в 1928 году высказал предположение, что Кремны располагались в ближайших окрестностях Мариуполя: «Возможно, что удобные известковые скалы у устья р. Кальмиус или же, расположенные террасообразно побережью между городом и портом, и послужили местом одного из этих торжищ; возможно также, что это – место геродотовских Кремн ...» [28]. Б.Ю. Михлин также полагал, что Кремны находились где-то на территории нынешнего Мариуполя [30]. Достоверного подтверждения эта гипотеза, насколько нам известно, до настоящего времени не получила. В 1949-1951 годах дань безуспешным поискам следов геродотовских Кремн в Приазовье отдала Степная скифская экспедиция Московского Государственного университета под руководством Б.Н. Гракова [1]. Целенаправленный поиск следов города Кремны на Азовском побережье, в пределах Бердянского и Приморского районов, проведенный весной 1966 года сотрудником Запорожского краеведческого музея Ю.К. Волочаем, так же завершился безрезультатно [31]. Поиски этого загадочного города, по заданию акад. Б.А Рыбакова, продолжил в 1977 году В.К. Шишкин, проведя археологические разведки западнее, в пределах Приазовского района Запорожской области. Следов гавани Кремны он не обнаружил [31]. В своей известной статье [32] Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко изложили аргументы в пользу расположения Кремн у впадения реки Корсак в Азовское море, южнее современного села Ботиево Приазовского района, прямые доказательства этого пока отсутствуют. Однозначно называет Кремнами Таганрогское поселение в своих работах В.П. Копылов [25], чему так же пока нет прямых доказательств.

Таким образом, вопрос о местонахождении этой колонии до настоящего времени остается открытым, ее поиски и попытки идентификации с уже известными античными поселениями Северного Приазовья будут, по всей видимости, продолжаться. Завершая рассказ о многолетних поисках таинственных Кремн, напомним о том, что говорилось в начале этой главы о фанагорийской регрессии. Если Кремны стояли в I тысячелетии до н.э. непосредственно на морском берегу (а не на высоком прибрежном обрыве, например), то сегодня их следы надо искать на глубине нескольких метров, на солидном расстоянии от современной береговой линии, так как уровень Азовского моря сильно изменился с античных времен.

После 480 г. до н.э. греческие колонии, расположенные по обоим берегам Керченского пролива, для защиты от кочевников образуют оборонительный военный союз (симмахию), а затем, установив контроль над местными племенами, создают единое государство - Боспорское царство [33]. На первых порах его правитель, похоже, имел царские полномочия только в отношении покоренных местных племен, а его власть над свободными гражданами греческих полисов носила ограниченный характер, как у архонта (старейшины) или стратега (военачальника). Главным городом Боспора стал Пантикапей (Керчь). Консолидации боспорских колоний способствовал общий для них

религиозный культ Аполлона. В период расцвета Боспор владел Керченским полуостровом и Таманью, восточным берегом Азовского моря и Северным Приазовьем к востоку от реки Миус. Цари Боспора поддерживали тесные связи со скифской знатью, отмечен ряд их династических браков со скифскими «царевнами» [26].

Боспорское царство вело широкую торговлю с Грецией и скифами, тирани (царя) Перисада называли хозяином боспорского хлеба, он обеспечивал половину хлебного импорта Афин [26]. Скифы, в качестве выручки в торговых операциях, дани и подарков получали из Боспорского царства вино, оливковое масло, звонкую монету, золотые ювелирные украшения, греческую посуду, предметы роскоши. Значительная часть «скифского золота», обнаруженного до настоящего времени при раскопках курганов, поступила в наши степи именно из Боспора.

Боспорское царство в течение столетий служило мостом, связывающим скифов Северного Приазовья и Поднепровья с античным Средиземноморьем. Боспор, Тира и Ольвия были для греков постоянными источниками информации о Скифии.

Геродот рассказывал о Скифии не только с чужих слов. Доказано, что он сам посетил такие центры греческой торговли со скифами как Ольвия (основанная в VI веке до н.э. в устье Южного Буга, в 30 км от нынешнего Николаева) и Борисфенида. Некоторые историки считают, что он лично ознакомился и с нижним течением Днепра, включая владения земледельцев (скифов-пахарей). Что же писал Геродот о Скифии? Ему было хорошо известно нижнее течение Борисфена (Днепра), но он не упоминает о Днепровских порогах – главном препятствии для судоходства. По словам Геродота, на Левобережье нижнего Борисфена есть лесная область Гилея, севернее ее живут скифы-земледельцы, а южнее – скифы-кочевники, занимавшие территорию на 10 дней пути к востоку до р. Герра (Конская). За рекой Конской (Конкой), до Крыма на юге и Танаиса (Дона) на востоке, жили царские скифы, самые могущественные [22]. Скифы хоронили своих царей в местности Геррос, в нижнем течении Днепра. За Доном кочевали сарматы, родственные по языку скифам. На берегах Сиргиса (Северского Донца) тоже жили скифы. Территория сегодняшнего Розовского района принадлежала, таким образом, царским скифам.

Скифы, за исключением скифов-пахарей, о которых будет особый разговор, вели чисто кочевое хозяйство, постоянных поселений у них не было, за немногими исключениями, о которых также речь пойдет ниже. Жили они в войлочных юртах или кибитках (глиняные модели найдены при раскопках), основным занятием было скотоводство. Главное богатство племени составляли табуны лошадей, стада овец и крупного рогатого скота. Во главе племен стояли вожди, которых греки именовали «царями», их роскошь дошла до нас в музейных образцах «скифского золота». На драгоценной посуде очень натуралистично изображены сцены из жизни скифов, поэтому мы неплохо представляем их повседневную жизнь и внешний облик. Для скифов характерны длинные волосы и борода, островерхий головной убор, короткие мягкие сапоги, одежда из кожи, украшенная костяными, бронзовыми или золотыми

бляшками. В руках воинов – короткий прямой меч-акинак, копье, у пояса – неприменные лук и колчан со стрелами.

Самые трудные зимние месяцы скифы проводили на самом юге своих владений, вблизи морских побережий, где снежный покров невелик или совсем отсутствует. Подножный корм для скота здесь остается доступным всю зиму. С весны кочевье перемещалось зеленеющей степью, сначала по сухим и высоким местам, где трава сохнет первой, потом скот перегонялся в более низкие и влажные места, а еще позднее племя откочевывало к северу.

Основная пища скифов – мясо, молоко и продукты из них. Зерно и вино попадали к кочевникам как продукты обмена со скифами-пахарями или греками. Скифы-ремесленники изготавливали железное оружие, бронзовые наконечники стрел, конскую сбрую, украшения, реалистично передающие облик животных (знаменитый «звериный стиль» скифского золота и бронзы). Знать получала от обмена с греческими колониями роскошную металлическую посуду, лаковую керамику, дорогие украшения из золота и серебра, вино, оливковое масло, ткани. Есть сведения о проживании скифской знати в греческих городах-колониях. Вожди скифов попадали под влияние высокой культуры Эллады, в какой-то мере усваивали образ жизни греков, но часто заимствовали не самые лучшие стороны. Тогда и пришла в греческий язык поговорка: «Пьет, как скиф».

Греки получали от торговли со Скифией зерно и рыбу, мед и воск, кожи и изделия из них, скот, рабов. Основные потоки товаров шли по долине Днепра, а в Восточном Приазовье – из устья Дона в Крым и на Тамань, в Боспорское царство. Центрами торговли были Ольвия, Борисфенида и города Боспора (Пантикапей, Фанагория), на этом основывалось их богатство и процветание.

Наиболее удалена от наших мест область обитания скифов-земледельцев, которые, по Геродоту, называли себя сколотами. Они жили выше Днепровских порогов, в лесостепи и севернее, вдоль среднего течения Днепра. По мнению многих историков, в том числе и академика Б.А. Рыбакова [14], сколоты были праславянами, нашими предками. По словам Геродота, это оседлые земледельцы, отмечающие каждую весну праздник священного плуга, подаренного богом неба. Именно их зерно текло в греческие города Причерноморья в обмен на вино, золото и предметы роскоши.

Впрочем, традиционное мнение об экспорте зерна, как главном источнике богатства скифов, ставится в настоящее время под сомнение в работе [34]. Автор этой любопытной статьи, сопоставляя античные цены на зерно и рабов, анализируя доступность этих ресурсов для скифов, делает однозначный вывод – в основе товарообмена степной Скифии с греческими колониями и метрополией лежала именно работоторговля.

Длительное сосуществование с кочевниками-скифами оставило заметные следы в культуре праславян. Они проявляются и в богатых курганных захоронениях на Киевщине, где покоятся воины-всадники, и в скифских словах «топор», «собака», которые прочно вошли в восточнославянские языки (при наличии чисто славянских эквивалентов «секира» и «пес») [14]. Земледельческие культуры, возможно, позаимствовали у скифов и военную организацию - общее ополчение всего свободного мужского населения по родовому принципу [35].

Единого скифского языка не существовало, скифы говорили на нескольких наречиях, относящихся к иранской группе. Одно из этих наречий легло в основу современного осетинского языка.

Обнаружено всего несколько постоянных поселений кочевых скифов, самое крупное такое городище находится в Каменско-Днепровском районе, между Каменкой-Днепровской и Великой Знаменкой, оно занимает площадь почти 12 кв. километров. Городище было обнесено рвом и земляным валом, по гребню которого в древности шла кладка из сырцового кирпича. В южной части имелось еще и внутреннее укрепление, в котором жила скифская знать. Считают, что это городище, датируемое IV-III веками до нашей эры, было ремесленным и политическим центром Скифии.

В III веке до н.э. Скифия пала под ударами своих воинственных восточных соседей сарматов, пришедших в Приазовье и нижнее течение Днепра из-за Дона. Часть скифов ушла на север, в лесостепь, где они растворились в славянском населении. Другая часть была оттеснена в Крым, где образовала так называемую «Малую Скифию» со столицей в Неаполе (по-гречески – новый город). Неаполь располагался на реке Салгир, у окраины современного Симферополя. Малая Скифия приобретала все больше греческих черт, население почти полностью перешло к земледелию. В конце III века нашей эры она была завоевана германским племенем готов и прекратила свое существование.

(См. Приложение: рисунок. 3.2)

Кроме сообщений античных авторов, главным источником наших знаний о скифах являются раскопки их курганов, которые вот уже более двух веков проводятся на юге Украины, в Крыму, на Северном Кавказе. Скифский курган – это округлая земляная насыпь, иногда огромных размеров: высотой до 20 метров, с диаметром основания более 200 метров. Захоронение состоит из глубокого колодца (входа), и коридоров, в которых имеются камеры-ниши. Скифский покойник из знати осыпан золотом: на шее – массивная золотая гривна, его украшают бусы, золотые серьги, браслеты. Одежда, головной убор и погребальное покрывало обшиты золотыми бляхами. Рядом с воином – богато украшенное оружие, бронзовый панцирь и шлем. В боковых нишах золотые и серебряные сосуды для питья, бронзовые котлы для пищи с частями лошадиных или коровьих туш. Рядом хоронили насильственно умерщвленных жен царя и его слуг, убитые лошади тоже должны были сопровождать правителя в потусторонний мир. Могила рядового скифа попроще: невысокий холмик, под ним колодец с нишей для покойника. Ни золота, ни импортной греческой роскоши: немного мяса, нож с костяной рукояткой, бронзовые бляшки на одежде. У женщин – бронзовое зеркальце, недорогие украшения.

Наиболее богатые и известные из близких к нам захоронений – это курганы Чертомлык (на Правобережье, у Никополя), Солоха (в Каменско-Днепровском районе, у села Великая Знаменка), Мелитопольское захоронение, Вероятно, это и есть местность Геррос, кладбище скифских «царей». В кургане Солоха – оружие, серебряная посуда, золотые украшения, великолепный гребень с фигурами сражающихся скифов (рис. 3.2, поз. 1, 2 и 6). Другие замечательные образцы скифского золота дали раскопки курганов у Великой

Белозерки (поз. 3, В.И. Бидзили, 1972) и у села Волчанское Акимовского района (поз. 4, А.И. Куйбышев, 1980), а также Бердянского кургана (поз. 5, Н.Н. Чередниченко, 1977-1978) [36]. Скифское золото из Запорожской области украшает собрания Эрмитажа и Музея исторических драгоценностей Украины, оно и поныне является предметом восхищения не только современных искусствоведов и ювелиров, но и представительниц «лучшей половины рода человеческого».

Специалисты полагают, что большая часть этих произведений искусства греческого происхождения, изготовлены они для торговли со скифами, и сильнейшее влияние скифского, звериного стиля не подлежит сомнению. Из ремесленных мастерских Боспорского царства, Ольвии и их греческой метрополии шли в степь эти замечательные декоративные изделия из металла, ювелирная бижутерия, роскошное оружие и массовая продукция, предназначенная для широких слоев скифского общества [37].

Интересно, что количество захоронений к востоку от Днепра быстро убывает, в Донбассе они уже более редки. И бедны эти находки – железное оружие, немного бронзовых украшений, наконечники стрел. Известные специалисты по скифским древностям В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин считают факт почти полного отсутствия скифских погребений в Донбассе одной из археологических загадок, ведь по Геродоту эти степи заселяли «самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами»: - скифы царские. Может быть, это объясняется постоянной борьбой на проходящей по Дону границе с сарматами за соль и месторождения цветных металлов из окрестностей Бахмута и Никитовки? Тогда основная масса населения могла кочевать ближе к Днепру, главной магистрали торговли с греками. В этом случае территория Розовского района занимала по заселенности скифами некоторое промежуточное положение, плотность кочевого населения не могла здесь быть высокой.

Проблеме малого количества скифских памятников в полосе между Бердой и Миусом посвящена специальная статья Л.Г. Шепко [38], и приведена интересная статистика: здесь зафиксировано всего около 70 различных проявлений скифской культуры (из них 38 – случайные находки), тогда как одних погребений на Нижнем Дону выявлено 115, а в Поднепровье – более 600! Никаких объяснений этого не дается, автор лишь отмечает сравнительно слабую изученность местности между Бердой и Миусом в археологическом отношении. Скифская эпоха юга Донецкой и юго-востока Запорожской областей представлена редкими захоронениями и отдельными случайными находками, которые не идут ни в какое сравнение с золотым великолепием курганов низовья Днепра и степного Крыма.

В сентябре 1927 году сотрудниками Мариупольского краеведческого музея, во главе с П.М. Пиневичем, в черте города были проведены раскопки нескольких курганов, в том числе № 6 и 7 [39], содержащих скифские захоронения. В этих погребениях покойные лежали на спине в вытянутом положении, головой на восток. В погребальном инвентаре много оружия: железный панцирь, остатки шлема работы античных мастерских, два меча, боевой портупей-

ный пояс из железных пластин, наборные набедренники, наконечники копий с подтоками, наконечники стрел из колчаных наборов, остатки лука. Кроме этого обнаружены предметы туалета (обломки бронзового зеркала), украшения (бронзовый проволочный браслет с несомкнутыми концами) и предметы, выполненные в «зверином стиле» (золотая обкладка деревянного сосуда и бронзовая бляха в виде головы лося) [40]. Эта бронзовая бляха (рис. 3.3, поз. 2) из кургана № 7 до сих пор украшает экспозицию краеведческого музея в Мариуполе. Захоронения в курганах № 6 и 7 датируются V веком до н.э. [41].

(См. Приложение: рисунок. 3.3)

Сотрудники Донецкого музея О.Я. Привалова, Н.П. Зарайская и А.И. Привалов раскопали в 1977 году севернее поселка Сартана Двугорбую могилу с богатым скифским погребением IV века до н. э. [1, 12]. В нем был похоронен знатный скиф, рядом с могилой которого, под курганом, имелись 2 ямы с заупокойными дарами (деревянная колесница и вино в 19 амфорах). Эти амфоры (рис. 3.3, поз. 3), изготовленные мастером Архелаем в Геракле Понтийской – греческой колонии на черноморском побережье Малой Азии, находятся сейчас в экспозиции Донецкого краеведческого музея. Тело скифского вельможи «охранял» слуга со стрелами, а повара захоронили вместе с бронзовым котлом (рис. 3.3, поз. 3), содержащим останки ягненка. Построенный курган укрепили по периметру каменным поясом шириной до 3 м и высотой до 2 м [42]. Есть скифские захоронения также у Кременевки и поселка Песчаное.

В 20 километрах к юго-востоку от Розовки, в Володарском районе, на правом берегу Кальчикского водохранилища у села Шевченко, был обнаружен скифско-сарматский могильник. Раскопки проводились в 1980 году экспедицией ДонГУ под руководством А.А. Моруженко. В трех курганах найдены погребения «царских скифов» V века до н. э., содержащие останки воинов и скифской жрицы [1]. Памятник был ритуальным курганным комплексом, и связан он с культом огня. Покойных сопровождал в «загробное царство» богатый погребальный инвентарь (см. рис. 3.3, поз. 5), включавший мечи, стрелы, копья, защитные доспехи, золотые изделия, кольца из электра (сплава золота с серебром), ряд изделий из бронзы [1].

В 1977–1978 годах археологами Приазовской экспедиции института археологии АН УССР во главе с Н.Н. Чередниченко, на восточной окраине села Ново–Васильевка, в двух километрах к северу от Бердянска, был обследован большой скифский курган IV века до н.э. [43]. Все три курганные погребения были ограблены еще в древности, но до нас все же дошли и скифское золото Бердянского кургана (рис. 3.2, поз. 5), и любопытный образец звериного стиля – резная рукоятка нагайки из кости в виде головы волка (см. рис. 3.3, поз. 4).

В соседнем с Розовским, Куйбышевском районе, близ Белоцерковки, силами ВАЭ ЗОИОПИК исследовано захоронение молодой скифской женщины [19]. Одежда покойной была украшена бисером, на запястьях – браслеты. На блюде лежала часть туши барана. В этом женском захоронении было и оружие: в ногах лежали круглые камни для пращи, рядом в стенку погребальной камеры вонзили копье и дротик.

Летом 1988 года, при раскопках скифского погребения в кургане у села Конские Раздоры Пологовского района, был найден античный шлем, датиро-

ванный IV веком до н.э. [44]. Изготовленный из тонкой золотистой бронзы ковкой, он представляет собой позднюю переделку скифским мастером импортного (греческого) шлема. Находки шлемов в скифских захоронениях достаточно редки.

В 1968 году, при закладке фундамента под здание краеведческого музея (!) в селе Гусарка из кургана, на котором велось строительство, нож бульдозера вывернул на поверхность ряд предметов, определенных позднее В.Ю. Мурзиным, как раннескифские (конец VI – V век до н.э.). Среди них железный меч, бронзовые наконечники стрел, круглая бляшка и крестовидная литая бронзовая бляха, обтянутая тонколистовым золотом [19]. Предположительное место ее изготовления – греческая колония Ольвия. Бляха вызвала особый интерес, как яркий образец скифского «звериного» стиля (рис. 3.3, поз. 1) с реалистичным изображением животных (пантер, лошадей, антилоп).

Относительно ее назначения высказывались разные точки зрения. Такие бляхи считают деталью уздечки (Е.В. Черненко [45], В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин), налобником для лошади (В.Ю. Мурзин), деталью для крепления к поясу горита – чехла для лука (И.А. Зарецкий, обнаруживший подобную бляху на Харьковщине, в кургане Опишлянка). Интересно, что в старой, известной книге А.П. Смирнова о скифских древностях [46], на странице 173 изображена крестовидная бляха, очень похожая на гусарскую и опишлянскую. Там же сообщается, что этот орнаментированный фигурами хищников крючок (так бляха названа в подрисуночной надписи) обнаружен в кургане у села Деревня Сумской области и хранится в собрании Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве. Что это означает? Может имеется третья бляха, аналогичная найденным в Гусарке и Опишлянке, или налицо какое-то недоразумение?

Другой интересной случайной находкой в наших краях явилась каменная скифская скульптура высотой около 2 метров, выпавшая из кургана в окрестностях Белоцерковки, на правом берегу Каратюка [19]. Она была обнаружена членами археологического кружка Шевченковской школы, руководимого С.П. Шевчуком. У скульптуры хорошо различимы черты лица, вислые усы, витое украшение (гривна) на шее.

(См. Приложение: рисунок. 3.4)

Сбоку, на поясе статуи, проработаны топор и кинжал. Прорисовка скульптуры из Белоцерковки представлена на рис. 3.4, а. Судя по форме нижней части статуи, она была предназначена для вкапывания в землю. По аналогии с подобной скульптурой из Румынии датирована VI веком до нашей эры. Изготовлена белоцерковская статуя из серого гранита, находится она сейчас в заповеднике «Каменные Могилы» (рис. 3.5).

(См. Приложение: рисунок. 3.5)

В Донецкой области, у поселка Ольховчик (ныне – г. Шахтерск) найдена каменная скифская стела [46] (рис. 3.4, б), весьма близкая по стилю и деталям (наличие усов, гривна, короткий меч-акинак или кинжал, плеть-ногайка) к белоцерковской скульптуре.

В литературе имеются упоминания еще по крайней мере о двух каменных скифских изваяниях, найденных в Запорожской области. При исследовании

кургана № 4 на берегу Каховского водохранилища, к северо-западу от села Знаменка, обнаружено изваяние с изображением гривны, посоха и горита, датированное V – IV веками до н.э. Другие подробности в этой статье Г.Н. Тощева, к сожалению, отсутствуют [47]. В 2001 году, на курганном поле Солоха у села Великая Знаменка, при вспашке найдена еще одна сильно поврежденная скифская стела из ракушечника V – IV веков до н.э. [48].

К настоящему времени, на территории Розовского района обнаружено лишь одно культовое сооружение в окрестностях села Луганское, которое трактуется как раннескифское, или принадлежащее новочеркасской культуре (киммерийцам), о чем уже говорилось выше. Пополнить сведения о скифской эпохе на землях нашего района смогут только будущие раскопки, подавляющее число курганов здесь еще ждут своего исследования.

В III веке до нашей эры в приазовскую степь пришли сарматы, ираноязычные кочевники, как и скифы, но с более примитивной культурой, воинственные и агрессивные по отношению к соседям. Более или менее мирный период сосуществования земледельцев со степью закончился, натиск сарматов сопровождался угоном пленных в рабство. Часть населения ушла на север, в лесную зону, набеги сарматов на греческие города Причерноморья нарушили вековые торговые маршруты, торговля на какое-то время пришла в упадок. Зарубинецкая культура праславян, относящаяся к сарматскому времени, гораздо более примитивна, чем ее предшественники [14].

Сарматы, сформировавшиеся в глубине евразийских степей, у Аральского моря, представляли собой не единый этнос, а союз племен, состав которого менялся со временем. Племена эти двигались на запад несколькими волнами. Ранние сарматы осели в степях восточнее Дона еще в IV вв. до н. э., по Геродоту [22], они жили за рекой Танаис и на север от Меотиды на три дня пути. На рубеже нашей эры греческий географ и историк Страбон, в VII книге своей «Географии» [49], называет среди сарматских племен аорсов, сираков, роксолан, языгов, аланов. В позднесарматский период (II – IV вв. н. э.) в Приазовье доминировали аланы [1].

Античные источники донесли до нас множество известий о контактах сарматов с соседними народами на разных этапах их истории. Со скифами сарматы не только воевали, но были союзниками в борьбе с персами [22] и в противостоянии с Боспорским царством. Именно сарматское давление и требование непосильной дани стало причиной передачи власти над Боспором (около 109 г. до н.э.) от местной династии к властителю Понта Митридату IV. Сарматы названы среди союзников Митридата IV Евпатора в его неудачных войнах с Римом [26]. Во II веке нашей эры сарматские племена, вместе с прочими «варварами», противостоят Империи на границе ее северо-восточных провинций, одна из тогдашних войн Рима названа «Сарматской» [5].

Кочевники – сарматы не только противостоят в Северном Причерноморье городам, но ведут с ними интенсивную торговлю. Часть сарматской верхушки поселяется в колониях Крыма и Боспора, влияние сарматской культуры ощущается, например, в погребальном обряде жителей Танаиса [50]. Сарматы в этом городе носили греческие имена: при раскопках найдена мраморная плита

II – III веков с рельефным изображением сарматского воина – всадника, а надпись на ней гласит, что это – Трифон, сын Андромена [51]. Показательно, что в династии правителей Боспорского царства I – III веков нашей эры известны по крайней мере четыре царя по имени Савромат (I – IV) [26]. Одни историки трактуют эти факты как регресс, «варваризацию» греческих колоний, другие – как благотворное влияние высокой культуры Эллады на степных варваров («эллинизацию» поздних скифов и сарматов). Независимо от оценок, факты остаются фактами: шло взаимопроникновение цивилизаций, культурные заимствования были обоюдными и сарматы не выступали исключительно в роли учеников.

Важнейшим военным нововведением сарматов, которое заимствовали у них позднее и Восток, и Запад, считается использование в сражениях сплошного строя тяжеловооруженной конницы (катафрактарыев) с тяжелыми копьями и длинными мечами для удара с коня [35]. Объективности ради, следует отметить: в настоящее время на археологическом материале убедительно доказано [52], что длинные копья-пики на вооружении конницы имелись еще у скифов.

Сарматы служили связующим звеном в торговле между цивилизациями Востока и Запада, во II – III вв. н.э. северную ветвь Шелкового пути (от переправ через Волгу до низовий Дона) контролировали сарматские племена аорсов и аланов [1].

В исторической литературе традиционно говорится о признаках матриархата у сарматов [53], особенно в среде их знати. По Геродоту, они происходили от скифов и амазонок приазовских степей: «Женщины ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят общую с ними одежду». Обнаружен ряд сарматских захоронений I века нашей эры, подтверждающих рассказы античных авторов о женщинах-воинах. Например, в 1967 году Т.А. Шаповаловым были вскрыты два сарматских погребения [11], одно из которых принадлежало мужчине-воину, захороненному с мечом, стрелами и железным ножом. В другом погребении обнаружен скелет женщины с отрубленной правой рукой и следами рубленых ранений на костях таза. Женщину-воительницу украшали стеклянные позолоченные изнутри бусы на золотой нитке, бронзовая застежка-фибула, рядом лежало бронзовое зеркало.

Сарматские захоронения женщин с оружием не уникальны, они известны также у саков и скифов (о чем мы уже упоминали), причем у последних доля таких погребений из общего числа почти одинакова с сарматами [5]. Матриархат предполагает не только высокий социальный статус женщины и оружие в ее руках, но и счет происхождения и наследования по женской линии, а также проживание супругов в общине родственников жены и т.д. [54]. Эти признаки не фиксируются у сарматов ни в письменных источниках, ни на археологическом материале, поэтому большинство современных специалистов скептически относится к предположениям о сарматском матриархате. Как и у многих кочевых народов, все свободное мужское население у скифов и сарматов время от времени уходило в дальние походы-набеги, и тогда защита племени с оружием в руках невольно становилась уделом оставшихся в кочевьях

женщин. Отсюда и захоронения вооруженных «амазонок» со следами боевых ранений. Сарматы отличаются только тем, что у них участие в боевых действиях было, по всей видимости, почетной обязанностью молодых незамужних женщин, из которых составлялись специальные отряды (у скифов такие отряды неизвестны). По сообщению Гиппократ [55], девушки у савроматов (сарматов) не могли даже выйти замуж, не убив 3 врагов. Отряды сарматских воительниц могли участвовать в пограничных столкновениях со скифами на нижнем Дону, что и дало пищу для сообщений Геродота о войнах амазонок со скифами. Информация о диковинных женщинах-воинах из далекой варварской страны дошла до Эллады через Боспорское царство и греческие колонии Причерноморья и породила в античной литературе целый букет экзотических сюжетов об амазонках.

Следы пребывания сарматов имеются южнее Розовки, в окрестностях Мариуполя и по берегу Азовского моря.

Одной из первых сарматских древностей, найденной в наших местах, является бронзовый котел, описанный еще в 1911 году почетным членом Одесского общества истории и древностей Э.Р. фон Штерном [56]. Котел (рис. 3.6, поз. 2) был найден в 1896 году при грабительских раскопках кургана севернее Мариуполя, в нижнем течении Кальмиуса, и продан после длительного торга Одесскому музею вместе с другими находками из этого погребения за 500 рублей (очень солидные деньги по тем временам!) Сам Э.Р. Штерн считал, вскрытое грабителями захоронение принадлежало скифам позднего периода, находившимся под сильным влиянием греческой культуры [56], но современные специалисты относят котел к кругу сарматских древностей и датируют I–II веками нашей эры [1].

(См. Приложение: рисунок. 3.6)

Этот клепаный сосуд из листового металла продолжает традиции звериного стиля: ручка его изготовлена в виде стилизованного оленя, носок сосуда представляет собой голову быка, на корпусе две фигурки орлов, сидящих на дельфинах (рис. 3.6, поз. 2). Крышку котла венчает композиция из двух человеческих фигур с орлиными носами, одетых в круглые шапки [56]. В целом стилистика сосуда достаточно примитивна, она не идет ни в какое сравнение с изысканным и реалистичным стилем скифского золота.

При раскопках курганов № 2, 4, 5 и 6 севернее поселка Сартана были обнаружены 15 сарматских захоронений первой половины I в. н. э. [1], среди которых были мужские, женские, детские и парные погребения (мужчина и женщина). Для мужских могил характерно наличие оружия: в захоронении № 4 кургана № 2 найден меч, в погребении № 3 кургана № 5 – кинжал. В богатом захоронении № 2 кургана № 5 покоилась знатная сарматка, скорее всего, – жрица. В ее могиле найдены 2 кувшина, изготовленные на гончарном круге, пряслице, 2 мраморных сосудика, бронзовое зеркало, 2 курильницы. Одежда, обувь покойной и ее головной убор отличаются изысканностью и роскошью, они расшиты разноцветными бусинами из стекла и гагата, шею знатной сарматки украшало богатое ожерелье из бусин. Весь ее облик дышит изысканностью и величием, некоторое представление о нем дает реконструкция (рис.

3.6, поз 1), проделанная на основании анализа подобного сарматского женского захоронения из Соколовой Могилы [5].

Более поздние сарматские погребения (2-я половина II – начало III в. н. э.) обнаружены в Володарском районе, в шести курганах у села Шевченко [1]. Всего обнаружено 7 захоронений, часть из них была ограблена еще в древности. Во всех 4 мужских погребениях найдено оружие (кинжалы, длинные ножи, дротики), обнаружен и типичный сарматский меч (рис. 3.6, поз 5). Среди прочего инвентаря этих могил были также удила, пряжки, точильные бруски. В трех женских могилах найдено много бусин из стекла, пасты, фаянса, кораллов, янтаря. Бусины были нашиты на одежду и обувь, из них состояли когда-то нарядные ожерелья покойных. В женском погребении № 1 из кургана № 6 найдены серебряные серьги, сохранились три своеобразных застежки – фибулы (рис. 3.6, поз 4), скреплявшие ее одеяние на плечах и на груди. Во всех захоронениях присутствует высококачественная глиняная посуда (рис. 3.6, поз 6).

В Запорожской области отдельные памятники сарматского времени выявлены в бассейне реки Конки [57]. К единичным случайным находкам этого круга относятся железный наконечник стрелы (с. Конские Раздоры Пологовского района), изделия из керамики и железный нож с прямой спинкой из разрушенной насыпи кургана у села Малая Токмачка Ореховского района. Имеются здесь и погребения сарматского времени. Известно впускное (в насыпь эпохи бронзы) захоронение женщины в кургане Соколовский у Полог [57]. Покойница лежала головой на юг, на растительной подстилке. Инвентарь погребения представлен шаровидным краснолаковым сосудом, ожерельем из пасты и сердолика, золотыми подвесками, бляшками и позолоченными бусинами на одежде. Датируется памятник II веком до н.э. – I веком н.э., т.е. сарматским временем в наших местах. Мужское захоронение в кургане № 3 у Конских Раздор выглядит скромнее: в нем найдены красноглиняный кувшин, грубый лепной сосуд с остатками пищи, обломки бронзовой проволочной фибулы (застежки) [58]. По фибуле захоронение датировано II – III веком н.э.

Следы пребывания сарматов отмечены в среднем и нижнем течении Гайчура. Сарматское погребение вскрыто у с. Богодар (сейчас – село Богодаровка у впадения Гайчура в реку Волчью) [59]. Крайне любопытно сообщение Г.М. Бурова о находке на левом (западном) берегу реки Гайчур, у села Жовтневое в 5 километрах к северу от Гуляйполя, поселения, которое он, предположительно, относит к сарматскому времени. Здесь, на площади 30x30 метров, часто встречаются фрагменты красноглиняных рифленых и гладких амфор с ручками овального сечения. Мощность культурного слоя, представленного черноземом, не менее 0,25 - 0,3 метра на лессовом основании [59].

Во втором томе «Археологии Украинской ССР», на карте распространения сарматских памятников (стр. 186), обозначен в наших местах курган у станции Киршвальд (памятник № 33) [10]. Если здесь не вкралась ошибка, речь должна бы идти о сарматском захоронении где-то у современного села Вишневатое, на территории Розовского района. Никаких пояснений и ссылок на этот памятник в книге нет, он вообще в ее тексте (кроме подрисовочной надписи к карте) не упоминается. Так и остался для меня этот курган № 33 загадкой ...

Наиболее вероятным считается, что сарматы говорили на языке, относящемся к иранской группе, родственном скифским наречиям. Потомками одной из ветвей сарматов считаются осетины (аланы), и сейчас живущие на Северном и Центральном Кавказе.

Сарматское соседство оставило следы в славянском эпосе в виде волшебных сказок о враждебном знойном «Девичьем царстве» у моря, о Змеихе, змеиных женах и сестрах. И даже такой малосимпатичный персонаж русских сказок как Баба-Яга – это память об особой роли женщины у сарматов [16].

До настоящего времени, насколько мне известно, какие-либо сарматские древности на территории Розовского района не обнаружены. Однако не упомянуть об этом кочевом народе, не дать хотя-бы краткую характеристику его культуре, в историческом очерке совершенно невозможно. Слишком известно сейчас его имя у широкой публики, слишком «на слуху» оно из-за разрекламированных, «раскрученных» торговых марок (одно пиво «Сармат» чего стоит!).

Литература

1. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н., Кучугура Л.И. и др. – Мариуполь : Рената, 2008. – 428 с.
2. Грицюк В. Скифия: военно-географический анализ / В. Грицюк // Историко-географические исследования в Украине. – К. : Институт истории Украины НАН Украины 2006. – Выпуск 9. – С. 211 - 242.
3. Федоров П.В. Послеледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15000 лет /П.В. Федоров // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. – М. – 1982. – С. 151-156.
4. Красная книга СССР: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений. Т 1 / Главная ред. коллегия: А.М. Бородин, А.Г. Банников, В.Е. Соколов и др. – М. : Лесная промышленность, 1984. – 392 с.
5. Этническая история древней Украины / Толочко П.П., Козак Д.Н., Моця А.П., Мурзин В.Ю., и др. – К. : Институт археологии НАН Украины, 2000. – 280 с. (на украинском языке).
6. Скрижинская М.В. Скифия глазами эллинов / М.В. Скрижинская. — СПб.: Алетейя, 2001. — 304 с.
7. Гомер. Одиссея. Книга XI / Гомер // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
8. Дударев С.Л. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.) [Электронный ресурс] : дис. ... докт. истор. наук (07.00.06 – археология) /С.Л. Дудырев. – Армавир, 1999. <http://niks.itech.ru/modules/books/big.php?num=2>.
9. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы /М.И. Артамонов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. – 156 с.
10. Археология Украинской ССР. – Киев : Наукова думка, Т. 2 : Скифо–сарматская и античная археология. – 1986. – 591 с.

11. Татаринов С.И. Археология Бахмутского края /С.И. Татаринов, С.В. Федяев, С.А. Федотов. – Артемовск, 2003. – 64 с.
12. Кучугура Л.И. Каменные статуи Северного Приазовья и их назначение. Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея, № Н-11/2006, Мариуполь, 2006.
13. Граков Б.Н. Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы / Б.Н. Граков, Н.Г. Елагина, И.В. Яценко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 230 с.
14. Рыбаков Б.А. Рождение Руси /Б.А. Рыбаков. – М. : АиФ Принт, 2004. – 447 с.
15. Самар В.А. Отчет об археологических исследованиях Восточного отряда археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея в 1994 г. /В.А. Самар, А.Л. Антонов. – Научный архив Института археологии НАН Украины. – №1994/104, Запорожье, 1994. – 137 с.
16. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян [Электронный ресурс] /Б.А. Рыбаков. – М. : Изд-во Наука, 1981. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000031/st000.shtml>.
17. Новицкий Я.П. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине. 1875-1905 г. /Я.П. Новицкий. – Рига : Спридитис, 1990. – 118 с. (репринтное издание).
18. Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова, А.И. Привалов. – К. : УООП, 1988. – 112 с.
19. Шевчук С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. – К.: Август, 1999. – 108 с. (на украинском языке).
20. Самар В.А. К истории изучения Северного Приазовья–Лукоморья (10 лет Восточной Археологической экспедиции) /В.А. Самар, А.Л. Антонов //Музейный вестник, Запорожье, 2002. – выпуск 2. – С. 77 – 82.
21. Полидович Ю.Б. Скифские крестоподобные бляхи / Ю.Б. Полидович // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1999. – С. 30-31.
22. Геродот. История. В 9-ти кн. Книга четвертая. Мельпомена. /Пер. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 2001. – 752 с.
23. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1. Греческие писатели /В.В. Латышев //Вестник Древней истории. – 1948. – №4.
24. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий / И.П. Магидович, В.И. Магидович. – М. : Просвещение, Т.1: Географические открытия народов Древнего мира и средневековья (до плаваний Колумба). – 1982. – 288 с.
25. Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII - первой половине III в. до н. э. [Электронный ресурс] / В.П. Копылов // IV Донские археологические чтения. Сборник докладов. – Ростов-на-Дону, 2002. <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000010/index.shtml>.
26. Зубарь В.М. На берегах Боспора Киммерийского / В.М. Зубарь, А.С. Русяева. – К. : Стилос, 2004. – 239 с.
27. Копылов В.П. Греческие транспортные амфоры из Таганрогского по-

- селения. Материалы конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» [Электронный ресурс] /В.П. Копылов. – Ростов-на-Дону : Из-во Ростовского пед. ун-та. <http://bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/6.htm>.
28. Пиневи́ч П.М. Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. Отчет за 1928 г. / П.М. Пиневи́ч. – Научный архив Института археологии НАН Украины (далее – НА ИА НАНУ). Ф. ВУАК. № 309/23-а.
29. Пто́лемей Клавдий. География. Книга III / Клавдий Пто́лемей // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
30. Швецов М.Л. Древняя история Донбасса /М.Л. Швецов. – Донецк : Областная станция юных туристов, 1990. – 40 с.
31. Самар В.А. История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье – Лукоморье) /В.А. Самар // Музейный вестник, Запорожье, 2005. – выпуск 5. – С. 3–31.
32. Болтрик Ю.В., К вопросу о локализации гавани Кремны / Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987. – С. 41 – 48.
33. Молев Е. А. Боспор в период эллинизма: Монография / Е.А. Молев. — Нижний Новгород: изд-во ННГУ, 1994. – 140 с.
34. Гаврилюк Н.А. Торговля между греками и скифами /Н.А. Гаврилюк // Причерноморье в IX веке до н.э. – начале XIX века. – К. : Институт истории НАНУ, 2007. – выпуск 1. – С. 60 –70.
35. Яковенко Н.Н. Очерк истории Украины с древнейших времен до конца XVIII века [Электронный ресурс] /Н.Н. Яковенко. – К. : Критика, 2005 – 584 с. (на украинском языке). http://history.franko.lviv.ua/yak_content.htm.
36. Золото скифов. Альбом [Электронный ресурс]. <http://ossnet.info/scythian-gold-alboom1.html>.
37. Шепко Л.Г. Скифские памятники северо-восточного Приазовья [Электронный ресурс] /Л.Г. Шепко // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1999. http://annals.xlegio.ru/life/small/harkiv99.htm#_Тoc215490729.
38. Яйленко В.П. Очерки этнической истории Скифии в IV веке до н.э. /В.П. Яйленко // Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович; Ин-т всеобщ. истории РАН. — М. : Наука, 2006. – С.149 –170.
39. Пиневи́ч П.М. Отчет об археологических раскопках в Мариупольском округе, произведенных в 1927 году. / П.М. Пиневи́ч. – Научный архив Института археологии НАН Украины (далее – НА ИА НАНУ). Ф. ВУАК. № 116/39.
40. Косиков В.А. Мариупольский краевед Петр Митрофанович Пиневи́ч [Электронный ресурс] / В.А. Косиков, Р.И. Божко. http://parasona.narod.ru/articles/pinevich_biography.htm.
41. Черненко Е.В. Скифские курганы V века до н.э. вблизи г. Жданова /Е.В. Черненко // Археология. – Т. XXIII. – 1970. – С. 176 –181.
42. История Мариуполя [Электронный ресурс]. http://ru.wikipedia.org/wiki/Дон_и_Донец_в_древности
43. Фиалко Е.Е. Нагайка из Бердянского кургана / Е.Е. Фиалко // Древности

- степного Причерноморья и Крыма (ДСПК). – Запорожье, 1993. – Т. IV. – С. 197-200.
44. Шмакова О.А. Античный шлем в Северном Приазовье /О.А. Шмакова // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 176 – 177.
45. Черненко Е.В. Скифские лучники [Электронный ресурс] /Е.В. Черненко Киев : Наукова думка, 1981. <http://annals.xlegio.ru/skif/chernenk/bow0.htm>.
46. Смирнов А.П. Скифы /А.П. Смирнов. – М. : Наука, 1966. – 200 с.
47. Тощев Г.Н. Исследование курганного могильника Мамай-Гора в 1988 году /Г.Н. Тощев //Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 150 – 151.
48. Андрух С.И. Новая находка скифского изваяния у с. Великая Знаменка /С.И. Андрух //Музейный вестник, Запорожье, 2002. – выпуск 2. – С. 42–43.
49. Страбон. География / Страбон // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
50. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса [Электронный ресурс] / Т.М. Арсеньева. – М. : Наука, 1977. <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st001.shtml>.
51. Шелов Д.Б. Танаис – потерянный и найденный город / Д.Б. Шелов – М. : Наука, 1967. – 144 с.
52. Черненко Е.В. Длинные копья скифов [Электронный ресурс] /Е.В. Черненко //Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 231–234. <http://annals.xlegio.ru/skif/chernenk/spears.htm>.
53. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов / Б.Н. Граков //Вестник Древней истории. – 1947. – №3. – С. 100 – 121.
54. Российский энциклопедический словарь: В 2 книгах. – / Гл. ред. : А.М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. Кн. 1: А–Н. – 1023 с.
55. Гиппократ. О воздухе, водах и местностях / Гиппократ // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
56. Штерн Э.Р. Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея [Электронный ресурс] /Э.Р. Штерн //Записки Императорского одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Одесса, 1911. – Т. 29. – С. 21–44. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=86§ion_code=5.
57. Тихомолова И.Р. Памятники сарматского времени в бассейне реки Конка /И.Р. Тихомолова //Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 149 – 150.
58. Плешивенко А.Г. Курганный могильник у с. Конские Раздоры /А.Г. Плешивенко //Древности степного Причерноморья и Крыма (ДСПК). – Запорожье, 1995. – Т. V. – С. 143 –159.
59. Буров Г.М. Археологические памятники в бассейне реки Волчьей (по данным 1952 - 1955 годов) /Г.М. Буров //Древности степного Причерноморья и Крыма (ДСПК). – Запорожье, 1993. – Т. IV. – С. 231-249.

4. От вторжения готов до Хазарского каганата.

Первое тысячелетие нашей эры началось для степей Северного Приазовья периодом длительной засухи, продолжавшейся с небольшими перерывами (475-485; 525-534; 547-564; 581-598; 677-687 гг.) приблизительно до 750 г. [1]. Наиболее сухой климат царил здесь в IV – VII веках, условия приблизились к зоне сухих степей и полупустынь Евразии, регион был пригоден лишь для сезонного пребывания кочевников. Как отмечается в автореферате А.В. Комара, посвященном этому периоду, «источники молчат не только о том, какие народы проживали в степном Северном Причерноморье во второй половине VI – VIII веках, но и про то, было ли здесь постоянное население вообще» [1]. Похоже на то, что наши степи в раннем средневековье были населены гораздо в меньшей степени, чем в скифское время или позднее, в половецкий период. После 750 года началась более влажная климатическая фаза, благоприятная не только для кочевого и оседлого скотоводства, но и для занятия земледелием в наших местах [2].

До последней четверти I тысячелетия продолжалось повышение уровня Азовского и Черного морей (нимфейская трансгрессия), сменившаяся затем корсуньской регрессивной фазой – понижением его уровня, длившимся до XV – XVI веков [3].

Волна римской территориальной экспансии в первые века нашей эры не дошла до наших мест. В Северном Причерноморье она достигла Ольвии, где в правление императора Антонина Пия (138 – 161 гг.) разместился римский гарнизон, а при Септимии Севере (193 – 211 гг.) эта колония вошла в состав римской провинции Мезия [4]. Восточная граница римских владений прошла здесь по Днепру. Южнее наших мест влияние Рима было ощутимым в Крыму и на Тамани. Боспорское царство не стало римской провинцией, но оно полностью зависело в то время от Рима. Императоры утверждали на престоле боспорских правителей, последние носили официальный титул «друзей Рима» и имели римское гражданство. Цари Боспора женились на знатных римлянках и носили римские имена (например, сын Савромата II, Тиберий Юлий Рескупорид, правивший в 211 – 229 годах) [5]. Во время Боспорской войны (186 – 193 гг.) римские легионы действовали в Крыму как союзники, способствовавшие установлению Боспором контроля за обширными районами на юго-западе и востоке полуострова.

На Боспоре и в Крыму, в первые века нашей эры, появляются ближайшие к Северному Приазовью очаги христианства. На I Вселенском соборе в Никее (325 г.) Боспорское царство уже представляет епископ Кадм [5]. В VI веке (548 г.) епархию в Крыму возглавил православный священник, к концу VIII века Византия учредила там Готскую митрополию, в которую вошло семь епархий [6].

В начале нашей эры, как уже говорилось в предыдущей главе, Северное Приазовье населяли кочевые сарматские племена, среди которых доминировали аланы. Существенной была алано-сарматская составляющая городского населения в Танаисе и других поселениях Боспора. На севере Крыма дожива-

ла последние века Малая Скифия, население которой все более «эллинизировалось», переходило к земледелию и оседлости.

Во II веке одно из восточных германских племен, называемое готами, начало свое движение из низовьев реки Висла (территория современной Польши) на юго-восток, и оказалось в начале III века в нижнем течении Днепра. Исследователи прослеживают проникновение носителей пшеворской и родственной ей вельбарской (вельбарской) культур из Повисленья к Черному морю и связывают это продвижение с готами [7]. Прийдя в Северное Причерноморье, племя разделилось на части: остготы (грейтунги, «степные жители») заселили северный берег Меотиды (Азовского моря), вестготы остались на правом берегу Днепра, в северном Причерноморье. Готы также проникли в Крым, где разгромили в конце III века «Малую Скифию», а готы-тетракситы населили Тамань.

Готы пришли в Северное Причерноморье совсем не с миром. Они рассеяли кочевья сарматских племен, нарушили традиционные торговые маршруты [2], жертвой их нашествия стал Танаис (в 252-254 гг.) [8].

После вторжения готов прежнее алано-сарматское население Северного Приазовья осталось на месте, завоеватели составили теперь его правящую верхушку и военные дружины, обеспечивающие ее господство, длившееся около 150 лет. Во главе готов стоял знатный род Амалов. Захватывая античные поселения, готы не стремились их разрушить, а жили в них вместе с местным населением, занимаясь земледелием и скотоводством [2]. В Танаисе, в конце IV века, вместе с потомками греков жили аланы и готы, причем последние также продолжали античные традиции.

Взаимодействие скифо-сарматских и готских традиций привело к формированию яркого культурного феномена — черняховской культуры, чей расцвет в III—IV вв. совпадает с господством готов в Северном Причерноморье. Для этой культуры характерно пашенное земледелие и ремесло, развивавшееся под влиянием римской провинциальной культуры [7].

Готы, осевшие в Северном Приазовье, не чуждались и разбоя, об их морских набегах из области Меотиды есть сообщения, начиная с 255 г. [2].

Конец господству остготов в наших степях положило вторжение гуннов во главе с Баламбером в 371 году. Готское государство Германариха (Эрманариха) занимало во второй половине IV века обширную территорию от Дона до нижнего течения Днестра, но было ослаблено к тому времени противостоянием со своими соседями: венетами и россомонами. Гунны захватили основу державы Германариха – земли в низовьях Днепра, а сам правитель остготов умер в 375 или 376 году от тяжелого ранения, полученного в войне с россомонами [9]. Выше Порогов разгрому подверглась каменная крепость готов Данпарстадир (городище Башмачка в Днепропетровской области). В результате распада их государства часть остготов осталась жить в нижнем течении Днепра под властью гуннов, образовав две территориально обособленных группы (одну – во главе с сыном Германариха Ханимудом, вторую – во главе с Винитарием (Витимером), внуком Германариха). Между двумя этими груп-

пами компактно поселились аланы, пришедшие на берега Днепра из степей Северного Кавказа вместе с гуннами [8].

Часть остготов, как уже говорилось, поселилась в Крыму и на Таманском полуострове, где они попали позднее под власть Византийской империи и Хазарского каганата. В X—XI вв. византийские источники именуют Крым Готией, и, даже в XIII веке, после монголо-татарского нашествия, поселения готов все еще существуют на южном берегу Крыма. Упоминаются готы и в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готския красныя девы въспеша на брезу синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово...»

Не удалось найти никакой информации об археологических памятниках готов в наших краях. Даже случайные находки, которые можно было бы достоверно связать с их пребыванием в Северном Приазовье, пока отсутствуют. Основным источником сведений о готах является для нас написанный на латыни в раннем Средневековье (VI век) труд Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) [9], текст непростой для понимания, что и вызвало многочисленные комментарии специалистов к нему. Определенные претензии могут быть и к достоверности сообщений Иордана, так как его информация часто основана на устных преданиях более чем трехвековой давности, не чужд автор «*Getica*» и стремления всячески возвысить своих соплеменников. В самом названии его труда заключено определенное лукавство: ведь геты — народ фракийского происхождения, хорошо известный античным авторам и не имевший никакого отношения к германцам-готам. Отождествив свой народ с древними гетами, Иордан смог удревить историю собственного народа и приписать готам славу иных народов древности [7].

Готское присутствие на берегах Меотиды, в Крыму и на Тамани оставило заметные следы в культуре и традициях соседствовавших с ними народов. Аланы и гунны, например, заимствовали у готов женский костюм, включавший две застежки — фибулы, скреплявшие на плечах плащ или платье [10].

Завершая рассказ о готском периоде в истории наших степей, в качестве курьеза упомянем, что в нацистской Германии известия о готах в Северном Приазовье использовались для обоснования «извечного характера германской цивилизаторской миссии на Востоке». На территории оккупированного Крыма и Таврии (бывших северных уездов Таврической губернии), в сентябре 1942 года, была образована, в память о господствовавших здесь некогда готах, провинция Готеланд во главе с генеральным комиссаром Альфредом Фрауенфельдом, штаб-квартира которого должна была находиться в Мариуполе [11].

С 375 года начался гуннский период в истории приазовских степей. Гунны пришли в Северное Причерноморье с востока, в 360–370 гг. они воевали с аланами в Прикаспии [8]. В своем движении через степи Казахстана и южной Сибири предки гуннов ассимилировали ряд тюркских и угрозычных племен, поглощены были ими и побежденные аланы Прикаспия.

Таким образом, появившиеся на европейском горизонте грозные завоеватели с самого начала представляли собой конгломерат тюркских и аланских элементов, но они сохраняли язык, обычаи и военную тактику своих центрально-азиатских предков — хунну.

Еще в середине III века гунны появляются на Северном Кавказе, где их культура развивается в тесном контакте с местными алано-сарматскими элементами. Результатом этого контакта стало зарождение весьма своеобразного и узнаваемого полихромного стиля украшений, распространенного затем гуннскими племенами на огромном просторе: от Казахстана и Поволжья на востоке, до территории современных европейских стран (Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Германия) [12]. В полихромном стиле (именуемом также стилем клаузонне (cloisonnes) [8]), преобладают красно-золотые мотивы. Золото в изделиях (диадемах, колтах, украшениях конской сбруи и поясных ремней кочевников) представлено тонкими пластинами или фольгой, обтягивающей более массивную бронзовую и серебряную основу. Камни использовались недорогие, поделочные (гранат, сердолик, янтарь), применялись пластинки из цветного стекла красных тонов. Блеск золота и сияние камней, аляповатая и дешевая варварская роскошь отличают полихромные украшения гуннской эпохи от лаконичного и строгого звериного стиля скифо-сарматского времени. Хорошей иллюстрацией стиля клаузонне является мелитопольская диадема VI - VII веков [13], центральный фрагмент которой (ритуальное дерево жизни) представлен на рис. 4.1, позиция 15. По общему золотому фону беспорядочно разбросаны красно-оранжевые дешевые поделочные камни различной огранки, промежутки между ними заполняет узор, имитирующий нашитые на ткань или кожу бусины, характерные для более ранних алано-сарматских памятников.

(См. Приложение: рисунок. 4.1)

Кроме полихромного варварского стиля украшений гунны принесли в наши степи такие особенности погребального обряда, как использование кремации (сожжения покойного) и захоронения вместе с ним останков коня.

Как уже говорилось выше, к 378 году гунны сокрушили державу готов и стали полными хозяевами степей Причерноморья, включая и Северное Приазовье. Крупных городов, на которых можно было бы проследить ход их вторжения археологически, вдоль северного побережья Азовского моря не было (за исключением Танаиса, но он, судя по результатам раскопок, избежал гуннского погрома [8]). Города Боспорского царства и Танаис оказались в зависимости от гуннов.

В конце IV века анты (предки славян), при поддержке гуннов, начинают борьбу с ослабленными остготами, но первоначально терпят поражение от Винитария, который казнил вождя антов Божа (Буса?) и 70 их старейшин [8]. Год спустя гунны, во главе с Баламбером, в союзе с антами разбивают Винитария в где-то в низовьях Днепра. Итогом всех этих военных столкновений стало окончательное покорение гуннами не только остготов, но и антов, бывших союзников Баламбера [8].

В конце IV века (не раньше 375 г.) гунны разгромили позднеантичный город Тира в устье Днестра. За Дунай, во Фракию и Трансильванию, хлынули потоки беженцев: вестготов и алано-сарматов. Гуннский племенной союз стоял у порога Римской империи.

Первым из римских авторов сообщает о гуннах Аммиан Марцеллин, в книге XXXI своего труда «Римская история»: «... гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами (грейтунгами) и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха (Германариха), весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы ...» [14]. Более 80 лет сотрясали гунны Европу, создавая угрозу и составляя постоянную «головную боль» и Западной Римской империи, и Византии (обособившейся от остальных римских провинций в 395 году) [15]. Печально известный гуннский предводитель Аттила («бич Божий и молот Вселенной!»), дошел в 451 году до Орлеана (Франция), хотя и не взял города.

Закат непобедимых гуннов начался после знаменитого сражения на Каталаунских полях (близ современного французского города Санс) с объединенным войском римлян, вестготов и аланов, стоившего обеим сторонам большой крови, но завершившегося «вничью». Христианская традиция вложила в уста отшельника красноречивое обращение к Аттиле накануне битвы: «Ты – бич Божий и палица, которой Провидение поражает мир, но Бог, по воле своей, ломает орудие кары и передает меч из одних рук в другие» [8]. После смерти в 454 году этого предводителя гуннов, власть которого распространялась и на степи между Дунаем и Доном, его рыхлая «империя» с центром в Паннонии (территория современной Венгрии) быстро развалилась [16]. Уже в 455 году гунны потерпели поражение от гепидов и их германских союзников на реке Недао (Паннония), в битве погиб старший сын Аттилы Эллак, вскоре гунны были вытеснены из Паннонии римлянами и готами [16]. Динцик (Денгизих) и Ирнак (сыновья Аттилы) отводят кочевников к востоку [8]. За очередным поражением от болгар и остготов (463 г.) последовал решающий разгром гуннов Византией (469 год). Динцик (Денгизих) был убит, а голова его выставлена на всеобщее обозрение в Константинополе [16]. Часть гуннов под руководством младшего сына Аттилы Ирнака (или Эрнака) прошла степями Северного Причерноморья и Приазовья, растворившись в просторах за Волгой [8]. Пестрый гуннский племенной союз перестал существовать, свое самостоятельное историческое бытие начали многие кочевые племена, входившие ранее в его состав: болгары, авары, аланы, хазары.

Язык, на котором говорили гунны, относится к тюркско – монгольской ветви алтайской семьи языков. В настоящее время этот язык – мертвый, письменных источников на нем нет, ближайшим его живым родственником является современный чувашский язык [8].

Таким образом, гуннский период в наших степях длился менее столетия (378 – 445 годы) [8]. Какие материальные следы он оставил в наших краях? Памятники этого времени достаточно редки как в Северном Приазовье, так и в местностях, прилегающих к нижнему течению Днепра. Оговоримся сразу, на территории Розовского района они, увы, пока не обнаружены, хотя присутствие племен гуннского союза в наших местах не подлежит сомнению. Опре-

деление принадлежности памятников этого периода и их датировка связаны с некоторыми затруднениями, обусловленными как недостатком письменных источников, так и чрезвычайной этнической пестротой населения наших степей в то время (тюркские племена гуннского союза, готы, аланы, анты и т.д.).

Гунны оставили в Запорожской области курганные и безкурганные захоронения, поминальные (жертвенные) места, к гуннскому времени относят и часть интересных случайных находок в наших местах.

Гуннские погребения по обряду сожжения и трупоположения были исследованы Д.Я. Самоквасовым в 1884 – 1886 гг. в курганах у села Новогригорьевка Александровского уезда [19, 20] (сейчас – село Григорьевка Запорожского района, в низовьях Конки). В захоронениях по обряду сожжения остатки погребального костра, содержащие уголь, пережжённые лошадиные, овечьи и человеческие кости, стрелы, обкладки сбруи и сёдел, пряжки помещались в неглубокие ямы диаметром около 7 метров, которые перекрывались слоем камней толщиной до 35 сантиметров. Поперечник такой каменной насыпи значительно превышал размеры ямы, а сверху насыпь перекрывалась черноземом [17]. На рис. 4.1 представлены находки гуннского времени из курганов VIII и IX у Новогригорьевки, датируемые первой половиной V века. Это различные украшения ремней (поз. 1-3, 5), пряжки (поз. 7 – 9), удила (поз. 10), конская налобная бляха (поз. 11) и подвеска меча (поз. 12), выполненные в стиле клаузонне.

Замечательными образцами этого стиля гуннского периода являются две диадемы, найденные в Запорожской области. В 1948 году, в Кизиярской балке (г. Мелитополь), было случайно обнаружено разрушенное алано-гуннское погребение, доисследованное К.Ф.Смирновым, В.Ф.Пешановым и И.М.Волчковой [20]. Наряду с бронзовым котелком, железными удилами, бронзовым зеркалом, множеством пластинок от конской узды, инкрустированных камнями, в погребении была найдена диадема VI-VII вв. (поз. 13, 15) с разбросанными по золотому полю разноцветными поделочными камнями. Другая диадема гуннского времени (поз. 14) происходит из богатого безкурганного погребения всадника с конем у села Старая Игрень, датируемого концом IV века [19, 21].

Впускное гуннское захоронение по обряду трупоположения в могильной яме с заплечиками у дна и с использованием решетчатого гроба исследовано К.Ф. Смирновым в кургане № 1 (погребение № 1) у Большого Токмака (ныне – г. Токмак). Покойный лежал вытянуто на спине, головой на север (поз. 17 на рис. 4.1), в изголовье находился глиняный сосуд (поз. 16), пояс был украшен пряжками (поз. 6) [17, 18].

Севернее Токмака, в урочище Макартет у села Жовтневое, в 1967 году случайно было обнаружено жертвенное место гуннского времени [8, 20], исследованное затем В.Ф. Пешановым и Д.Я. Телегиным. Всего было найдено около 200 предметов, среди них - 2 бронзовых котла, 3 меча, железные удила, наконечники стрел, бронзовые бляшки, пряжки с геммами. Все обнаруженные предметы лежали несли следы огня, костей зафиксировано не было, поэтому памятник не относится к захоронениям по обряду сожжения.

На территории Куйбышевского района, соседнего с Розовским, в селе Алексеевке и поселке Куйбышево найдены два бронзовых амулета (рис. 4.2, поз. 1 и 7), представляющих собой стилизованные изображения человеческих фигур [22]. Алексеевский амулет (рис. 4.2, поз. 1) обнаружен при земляных работах в совхозном саду. Это литая бронзовая фигура обнаженного мужчины размерами 4,7 x 1,8 см и толщиной 1,8 мм. На обороте амулета, в районе шеи, имеется ушко для подвески. Датирована находка VI – VII веками [22].

Похожий амулет из бронзы обнаружен у основания Белосарайской косы (рис. 4.2, поз. 2), ранее 1966 года. Он находится в Мариупольском краеведческом музее и датирован IV – V веками, впервые описан Б.Ю. Михлиным в 1972 году [23]. Размеры этой находки составляют 4,7x2,2 сантиметра, при толщине около 2 миллиметров. Б.Ю. Михлин связывает белосарайский амулет с гуннами.

По мнению Л.И. Кучугуры (Мариупольский краеведческий музей) [24], белосарайский амулет происходит из разрушенного детского погребения, отнести его следует к аланскому населению Северного Приазовья, а датировать более поздним временем: VI – VII веками.

Три подобных амулета (рис. 4.2, поз. 4-6) были найдены ранее на Востоке Крыма [25], они описаны И.Т. Кругликовой и датированы IV—V веками. И.Т. Кругликова считает, что крымские амулеты принадлежали племени боранов.

(См. Приложение: рисунок. 4.2)

Бронзовая антропоморфная бляшка (рис. 4.2, поз. 3) была найдена в 1960 году при раскопках в детском погребении № 138 последнего периода существования Танаиса (конец IV - начало V века) [27]. Ребенок захоронен в овальной яме, перекрытой деревянными плахами, в позе «вытянуто на спине», головой на северо-восток. Время погребения совпадает с гуннским периодом в Северном Приазовье. Пребывание гуннов в Танаисе надежно подтверждено археологически: в культурном слое городища найдены костяные накладки от двух луков гуннского типа, наконечники гуннских стрел, а в некрополе города выявлены захоронения шкур лошадей (вне погребений) [8]. Все это позволяет отнести антропоморфную бляшку из Танаиса к кругу алано-гуннских древностей.

В 1977 году у села Червоноармейское Болградского района Одесской области найден еще один бронзовый амулет, напоминающий описанные выше. Авторы статьи [25] относят находку у Червоноармейского к кругу памятников салтово-маяцкой культуры (на южной окраине этого села открыто салтово-маяцкое поселение).

Алексеевский, белосарайский и крымские амулеты фаллические, что позволяет предположить их связь с культом плодородия. Все эти фигурки близки по размерам и стилю к амулетам аланов, найденным в катакомбном захоронении при раскопках могильника в окрестностях Кисловодска. По мнению некоторых исследователей, подобные амулеты могут принадлежать и гуннам.

Таким образом, антропоморфный амулет (поз. 1), найденный в селе Алексеевка, на Берде, достаточно органично вписывается в ряд подобных находок (поз. 2-6) и может быть отнесен к гуннским или аланским древностям.

Бронзовый амулет из пгт. Куйбышево (поз. 7) стоит особняком, стилисти-

чески он заметно отличается от описанных выше антропоморфных фигурок, происходящих из Крыма, Северного Приазовья и Одесской области. Долго не удавалось подобрать какие-то аналоги куйбышевскому амулету, пока мне однажды не «попала в руки» электронная версия монографии О.М. Приходнюка, посвященной пеньковской культуре [26]. Прямо на ее обложке была изображена литая антропоморфная фигурка (рис. 4.2, поз. 8), даже в мелких деталях похожая на амулет из Куйбышево. Она отнесена в книге О.М. Приходнюка к «ареалу пеньковской культуры» и найдена в Надпорожье. Пеньковцы, которых большинство современных историков считает антами, предками славян, оседло жили в пограничной полосе между степью и лесостепью на просторах от Донца до Прута. Для этой культуры обычно указывают временные рамки от середины IV до конца VII века, уже в VIII веке на Левобережье пеньковцев сменила волынцевская культура [26]. Основная область распространения пеньковской культуры лежит гораздо севернее земель Куйбышевского района, самые южные ее памятники отмечены в районе Днепровских порогов (Волошское, Надпорожье, Скельки, Хортица). Как попал этот бронзовый амулет в окрестности Куйбышево, можно только гадать ...

Таким образом, нам остается предположительно отнести бронзовый амулет из Куйбышево (поз. 7 на рис. 4.2) к пеньковской культуре и предварительно датировать его весьма широко, от середины IV до конца VII века.

После ухода гуннов под предводительством Эрнака на восток (около 471 г.), в Северном Приазовье, наряду с аланами, остаются племена – осколки бывшего гуннского союза: гунны - сабиры, гунны - утигуры, гунны – кутригуры [2]. Позднее (со второй половины V века) к ним добавляются акациры, в которых обычно видят хазар. Об акацирах (акатирах), как жителях «Припонтийской Скифии», пишет в своем труде «Готская история» Приск Панийский, указывая, что правил ими один из сыновей Аттилы от жены Креки [28]. Южнее акациров, над Понтом (Чёрным морем), расселились болгары [2].

Тюркоязычные угро-финские племена кутригуров (кутургуров) и утигуров (оногуров) жили в степях Северного Причерноморья в VI – VII веках. Вот что говорит византийский писатель и историк Прокопий Кесарийский в книге VII своего труда «Война с готами» о кутригурах и утигурах: «... страна называется Евлисия. Прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до < ... > Меотийского болота и до реки Танаиса. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. < ... > За Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей заселили < ... > кутригуры-гунны» [29]. Согласно этому сообщению, кутригуры занимали тогда Северное Приазовье, а утригуры – степи к востоку от Дона и к югу от Азовского моря. Кутригуры и утригуры ведут между собой войны (в которых участвуют и готы-тетракситы), вражду между этими племенными группировками старательно поддерживает Византия. Об этих войнах историк Агафий Миринейский так пишет в своем труде «О царствовании Юстиниана»: «... в течение долгого времени [кутригуры и утригуры] были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добы-

чу, то вступали в открытые бои, пока не почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя» [30].

В 558 году в Северное Приазовье приходят авары, подчинившие себе ослабленных войнами кутригуров и утургуров. Авары сформировались из осколков двух племен – вар (угров) и хионитов (алан Средней Азии). В наших степях они находились недолго (558 – 567 гг.), основной состав местного населения при этом не изменился (аланы, кутригуры, готы). В.А. Комар [1] датирует покорение кутригуров и утургуров 560 – 561 годами, а выделение особого аварского периода в истории степей Северного Причерноморья считает не очень обоснованным, из-за кратковременности пребывания здесь аваров.

(См. Приложение: рисунок. 4.3)

После 565 года авары ушли на Дунай, образовав Аварский каганат, но их культурное и политическое влияние на обитателей Северного Приазовья (аланов, кутригуров) продолжалось и в VII веке [2].

Ближайшим к Розовке памятником аварского времени является аланское погребение в верховьях Мокрых Ялов, у села Новопавловка (юго-западная окраина Волновахи) [2]. Сотрудник Мариупольского краеведческого музея Р.И. Саенко в 1965 году сделала на месте этого погребения (при обследовании размытого кургана) ряд интересных находок, представленных на рис. 4.3. Покойная лежала в позе «вытянуто на спине», головой на запад, в могилу был помещен лепной сосуд. У ее головы находились три бронзовых серьги с многогранными подвесками – бусинами (рис. 4.3, поз. 1), на руках были проволочные бронзовые браслеты с утолщенными концами, на поясе – железная пряжка, а на груди лежали две пальчатых бронзовых застёжки – фибулы (рис. 4.3, поз. 2). Мода на подобные фибулы, составлявшие первоначально принадлежность женского одеяния у готов, в раннем Средневековье широко распространилась у их соседей: гуннов, аланов, антов. В том, насколько схожи находки у Новопавловки с типичными пальчатыми фибулами пеньковской культуры (антов), легко убедиться по рис. 4.3 (антские фибулы приведены на поз. 3 - 7). Погребение из Новопавловки датируется VI – VII веками.

Кутригуры и оногуры, после длительной борьбы с аварской зависимостью, образовали в 633 году самостоятельный племенной союз под руководством правителя Кубрата из рода Дуло – Великую Болгарию. После его смерти (около 641 г.) это объединение распалось на две крупных орды, руководимые братьями Аспарухом и Батбаем, чем сразу же воспользовалось сложившееся к этому времени в прикаспийских степях Хазарское государство. Земли болгар были захвачены, орда хана Батбая вошла в состав Хазарского каганата. Хан Аспарух, оказавший сопротивление, был вынужден, преследуемый хазарами, вместе с частью болгар отойти в 675 г. на Дунай, где он стал основателем Дунайской Болгарии [6].

В конце VII века хазары оказались хозяевами не только всех степей Северного Приазовья и Причерноморья, но и установили контроль над степным Крымом, войдя в непосредственное соприкосновение с византийскими владениями на полуострове. История противостояния в Крыму каганата с греками

полна византийских сюжетов: заговоров, сиюминутных союзов, политических браков и убийств [31].

Первая треть VIII века была временем длительной и тяжелой борьбы Хазарского каганата с арабами, хазары стали для стран Восточной Европы щитом, заслонившим ее от арабской лавины. Из охваченных огнем войны степей Северного Кавказа началось постепенное переселение аланов, болгар и хазар на север, в долины Дона и Донца, на северный берег Азовского моря. Этот процесс положил начало формированию салтово-маяцкой археологической культуры, представляющей Хазарский каганат в Северном Приазовье, на Дону и Северском Донце. Памятники этой культуры на юго-востоке Украины представлены поселениями, захоронениями и отдельными случайными находками. Укрепленные городища хазарского времени в Северном Приазовье пока не обнаружены [32].

В VII веке среди разноплеменного населения каганата распространился единый язык, относящийся к болгаро-печенежской группе тюркских языков, его восприняли и ираноязычные аланы. Единой была и принятая у тюрков руническая письменность, фрагмент хазарской надписи рунами на каменных блоках Маяцкой крепости представлен на рис. 4.4 (поз. 4). В каганате соседствовали христианство, ислам и иудаизм. Подавляющее большинство населения было языческим, из множества божеств (тенгри) более всего почитали Тенгри-хана, бога неба и света, амулеты которого распространены по всему каганату. Для консолидации общества хазарам нужна была единая, общегосударственная религия. Предстояло выбрать между исламом, христианством и иудаизмом. Ислам исповедовали арабы – кровные враги хазар, с которыми шла длительная и напряженная борьба. Доведенный до крайности военным поражением, хазарский каган в 737 году вынужденно, на время, принял ислам, но заставить все население каганата принять религию кровного врага и обидчика было невысказано. Хорошо знакомы хазары были и с христианством, семь епархий Готской митрополии в Крыму, подчиненной Константинополю, находились на хазарской земле. Христианская община стала орудием византийского влияния в каганате, которое греки виртуозно использовали, шаг за шагом укрепляя свое положение. Это не способствовало симпатиям хазарской верхушки к христианству.

Выбор был сделан в пользу иудаизма. Первым каганом, лично принявшим иудаизм в 730 году, стал «праведный» Булан, но официально эта религия стала общегосударственной при кагане Обадии (реформы 799-809 годов) [6]. Узконациональный характер иудейской религии не позволил ей стать фактором сплочения разноплеменного населения каганата. Разразилась смута, ожесточенная борьба между столичной знатью и провинциальной аристократией, которая была в своей массе языческой, а то и тяготела к исламу или христианству. В пламени междоусобицы уничтожались города, каганат был радикально ослаблен.

В разгар смуты на земли хазар начали проникать с востока новые кочевники: венгры (мадьяры) и теснившие их печенеги. Под давлением печенегов венгры отошли к западу и осели в степях между Днестром и Прутом. В самом конце IX века хазары, объединившись с гузами, разгромили печенегов и вы-

теснили их на Правобережье Днепра. Эти земли печенеги смогли занять, лишь отняв их у венгров, которые ушли на территорию нынешней Венгрии, где и обрели в первые годы X века свою новую родину. Вскоре печенеги, пользуясь слабостью хазарского каганата, заняли все степи Причерноморья и Приазовья. Прекращение жизни на поселениях праболгар в районе Мариуполя можно связать с печенежским вторжением. Часть праболгар Приазовья пережила эти бурные события и перешла к кочевому образу жизни под господством печенегов, часть ушла на Волгу [32].

В 915 году печенеги впервые появляются у границ Руси, которая на протяжении последующих 120 лет 16 раз была вынуждена воевать с этими беспокойными соседями [33]. Перипетии непростых отношений Киевской Руси с кочевой степью подробно рассмотрим в следующей главе.

Последний и непоправимый удар ослабленному Хазарскому каганату нанесли походы князя Святослава. Отношения Киевской Руси с каганатом всегда складывались непросто.

В лесной и лесостепной зоне бассейна Днепра сформировались племенные славянские союзы полян, северян, вятичей и радомичей. Левобережную лесостепь заселяли вперемешку аланы, болгары и славяне, зависимые от Хазарского каганата. В VIII — X веках поляне, северяне, вятичи и радомичи оказались в сфере влияния хазарского государства. По летописной традиции, хазары брали с приднепровских славян дань по серебряной монете и «по беле (шкурке белки) от дыма». Славянских данников хазарского каганата историки связывают с волынцевской и роменской археологическими культурами. «Хазарское иго» могло иметь и свои положительные стороны: заселение славянами — земледельцами левобережной лесостепи шло под эгидой каганата, защищавшего их от кочевых набегов, хазарам был нужен хлеб [7].

По сообщению «Повести временных лет...» [34] поляне освободились от дани, послав хазарам по мечу от дыма», что означало отказ в подчинении. Радомичи, по словам летописца, в 885 году на вопрос князя Олега ответили, что платят каганату дань: «Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они ответили: «Хазарам - по щелягу (щелягу) с сохи даем». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали» [34].

В 964 году энергичный и воинственный князь Святослав начал поход против хазар, направившись на Оку и Волгу, где подчинил их последних славянских данников-вятичей. Далее, руководствуясь «Повестью временных лет...» (ПВЛ) и сочинением арабского путешественника и географа Ибн Хаукаля «Книга путей и стран» [49], С.А. Плетнева в своей известной книге о хазарах [6] излагает перипетии войны Святослава с каганатом в следующей хронологической последовательности. Разгромив по дороге Волжскую Болгарию, князь с войском в 965 году разрушил и разграбил столицу хазар Итиль в низовье Волги. По пути от Итиля к Черному морю Святослав победил в степях Северного Кавказа аланов и покорил касогов (адыгов). Войско русов прошло через Керченский пролив, поднялось по Дону, где они захватили хазарскую крепость Саркел [34], переименовав ее в Белую Вежу.

Следует отметить, что скудность источников о войне Святослава с хазарами и трудности их однозначной интерпретации не позволяют, по-видимому, в настоящее время обоснованно выстроить столь детализированную во времени и пространстве картину событий. Опираясь на интерпретацию тех же источников, что и С.А. Плетнева (ПВЛ и Ибн Хаукаль), некоторые авторы [50] отрицают разгром Святославом Волжской Булгарии и утверждают, что имел место не один поход против хазар (в 965 году), а два (в 965 и 969 гг.).

В 985 году князь Владимир, сын Святослава, повторил поход отца против Волжской Булгарии и хазар, союзниками снова выступили гузы (на Руси именуемые торками). Восточные города Хазарии были уничтожены, знаменитые сады и виноградники сожжены, Итиль превращен в дымящиеся развалины, в которые уже не вернулась жизнь.

Как уже говорилось выше, салтово-маяцкую культуру Хазарского каганата создало многонациональное население: аланы, болгары, хазары и славяне. В основе их хозяйства лежало земледелие и скотоводство, весома роль торговли и рыбной ловли. Возникновение и развитие большинства хазарских городов связывают именно с транзитной торговлей [35]. Различают 4 варианта этой культуры. Лесостепной вариант (верховья Донца, Оскола и Дона) создан, в основном, племенами аланов. Степной вариант локализован в низовьях Дона. Антропологически и по обряду захоронения его связывают с болгарами (черными болгарами русских летописей) [36]. Для степного варианта характерны большие земледельческие селения на берегах рек. Здесь найдено много тарной керамики (амфоры, кувшины) для вина, косточки винограда и даже специфический нож виноградаря. На этих плодородных землях нижнего Дона обнаружены остатки двух хазарских городов — Саркела и Семикаракорского городища, а также белокаменной крепости, называемой историками Правобережным Цимлянским городищем (сейчас затоплено водами Цимлянского водохранилища). При раскопках Саркела найдены свидетельства присутствия славянского населения в хазарском городе: характерная керамика и жилища — полуземлянки с печами [36]. Погребения второго варианта салтово-маяцкой культуры в степной зоне Подонья проводили в прямоугольных ямах, обкладывая стенки досками, основная поза умерших — на спине, вытянутые во весь рост. В отличие от катакомбных погребений аланов с большим количеством вещей, набор их в ямных захоронениях ограничен: немного керамики и остатки ритуальной пищи (кости барана, свиньи, коровы). Третий, приазовский вариант культуры, близок к степному, но поселения в Приазовье значительно больше донских. Жилища в приазовском варианте построены из сырцового кирпича. Они двухкамерные, возведены на каменном основании.

Своей монеты Хазарский каганат не чеканил (хотя отдельные такие попытки известны [32]), денежное обращение было построено на монетах Византии и Халифата.

В 1967 году С.А. Плетнева опубликовала в своей известной книге [37], посвященной салтово-маяцкой культуре, карту ее распространения. Территория Левобережья западнее реки Кальмиус на ней почти пуста, обозначены лишь два памятника на Днепре в районе порогов (Вознесенский клад, интер-

претируемый сейчас как поминальное место хазарских правителей раннего периода [38] и гончарная мастерская аланов в балке Канцерка). Судя по обзорной работе 2003 года, содержащей свод древностей Запорожской области [20], ситуация с салтово-маяцкими памятниками и через 35 лет мало изменилась.

Материальные свидетельства пребывания кочевников салтово-маяцкой культуры (аланов, болгар, хазар) на юго-востоке Запорожской области крайне скудны, это отдельные случайные находки.

К югу от Розовки, в Донецкой области, следы салтово-маяцкой культуры встречаются гораздо чаще. На участке побережья Азовского моря от Новоазовска до Юрьевки выявлены многочисленные остатки поселений, причем в их расположении есть определенная закономерность [32]. Болгаро-аланские посёлки располагались в устьях рек и балок, чаще всего на их крутом правом берегу, приблизительно в километре от моря. В нескольких километрах выше по реке или балке следы жилья уже фиксируются редко, салтовцы отводили эти земли под пастбища. Поселения болгар снова появляются в тех же балках и на тех же реках, но уже в 20-30 километрах от моря. «Верхние» селения, скорее всего, использовались летом, в «нижних», близ морского берега, жили зимой, а также во время весенней и осенней путины. В Мангушском (Первомайском) районе памятники болгар зафиксированы в Мелекино, Юрьевке (по течению р. Камышеватой выявлено не менее 17 пунктов), Ялте, в Володарском районе – у сел Кальчик и Украинка [2, 39].

(См. Приложение: рисунок. 4.4)

Поселение у Кальчика (в 3 километрах к юго-востоку от села, на склоне балки) примечательно находкой византийской медной монеты [40]. При строительстве моста через ручей, впадающий в реку Малый Кальчик, между селами Кальчик и Гранитное Володарского района, на мысу, была найдена медная монета (рис. 4.4, поз. 3) достоинством в 8 пентануммиев или 1 фоллис, отчеканенная в Херсоне (Крым) в годы правления византийского императора Юстина II (565-578 гг.) [32]. На ее лицевой стороне (аверсе) изображена императорская чета, на обороте указан номинал монеты (буквой Н, восьмой в латинском алфавите, так как привычные нам специальные знаки для цифр стали употребляться позже), фигура слева от буквы – скорее всего, изображение святого. Монета отчеканена в аварское время (VI век), но подобные ей были в обращении долго, а в VII веке, после денежной реформы, их пригодность, как платежного средства, подтверждалась надчеканкой. Так как монета найдена на территории салтово-маяцкого поселения VIII - X веков, специалисты относят ее к салтово-маяцким древностям [32].

Ближайшее к Розовке обнаруженное салтово-маяцкое поселение находится сразу за Каменными Могилами, на северной окраине села Украинка, на второй надпойменной террасе левого берега Каратыша [40].

Известны находки хазарского периода в черте нынешнего Мариуполя и его окрестностях: в Самаринной балке, Старом Крыму, Талаковке, на территориях строившихся металлургических заводов «Азовсталь» и имени Ильича [42]. Следы поселений салтово-маяцкой культуры имеются в районе Зинцевой, Бузиной, Водяной, Безыменной балок, на территории современного Приморского парка вблизи телевышки и у санатория им. Н.К. Крупской (ам-

форная керамика, красноглиняная гончарная посуда, железные ножи, пряжки, украшения). Самыми распространенными находками являются остатки тарной керамики (амфор). На одном из фрагментов тулова амфоры имеется надпись (граффити), состоящая из трех греческих букв: «Λ – лямбда», «Ν – ню», «Ο – омикрон» (по-русски: Л, Н, О) [42]. Буквы прочерчены тонкими линиями, довольно небрежно (рис. 4.4, поз. 5). Добавленный в тесто шамот позволяет предположить изготовление этих амфор в приазовских городах (Таматархе, Фанагории), а не в Крыму или Византии [42].

Женское захоронение салтово-маяцкой культуры первой половины IX века обнаружено у стана «3000» в Ильичевском районе Мариуполя [32]. Частично оно было разрушено строителями, поэтому трудно утверждать с полной уверенностью, совершено ли это захоронение в кургане или его следует считать безкурганым. В погребении найден глиняный сосуд (рис. 4.4, позиция 1), бронзовое зеркало и небольшой набор украшений, состоявший из двух медных монет - подвесок к головному убору и подвески из колечек. Монеты (дирхемы) отчеканены в Багдаде в 156 году Хиджры (772/773 гг.). На горшке четко виден рисунок, выполненный до обжига (по сырой глине) острым орудием и состоящий из двух знаков (см. прорисовку на рис. 4.4, поз. 2): креста и тамги [32]. Тамгоподобный знак на сосуде очень напоминает один из знаков хазарского рунического письма (сравните тамгу на прорисовке и шестой знак справа в верхнем ряду фрагмента рунической надписи (рис. 4.4, поз. 4). Тамга ставилась на предметы и имущество (включая скот), как знак их владельца. Тамгоподобные знаки киевских князей стоят на древнерусских монетах и кирпичах Десятинной церкви [43]. Тамга на глиняном сосуде является знаком его принадлежности определенному владельцу.

В результате раскопок 1992 года в Ляпинской балке (на восточной окраине Мариуполя, в 1,5 километра от впадения балки в море) обнаружены остатки кочевья или сезонного стойбища хазарского времени (VIII – X века) [44].

Краевед Н.Г. Руденко в своей работе [39] говорил о славянской компоненте салтово-маяцкого населения в окрестностях Мариуполя, однако в доступной мне литературе найти археологические подтверждения этому факту не удалось. Крайне редко обнаруживаются предметы чисто славянского происхождения, вроде бронзового амулета с юго-восточной околицы села Гранитное (Тельмановский район). Более подробно об амулете-медальоне из Гранитного поговорим в следующих главах, так как датируют его чаще всего концом XII – началом XIII столетия [45].

В своих работах по истории Мариуполя Н.Г. Руденко высказал имеющее право на существование предположение, что салтово-маяцкое поселение на месте нынешнего города называлось Адомаха. Чем оно было обосновано? В ряде источников конца XVIII – начала XIX веков имеется не совсем ясная информация о существовании на месте Мариуполя, до переселения сюда греков, города (зимовника, займища, селения) Домаха (Адомаха, Адомахия). Сотрудник Мариупольского краеведческого музея Р.И. Саенко считала [46], что, если такой город (селение?) и существовал, то было это задолго до появления казаков в Северном Приазовье. Н.Г. Руденко предположил [39], что назва-

ние «Адомаха» произошло от древнееврейского слова «адамах», что значит – «глина», «красная влажная земля» (отсюда и Адам, слепленный из глины). Поскольку в хазарском каганате государственной религией был иудаизм, то Адомаху он посчитал поселением салтово-маяцкой культуры, предшественником Мариуполя. Никакие другие достоверные свидетельства в пользу этого предположения не приводятся. Имеет ли такое предположение право на существование? Да, разумеется, наравне со многими другими, но не следует забывать, что это – только предположение! Беда в том, что своей монографии [47] Н.Г. Руденко уже говорил о салтовской Адомахе, как о твердо установленном факте, строил на этом дальнейшие гипотезы о нахождении на месте Мариуполя одного из крупнейших поселений бродников («центра Броднии», «резиденции предводителей»), о которых речь подробно пойдет ниже. И последнее об Адомахе по Н.Г. Руденко. Сотрудник Мариупольского краеведческого музея Л.И. Кучугура, на основании консультаций со знатоками иврита, утверждает, что форма «Адомаха» в еврейском языке не существует, хоть слова «Адам» – человек, «адам» – красный, «адама» – земля и употребляются [48].

А вот еще цитата из книги [39] журналиста и краеведа Н.Г. Руденко: «Про все, що відбувалося в пониззі Кальміуса 10 - 12 століть назад, ми могли б мати ясніше і, головне, достовірне уявлення, якби в кінці двадцятих - початку тридцятих років ХХ століття після відкриття Маріупольського могильника відклали хоч би на десяток років будівництво металургійного заводу і дали археологам можливість спокійно, не поспішаючи, вести розкопки... Тоді, в роки першої радянської п'ятирічки, Сталін вимагав скажених темпів індустріалізації, а інтереси такої науки, як археологія, його зовсім не цікавили...». Странно слышать все это от участника Великой Отечественной войны! Но представим себе, что в 1929-1931 годах строительство «Азовстали», по желанию Н.Г. Руденко, действительно было бы остановлено на 10 лет («хоч би на десяток років»), годика, эдак до 41-го, во имя развития археологии... Огромный вклад азовстальского металла в дело нашей Победы в той тяжелейшей, смертельной борьбе с фашизмом, общеизвестен. А теперь представьте: 1941 год, начало войны, а «Азовсталь» еще строят, и не дала она пока ни тонны танковой брони, никакого вообще от нее нет пока проку! Ведь могли и победить тогда «арийцы», и не надо долго гадать, что стало бы этом случае с нашим народом, археологией, изучающей «иудейских» хазар, да и с самим красноармейцем Н.Г. Руденко! Вот к чему, если додумывать их до логического конца, ведут эмоциональные проклятия «бешеным темпам индустриализации»! Печально читать такое у заслуженного ветерана, ныне уже покойного, много пожившего и повидавшего...

Может показаться, что мы уделили Хазарскому каганату и салтово-маяцкой культуре слишком много внимания, ведь ее памятников в Розовском районе пока не обнаружено. Но нам еще придется не раз возвращаться к этой культуре, рассматривая в следующих разделах крайне важный вопрос о бродниках - славянской и христианской составляющей населения кочевой степи. Не изложив общие сведения о многонациональном характере Хазарского государства, невозможно подойти к такой важной для нас, но все еще темной во многих своих аспектах, проблеме происхождения запорожских и донских казаков.

Литература

1. Комар А.В. Население степей Северного Причерноморья в VI – начале VIII вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук (07.00.04 – археология). – К.: НАН Украины. Ин-т археологии, 2002. – 20 с. (на украинском языке).
2. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Божко Р.П., Були Т.Ю., Гашененко Н.Н., Кучугура Л.И. и др. – Мариуполь : Рената, 2008. – 428 с.
3. Федоров П.В. Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменения уровня океана за последние 15000 лет /П.В. Федоров // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. – М. – 1982. – С. 151-156.
4. Археология Украинской ССР. – Киев : Наукова думка, Т. 2 : Скифо–сарматская и античная археология. – 1986. – 591 с.
5. Зубарь, В.М. На берегах Боспора Киммерийского / В.М. Зубарь, А.С. Русяева. – К. : Стилос, 2004. – 239 с.
6. Плетнева С. А. Хазары /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1976. – 93 с.
7. Петрухин В.Я. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье [Электронный ресурс] / В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. – М.: Знак, 2004. http://www.admw.ru/books/V-YA--Petrukhin--D-S--Raevskiy_Ocherki-istorii-narodov-Rossii-v-drevnosti-i-rannem-Srednevekovye/.
8. Кучугура, Л.И. Гунны в Северном Приазовье (IV–VI в.в. н.э.). Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея. Мариуполь, 2000.
9. Иордан. О происхождении и деяниях готы (Getica) [Электронный ресурс] / Вступ. статья, пер., комм. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960. <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/iordan/index.php>.
10. Мастыкова А.В. Женский убор населения Предкавказья в эпоху Великого переселения народов (конец IV – середина VI в.) : автореф. дис. ... докт. истор. наук (07.00.04 – археология). – М: Институт археологии РАН, 2010. – 51 с.
11. Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну /И. Фест. – М. : Вече, 2006– 640 с.
12. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. / И.П. Засецкая. – Л.: Аврора, 1975. – 80 с.
13. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II. [Электронный ресурс] / А.К. Амброз // Советская археология. – 1971, № 3. С. 106-134. <http://kronk.narod.ru/library/ambroz-ak-1971b.htm>.
14. Марцеллин А. Римская история (Res Gestae) / А. Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 563 с.
15. Алферова М.В. История Древнего Рима /М.В. Алферова. – С. Петербург : Литера, 2002. – 552 с.
16. Луценко В. Тюркский фактор в истории и этногенезе украинцев и их предков [Электронный ресурс] / В. Луценко. <http://www.vlalat.narod.ru/index.htm>.
17. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. / А.К. Амброз // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. М.: 1981. С. 10 – 23.
18. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Евро-

- пы. Ч. I. [Электронный ресурс] / А.К. Амброз // Советская археология. – 1971, № 2. С. 96-123. <http://kronk.narod.ru/library/ambroz-ak-1971a.htm>.
19. Казанский, М. М. «Царские» гунны и акациры [Электронный ресурс] / М.М. Казанский А.В. Мастыкова // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. <http://www.admw.ru/books/Gunny--goty-i-sarmaty-mezhdu-Volgoy-Dunaem/9>.
20. Тощев Г.Н. Древности Запорожского края. (Материалы к Своду памятников истории и культуры) / Г.Н. Тощев, М.В.Ельников, О.В. Дровосекова. – Запорожье : Запорожский государственный ун-т, 2003. – 124 с.
21. Ивченко А.В. Появление гуннов в Северном Причерноморье [Электронный ресурс] / А.В. Ивченко // Археология . – 2003. – № 2. <http://www.iananu.kiev.ua/archaeology /2003-2/ivchenko.htm>.
22. Шевчук С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. – К.: Август, 1999. – 108 с. (на украинском языке).
23. Михлин Б.Ю. Гуннский амулет из Ждановского музея /Б.Ю. Михлин // Археология . – 1972. – № 5. – С. 95–96.
24. Кучугура Л.И. Атрибутация антропоморфного амулета из Белосарайской косы. Приложение к научной справке «Гунны в Северном Приазовье (IV-VI вв. н.э.) /Л.И. Кучугура. – Научный архив музея, № И-5/2003, Мариуполь, 2000.
25. Субботин Л. В. Бронзовые амулеты салтово-маяцкой культуры из левобережья Нижнего Дуная [Электронный ресурс] /Л.В. Субботин, И. Т. Черняков //Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 160–167. <http://annals.xlegio.ru/hazar/small/dunay.htm>
26. Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования) / О.М. Приходнюк. – Воронеж : Воронежский университет, 1998. – 170 с.
27. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса [Электронный ресурс] / Т.М. Арсеньева. – М. : Наука, 1977. <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st001.shtml>.
28. Приск Панийский. Готская история / Приск Панийский // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
29. Прокопий Кесарийский. Война с готами. Книга VII / Прокопий Кесарийский // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
30. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Агафий Миринейский // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавец. – Алматы : Баур, 2008. – 1304 с.
31. Диль Ш. История Византийской империи /Ш. Диль. – М. : Иностранная литература, 1948. – 157 с.
32. Кучугура Л.И. Период Хазарского каганата в Северном Приазовье (вторая пол. VII – первая пол. X вв.). Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея. Мариуполь, 2007.
33. Яковенко Н.Н. Очерк истории Украины с древнейших времен до конца

- XVIII века [Электронный ресурс] / Н.Н. Яковенко. – К. : Критика, 2005 – 584 с. (на украинском языке). http://history.franko.lviv.ua/yak_content.htm.
34. Повесть временных лет (по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям) [Электронный ресурс] // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. – М., 1978. На сайте <http://stepanov01.narod.ru/library>.
35. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа [Электронный ресурс] / А.П. Новосильцев. <http://gumilevica.kulichki.ru/NAP/nar0111.htm>.
36. Авдусин Д.А. Археология СССР [Электронный ресурс] / Д.А. Авдусин. – М. : Высшая школа, 1977. <http://www.archeologia.ru/Library/Book/1e8daa7a4998/>.
37. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово–маяцкая культура [Электронный ресурс] / С.А. Плетнева. – М., 1967. <http://kronk.narod.ru/library/pletnyova-sa-1967.htm>.
38. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) [Электронный ресурс] / А.В. Комар. Сервер восточноевропейской археологии. (<http://archaeology.kiev.ua/pub/komar.htm>).
39. Руденко Н.Г. Сквозь тьму тысячелетий / Н.Г. Руденко. – Мариуполь, 2000.
40. Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова, А.И. Привалов. – К. : УООП, 1988. – 112 с.
41. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии / С.А. Плетнева. – М. : Мосты культуры, 1999. – 371 с.
42. Кучугура Л. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в устье Кальмиуса (по материалам Г. М. Пиневича и Н. Е. Макаренко) [Электронный ресурс] / Л.И. Кучугура // Донецкий археологический сборник. – 1998. – № 8. – С. 44–52 http://parasoma.narod.ru/articles/azovstal_saltovcy.htm.
43. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена / П.Н. Третьяков. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 312 с.
44. Кравченко Э.А. Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье. / Э.А. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк : Институт археологии НАН Украины, Донецкий НУ, Т. 3 : Половецко – золотоордынское время. – 2003. – С. 345 – 362.
45. Косиков В.А. Древнерусские медальоны / В.А. Косиков, Т. Шаповалов // Памятники Украины. – 1988 – № 1. – С. 44.
46. Божко Р.П. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Р.П. Божко, Т.Ю. Були, Н.Н. Гашененко и др. – Мариуполь: Рената, 2006. – 356 с.
47. Руденко Н.Г. Казачество зародилось в Северном Приазовье [Электронный ресурс] / Н.Г. Руденко. – Мариуполь, 2005. <http://ukrainaforever.narod.ru/kozaztvomariupol>.
48. Кучугура Л. И. Домаха в Мариуполе. Только ли легенда? [Электронный ресурс] / Л.И. Кучугура // Приазовский рабочий. – 24 декабря 2008. http://parasoma.narod.ru/articles/domaha_kuchugura.htm
49. Абу-л-Касым ибн Хаукаль. Книга путей и стран [Электронный ресурс] / Ибн Хаукаль. <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal/text5.phtml?id=9400>.
50. Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава [Электронный ресурс] / Т.М. Калинина // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. – М. : Наука, 1975. <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Haukal/frametext4.htm>.

5. Русь и кочевая Степь до монгольского нашествия.

Волна за волной накатывались с востока на наши степи кочевые народы. Что влекло их сюда из Прикаспия и Средней Азии? Почему они так стремились, сменяя друг друга, удержаться в Приазовье и Причерноморье? Ответ на этот вопрос прост: чем ближе к Атлантическому океану, тем больше в степной полосе Евразии осадков, мягче и короче зима, тем богаче пастбища. Не сравнить убогие, засушливые солончаковые степи между Каспием и Аральским морем, лишь ранней весной радующие глаз свежей зеленью и морем цветов, с Диким Полем между Доном и Днепром, воспетым Н.В. Гоголем, где растущие на черноземе буйные травы скрывали всадника с лошастью. Здесь рай, здесь «земля обетованная» кочевника!

И еще одно замечание общего характера. Ни печенеги, ни торки, ни половцы не оставили письменных источников. Мы бы мало что знали об этих кочевых народах наших степей, если бы не сообщения византийских хронистов и постоянные упоминания о них в русских летописях. Информация о набегах печенегов и половцев, о походах князей в Степь против них, о сражениях, переговорах и браках со степными соседями составляет огромный пласт русского летописания. Повествуя о кочевой Степи, мы вынуждены будем смотреть на нее глазами летописцев, то и дело упоминать Киевскую Русь, хотя никогда земли Розовского района (как и всего Северного Приазовья) не входили в состав древнерусских княжеств.

5.1. Время печенегов и торков.

Рассказывая о Хазарском каганате, в предыдущей главе мы уже говорили о приходе в наши степи на исходе IX века новой кочевой волны – печенегов. Тогда хазары, объединившись с гузами (торками русских летописей), разгромили печенегов и вытеснили их на Правобережье Днепра. В конце IX века одна из печенежских орд перешла на службу каганату и была поселена на Дону, в окрестностях Саркела, о раскопках которого мы уже упоминали. По археологическим данным, печенеги занимали в этой крепости ее наиболее укрепленную цитадель, а их могильник находился недалеко от крепости. Единой власти, воли и командования в печенежском племенном союзе, похоже, не существовало: одна орда могла служить хазарам, защищая Саркел, другая, – в то же самое время, жечь и разорять хазарские города в Восточном Приазовье и на Тамани, нарушая важнейшие торговые связи каганата с Византией.

В 915 году печенеги впервые появляются у границ Руси [1] и князь Игорь (тот самый, которого убили древляне в 945 году при повторном сборе дани - «полюдья») заключает с ними мир. По словам летописца: «Приидоша печенежи первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю». Но уже в 920 году мирная идиллия заканчивается, и князь Игорь «воеваша на печенеги» [2]. Чем завершился этот поход, неизвестно... Шансы на успех у Игоря были невелики, слишком воинственны, стремительны и неуловимы

были на степном просторе печенеги, переживавшие тогда стадию таборного, круглогодичного кочевания.

В трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного сообщается, что в междуречье Днестра и Волги земли печенегов («пачанакитов») делились на фемы (области): Куарципур, Сирукаллен, Вороталмат, Вулацапон [3]. Грабежи и получение откупов были одной из важнейших отраслей дохода печенегов. По мнению С.А. Плетневой, фемами, на византийский манер, император называет орды. Во главе каждой орды стоял «великий князь», состояла она из 5 родов. Роды возглавлялись «меньшими» князьями — родовой аристократией, игравшей роль военачальников. Как уже говорилось выше, каждая орда действовала практически самостоятельно.

В 944 году печенеги, как наемники, участвовали во втором походе Игоря на Византию: «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, - и нанял печенегов, и заложников у них взял» [4]. По летописной традиции, первый поход Игоря в 941 году был неудачным. Впрочем, некоторые историки (например, А.Г. Кузьмин) считают, что поход был только один, а сообщения о двух разных походах в 941 и 944 годах — следствие путаницы в летописи [5].

В связи с первым походом мариупольский краевед Н.Г. Руденко пишет: «... Князь Ігор після невдалого походу на Візантію в 941 році, рятуючись на своїх суднах від переслідування візантійськими бойовими кораблями, не став підніматися по Дніпру, а пішов в Азовське море, щоб скористатися так званим секретним водним шляхом по Кальміусу - Кальчику - Солоній - Самарі і потім Дніпру. Про це, зокрема, писав історик ХІХ століття Ф.Брун в роботі «След древнего речного пути из Днестра в Азовское море». Поступив так Ігор тому, що знав про печенізьку засідку у дніпровських порогів. Знав він напевно і про те, що в гирлі Кальміуса зустріне не ворожих степовиків-кочівників, а своїх одноплемінників. І якщо, з погляду достовірності, повернення Ігоря до Києва через Азовське море і Кальміус може служити лише непрямим підтвердженням, то прямим є стародавні генуезькі карти, які, як пише В.Мавродін в роботі «Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском) с древнейших времен и до ХVІ века включительно», розміщують «російські порти у Кальміуса» [6].

Если это сообщение верно, а под Кальчиком понимается именно правый приток Кальмиуса, берущий начало юго-западнее села Беловеж, у Кальчиновки, то получается, что Игорь с ладьями прошел волоком или непосредственно по территории Розовского района, или рядом с ней, всего в нескольких километрах! Сообщение для нас чрезвычайно интересное, оно заслуживает самого подробного анализа.

Начнем с географии. На современной географической карте (2002 года издания) верховья Кальчика действительно сближаются в районе Вольного, станции Зачатьевская и села Зачатовки с бассейном реки Волчьей до 4-5 километров. Именно на таком расстоянии от верховьев Кальчика начинается

река Мокрые Ялы (левый приток Волчьей), впадающая затем в Волчью, левый приток Самары. Непонятно, причем здесь речка Соленая, правый приток Волчьей, протекающая в 80 километрах к северу, у Красноармейска и станции Межевая? На северо-востоке Гуляйпольского района также есть речушка Соленая (правый приток Янчура), но от нее до верховьев Кальчика тоже далеко, около 50 километров по прямой. Рассуждая по карте, если уж идти волоком с верховьев Кальчика, то вниз по Мокрым Ялам, до Волчьей. С географией здесь что-то не вяжется, выпадает из предлагаемой схемы Соленая, если двигаться по Кальчику.

Имеются и сомнения иного плана. Если на карте голубенькие линии верховьев Кальчика и Мокрых Ялов сближаются до 4-5 километров, то это вовсе не значит, что Игорю с дружиной надо было тащить ладьи именно эти 5 километров! Ялы, хоть они и Мокрые, оставляют выше Новопетриковки жалкое впечатление, особенно на участке между Зачатовкой и Красной Поляной. Это просто цепь пересыхающих луж в заболоченных берегах. Здесь о судоходности речи нет, корыто не проплывет, не то что ладья. Верховья Кальчика, вплоть до Кременевки, в смысле судоходства также оптимизма не внушают. Таким образом, длина предполагаемого волока возрастает с 5 километров на карте, до 60 и более километров (гладко было на бумаге!). По силам ли было это Игорю с дружиной? Можно конечно предположить, что наши степные речки тысячу лет назад были несколько многоводнее, берега не распахивались, меньше смывалось чернозема и они не заиливались. Честно говоря, сомнений моих это предположение не снимает...

Теперь рассмотрим сообщение о возвращении Игоря по маршруту Кальмиус - Кальчик – Соленая – Самара с точки зрения источников информации. К сожалению, и здесь все очень зыбко. С учетом времени события (941 год) источник может быть либо византийским, либо это русское летописание. К моему большому сожалению, указаний именно на такой маршрут ни у византийских хронистов, ни в летописях найти не удалось. Хронист Лев Дьякон, рассказывая о более позднем времени, когда с сыном Игоря, Святославом, воевал император Цимисхий, пишет о неудачном походе «... архонта Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице Византии с огромным войском на десяти тысячах кораблей, а обратно, в Боспор Киммерийский, вернулся едва с десятком лодок...» [7]. И это - все! Ни Кальмиуса, ни Кальчика, ни Соленой... Дальнейшее сопоставление сообщений мариупольских краеведов по этому вопросу с летописью оптимизма не прибавило. На размещенной в Интернете «Истории Мариуполя» возвращение на Русь по Кальмиусу - Кальчику - Соленой – Самаре в 941 году приписывается уже киевскому князю Олегу [8], по «Повести временных лет» давно уже почившему, еще в 913 году: «В лето 6421 (913). После Олега стал княжить Игорь» [4].

Сообщая об интересующем нас маршруте, Н.Г. Руденко ссылается на работу историка середины XIX века Ф. Бруна [9], обратившего внимание на существование «запасного» пути из Черного моря на Русь, минуя низовья Днепра и пороги. Ф. Брун основывается на сообщении о наличии такого пути в

«Описании Украины» Гийома Левассера де Боплана [10], французского инженера на польской службе, работавшего на Украине в 1630-1648 гг. Боплан составил также карты Украины, приложением к которым и являлся упомянутый труд.

Что же пишет об этом «запасном» пути Боплан? Цитируем по тексту издания 1901 года, перевод с французского В. Г. Ляскоронского: «Есть у них еще и другой путь для возвращения: они возвращаются через Донской Лиман (т. е. Азовское море), проходят через пролив, находящийся между Таманью и Керчью, поднимаются лиманом до реки Миуса и идут этой последней до тех пор, пока она может поднять их суда. Ибо от верховьев этой реки до истоков Тачаводы (Тачавода — это, вероятно, река “Волчья вода”; вместо Миуса надо читать Калмиус; тогда описанный Бопланом водный путь, с небольшим волоком между указанными реками, явится вполне возможным и правдоподобным) не больше как одна миля; Тачавода же впадает в р. Самару, которая в свою очередь впадает в Днепр, на расстоянии одной мили выше Кодака, как это можно видеть на карте. Впрочем, казаки редко возвращаются этим путем на Запорожье, так как он очень длинен; но иногда они избирают эту дорогу, чтобы выйти в море, когда на устье Днепра находятся большие турецкие силы, чтобы воспрепятствовать казакам выходу в море...». Прежде всего отметим, что здесь говорится лишь об использовании этого пути современниками Боплана - запорожскими казаками, и только! О временах Киевской Руси у Боплана нет ни слова!

(См. Приложение: рисунок. 5.1)

В. Г. Ляскоронский вставил в подлинный текст Боплана свои пояснения и примечания (даны в скобках, курсивом), о чем и говорит в предисловии. Против отождествления «Донского Лимана» с Азовским морем возражений нет, именно так Боплан наше море и называет, судя по его картам (рис. 5.1). С Тачаводой, как речкой Волчьей, согласиться можно, хотя у Боплана на карте отчетливо читается «Wolczawoda: R (Волчья вода - река), у левого притока Самары. Имеется на карте и «Mius» (Миус), впадающий в Азовское море, с левым притоком Крынкой. Западнее обозначены Кальмиус (Calmius wielky – Большой Кальмиус?) и Кальчик (Calmius), они показаны впадающими в море двумя раздельными, но близко расположенными устьями. Еще западнее читаются (Suhı barda) - Берда с Каратышом или Каратюком (Carasuk?). Почему следует, по мнению В. Г. Ляскоронского, под Миусом у Боплана разуместь Кальмиус, понять невозможно. Боплан ясно пишет о маршруте с Миуса на Тачаводу (Волчью). И верховья Волчьей и Миуса на его карте обозначены близко (пунктир между ними – «сакма», татарская дорога к Перекопу). А вот от верховьев Кальмиуса до Волчьей, по этой карте, очень далеко, и Боплана, на мой взгляд, следует понимать именно так, как он пишет: запорожцы пользовались «запасным» путем по Миусу и Волчьей.

Что же мы имеем после анализа источников? У византийских хронистов и в русской летописи найти упоминания о возвращении Игоря в 941 году по маршруту Кальмиус - Кальчик – Соленая – Самара не удалось. В «Описании Украины», на котором основана работа Ф. Бруна (следовательно, и сообщения

Н.Г. Руденко) говорится о пути запорожцев (но не Игоря с дружиной!), по Миусу и Волчьей, а о Кальмиусе Боплан в этой связи вообще не упоминает.

А вот что пишет о возвращении Игоря из первого похода в 941 году крупный историк и востоковед Н.В. Пигулевская: «После жестокого поражения Игорь вернулся через Азовское море, опасаясь засады печенегов на Днестре» [11]. Как видим, всякая конкретика по маршруту здесь отсутствует.

Анализ современных географических карт и оценка реальной возможности прохождения указывают на некоторые неувязки в предполагаемом маршруте возвращения Игоря по Кальмиусу – Кальчику – Соленой – Самаре.

Таким образом, как это ни печально для нас, указанный маршрут, пересекающий территорию Розовского района, по которому отправляют князя Игоря Н.Г. Руденко «со товарищи», представляется очень и очень сомнительным. Но не хочется ставить на этом точку... Будем искать, анализировать, думать. А вдруг? Не могли же мариупольские краеведы этот маршрут возвращения Игоря просто выдумать!

В результате походов Святослава (964-965 гг.), вместе с союзными ему торками и печенегами, Хазарскому каганату был нанесен смертельный удар. Не сдерживаемые более каганатом, печенеги широко разлились по всей степи, включая левобережье Днестра и Приазовье, стали ее безраздельными хозяевами.

С именем Святослава и его походом на хазар связан еще один сюжет, упорно кочующий из одного краеведческого сочинения в другое, и имеющий непосредственное отношение к ближайшим окрестностям Розовки. В 1971 году А.М. Черногор писал: «За деякими свідченнями, князь Святослав, після розгрому хазар і розорення Саркела в X ст., заснував на місці сучасного Жданова або в його околицях м. Белгород, пізніше захоплений татарами і перейменований ними на Білосарай (звідси й сучасна назва Білосарайської коси недалеко від міста)» [12]. Подобные сообщения встречаются в работах по мариупольскому краеведению, включая самые современные [8]. Похоже, что все они восходят к популярной книге «Мариуполь и его окрестности», опубликованной в 1892 году [13]. В ней говорится: «... По мнению профессора Бруна, Саркел или Белая крепость, о которой говорит Константин Багрянородный, находилась на месте нынешнего Мариуполя, а не на Дону, как некоторые думают. В X ст. русский князь Святослав <...>, разбил хазарского хакана и разрушил Саркел, – он же Белая Вежа, Белая Крепость, Белая Гостиница. Русские после Святослава утвердились по Кальмиусу и Миусу, т.е. по залозному и солонному путям, <...> а на месте Мариуполя или вблизи его образовался город Белосарай, по имени которого названа и близлежащая коса Белосарайской». В качестве косвенного доказательства этой версии в книге приводится сообщение преподавателя Завьялова о существовании «верстах в 20 от Мариуполя и теперь долины и пересыхающей в ней речки под названием Белая межа или Вежа», подкрепленное ссылкой на карту Екатеринославской губернии 1868 года. Что тут можно сказать? Во второй половине XIX века, когда Ф. Брун публиковал свои работы, точное расположение Саркела установлено еще не было, и эта версия вполне имела право на существование. Однако в настоящее время, после раскопок М.И. Артамонова в 1934-1951 гг., обнаружившего Сар-

кел на Дону, именно там, где его существование и предполагалось [14], принимать версию Ф. Бруна всерьез уже нет никаких оснований. В радиусе «20 верст» от Мариуполя нет никаких иных географических объектов с названием «Белая межа или Вежа», кроме села Беловеж на юго-востоке Розовского района. Село это было основано немецкими поселенцами лишь в 1831-1832 годах, причем точно известно [15], что названо оно по прежнему месту жительства поселенцев – колонии Белые Вежи, располагавшейся в Черниговской губернии (Борзненский уезд, Стрельницкая волость, юго-восточнее города Борзна). Поэтому использовать это название как аргумент в пользу версии о расположении Саркела (Белой Вежи) в окрестностях Мариуполя, или основании здесь Святославом города с аналогичным названием, нет никаких оснований. Но как появилось название Белые Вежи в Черниговской губернии, и связано ли оно с хазарским Саркелом?

По сообщению Ипатьевской летописи, в 1117 году, под давлением половцев, русские «беловежцы», поселенные в Белой Веже Святославом, уходят с Дона на Русь и основывают на границе Черниговского княжества город-крепостцу Белая Вежа, по названию своего прежнего места жительства. Вокруг селятся их прежние союзники – печенеги и торки, разгромленные половецким ханом Атраком (Отроком), сыном Шарукана, у старой Белой вежи в 1116 году, при его отходе в степи Северного Кавказа [16]. Так появился городок Белые Вежи в степном пограничье Черниговского княжества.

Шесть с половиной веков спустя, для заселения свободных казенных земель, Манифестом Екатерины II от 22 мая 1763 года в Россию приглашаются на поселение иностранцы. Кроме заселения казенных земель, матушка-императрица осчастливила немецкими колонистами и некоторых из своих приближенных, разрешив поселение колонистов на их частновладельческих землях. Среди таких приближенных был генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, владевший пустующими землями в Черниговской губернии, у городка Белая Вежа. На этих пустошах в 1767 году были образованы немцами 6 колоний, одна из них, лютеранская, была названа Белые Вежи [15], по расположенному рядом городку. Позднее земельный голод вынудил часть немецких колонистов переселиться в Александровский уезд Екатеринославской губернии, образовав в 1831 году в верховьях Кальчика дочернюю колонию Белая Вежа (Беловеж).

Таковы многовековые странствия топонима «Белая Вежа» по географической карте.

Чтобы завершить эту тему, укажем, что связывать Белую Вежу с Белосарайской косой также, похоже, нет веских оснований [17].

Вернемся во вторую половину X века, печенежское время наших степей. Летом 969 года князь Святослав получил известие о том, что печенеги разбили свои кочевья у стен Киева, где находилась его семья. Кочевники едва не взяли город, только появление воеводы Претича из Северной земли с небольшой дружиной, которую печенеги приняли за передовой отряд войска Святослава, спасло Киев. Князю пришлось спешно прервать балканскую кампанию и вернуться на Русь [18]. По словам летописца, князь «собра вои и прогна печенеги в поли, и бысть мир».

В 971 году, после смерти матери, княгини Ольги, и раздела Руси между уже взрослыми сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром, Святослав снова отправился в поход на Дунай, но кампания оказалась неудачной. Пришлось ему заключить почетный мир с императором Иоанном Цимисхием [19]. Немногочисленная дружина Святослава, отягощенная военной добычей, возвращалась на Русь. Коварные греки предупредили о возвращении Святослава печенегов, которые устроили засаду в районе днепровских порогов. Пороги, почти исчезнувшие под водой после строительства в 1932 году Днепроградской ГЭС (ДнепроГЭС), ранее представляли собой серьезное препятствие судоходству. Их описывает Константин VII Багрянородный в трактате-поучении «Об управлении империей», адресованном своему юному наследнику (будущему императору Роману II). Упоминает он и о Хортице, называя ее островом Св. Григория: «Пройдя крарийский перевоз, они (русы) причаливают к острову, который называется именем св. Григория. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие - кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита (печенегов)» [3]. Место для засады у порогов выбрано печенегами очень удачное: здесь Святослав должен был перетаскивать ладьи по суше и его малочисленная дружина оказывалась в крайне уязвимом положении [20]. Князь не прислушался к совету воеводы Свенельда: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги» [4]. Попытка пройти на ладьях в конце 971 года не удалась, пришлось остаться на голодную зимовку в устье Днепра. Весной 972 года Святослав, с ослабевшей за зиму дружиной, вновь двинулся к порогам, где на него напали печенеги во главе с «князем» Курей. Святослав был убит, а из его черепа Куря, предводитель правобережной орды Гиля [16], повелел сделать окованную золотом чашу, из которой пил вместе с женой, надеясь на рождение у них сыновей, равных своей доблестью Святославу.

В 980 году на киевском столе утвердился князь Владимир, обратившийся в христианство и крестивший народ на Руси в 988 году, что было одним из условий его брака с Анной, сестрой византийского императора Василия II Болгаробойцы [21].

По мнению историков, положительный образ Владимира в былинах сложился, благодаря его борьбе с печенегами, от набегов которых сильно страдали южные и юго-восточные окраины Руси в конце X – начале XI века. Для защиты от печенежских набегов Северной земли на Левобережье князь построил города по рекам Десне, Суле, Трубежу и Стугне [22]. В 993 году состоялось очередное противостояние Владимира с печенегами на Суле, дело решил поединок богатырей, выигранный русской стороной, что дало три спокойных года. На этом памятном месте, у брода, Владимир, согласно летописи, заложил город Переяслав [4]. Под 996 годом есть сообщение о неудачной стычке с печенегами, князь вынужден укрыться под мостом: «...и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов».

Вот так, год за годом, печенеги черной тучей висят над киевскими пределами: «В лето 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом». Так начинается в «Повести временных лет» знаменитый полуанекдотический эпизод, о котором многие столетия шутили потом на Руси, что «печенеги от киселя бегают». Летописец дело излагает так. Осажденные, измученные голодом, уже думали о сдаче. Но один мудрый старец велел выкопать два колодца и поместить в них кади, в которые налили кисель и мед, собранные из последних скудных запасов. Печенеги, убедившись, что крепости голод не угрожает, сняли осаду.

Принимались всевозможные меры для защиты южных границ, подновлялись древние и сооружались новые земляные валы. Об этом пишет епископ Бруно, проезжавший через Киев около 1006 года проповедовать у печенегов [23], и князь лично провожал его два дня до южной границы. Первое знакомство епископа с нехристями-печенегами едва не закончилось печально, родовая знать с трудом спасла ему жизнь во время народного собрания [1]. В первые годы XI века, при посредничестве епископа Бруно, Владимир заключил мир с печенегами. Платой за него был «откуп», платеж степнякам за отказ от набега.

В 1017 году печенеги напали на Киев, но были отбиты, при этом сгорело первое, еще построенное из дерева, здание Софийского собора [23].

В 1036 году, когда князь Ярослав находился в Новгороде, печенеги вновь пришли к стенам Киева. Ярослав во главе войска, включавшего и союзников-варягов, вернулся и дал решительный бой: «Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав». На сей раз поражение печенегов было решающим, множество их погибло, а другие ударились в беспорядочное бегство и, по словам летописца, «... остаток их бегают где-то и до сего дня» [4]. На месте сражения Ярослав Мудрый заложил каменный Софийский собор, знаменитую «Софию Киевскую». Печенежская опасность навсегда исчезла с русского горизонта.

К середине XI века часть печенежских орд неоднократно разбитых Русью и теснимых с востока торками, откочевала к Дунаю. Оставшееся в Приазовье меньшинство было вскоре покорено торками (гузами) [24]. В конце XI века печенеги сделают попытку массированного набега на Византию и потерпят страшную неудачу, о чем сообщает в записках дочь византийского императора Алексея I Комнина, Анна [2], свидетельствующая о гибели почти 30 тыс. кочевников!

Часть печенегов вошла в племенной союз торков, на каких-нибудь 30 лет завладевших степью. Этот союз, названный по наиболее сильным торкам, состоял из 24 племен, все названия которых неизвестны. С востока уже наседали половцы, некоторые орды печенегов и торков откочевали к южной границе Руси и осели на Правобережье, по реке Роси, перейдя на службу русским князьям. В середине XII века они образуют вассальный киевскому князю союз

Черных Клобуков. Интересны сохранившиеся письменные свидетельства, характеризующие облик печенегов. По сообщению арабского путешественника X века Ахмеда ибн-Фадлана, все они – темноволосые брюнеты, бреют бороды. На основе археологических данных и анализа каменных скульптур («баб»), оставленных кочевниками IX-XIII веков в нашей степи, делаются попытки более или менее правдоподобной реконструкции их внешнего вида: одежды, вооружения, украшений (см. рис. 5.2).

(См. Приложение: рисунок. 5.2)

Язык печенегов родственен болгарскому и относится к тюркским языкам. По мнению П.В. Голубовского [1], на Руси знание печенежского языка не было редкостью, что и подтверждается известием Лаврентьевской летописи об «отроке», бродившем в 968 году, при осаде Киева, по их лагерю, будто-бы в поисках пропавшего коня. Знали этот язык и многие «корсуняне», жители византийской колонии Херсон (Херсонес) в Крыму, через которых Константинополь поддерживал связь с печенегами.

Оригинальным археологическим свидетельством торговых связей византийского Крыма с Северным Приазовьем в печенежский период являются остатки средневекового торгового корабля с грузом, датированного по радиоуглеродному методу 970-1050 годами, обнаруженные в 1987-1988 году на дне Азовского моря у Геническа [25].

Печенежских захоронений обнаружено сравнительно немного, они хоронили покойников под небольшими курганными насыпями в ямах. В захоронениях, как правило, находят части коня (голову, ноги, хвост, шкуру) или его чучело, сбрую и оружие: лук с костяными накладками, стрелы с плоскими двухлопастными наконечниками, копье, изредка – саблю с почти прямым клинком, близкую по форме к салтово-маяцкой культуре. Оригинальны и характерны у печенегов только удила – цельный железный прут с кольцами на концах. В целом захоронения небогатые, ранние трудно отличить от салтовских, но качество металлических изделий в них заметно хуже [26].

В Приазовье захоронения печенегов известны у поселка Сартана, у сел Орловское, Огородное, Запорожец, Куйбышево (Володарского района) [27]. В верховьях реки Гайчур, в группе из трех курганов в трех километрах к северо-востоку от села Новоукраинка, А.Л. Антоновым выявлено и исследовано захоронение средневекового кочевника [28], которое может быть трактовано, как печенежское. Данное впускное погребение № 4 было вскрыто в кургане № 3 в сентябре 1995 года Восточной археологической экспедицией Запорожской областной инспекции по охране памятников истории и культуры (ВАЭ ЗОИО-ПИК) [29], его схема представлена на рис. 5.3 (позиция 3). Покойный лежал в прямоугольной яме, на кожаной постилке, вытянуто на спине, головой на запад. Справа от него находилась голова лошади и нижние части ее передних и задних ног. Под останками лошадиной головы лежал односоставный трензель (рис. 5.4, поз. 9), состоящий из цельного кованого основного стержня (грызла) с неподвижными кольцами на концах, в которые вставлены подвижные кольца из круглой проволоки. Подобная примитивная конструкция удила считается характерной именно для печенегов [26], что и позволяет рассматривать это по-

гребение, как печенежское. В захоронении были найдены срединная костяная накладка лука (рис. 5.5, поз. 2), железные нож и кольцо (рис. 5.4, поз. 6 и 7), а также кольцо из бронзы с растительным орнаментом (рис. 5.4, поз. 8) [29].

(См. Приложение: рисунки 5.3, 5.4, 5.5)

В насыпи кургана № 3, содержащего рассматриваемое кочевое погребение, найдены останки конечностей и головы лошади, кострище, в центре которого находились необожженная лопатка и другие кости крупного животного (быка?) [29]. Все эти находки в насыпи С.П. Шевчук характеризует в своей книге [28] как следы поминальной тризны или освящения места.

Предположительно, к печенежским памятникам в наших краях относится часть «каменных баб», примитивных и сильно стилизованных скульптур из камня, которые до последнего времени приписывались исключительно половцам. Эту точку зрения высказала Л.С. Гераськова [31], которая выделяет среди «баб» наиболее примитивные изваяния, представляющие собой частичные изображения человека, и считает последние плодами труда печенегов, и, частично, торков [28]. Сообщается, что печенежская скульптура является лишь стелой, обработанной только с «лицевой» стороны, изображающая мужчину (реже, женщину) без головного убора, на лице — «Г» - образный нос, брови и не всегда обозначенные глаза [27]. В Северном Приазовье «каменные бабы», предположительно относимые к печенежским, обнаружены: из песчаника - в селах Ялта и Гусельшиково, гранитные - в поселках Мангуш, Октябрьское [27].

По мнению краеведа С.П. Шевчука, именно такая древнетюркская (скорее всего, печенежская) скульптура была найдена в кургане № 1 у заповедника «Каменные Могилы» Восточным отрядом археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея на землях КСП «Придонецкое» [28]. В этом энеолитическом кургане, в июле-августе 1994 года, было обследовано (в числе прочих) разрушенное и ограбленное еще в древности впускное раннетюркское погребение № 4 [30], схема его приведена на рис. 5.3 (позиция 1). На глубине 0,2 метра, в корытообразной яме, наклонно, «головой» вниз, лежала гранитная каменная статуя. Вокруг скульптуры на глубине около 0,3 метра залегали несколько небольших камней, составлявших некогда ее крепиду (основание). Статуя имеет размеры 1,48 x 0,43 x 0,39 метра, проработана только ее верхняя часть: рельефом прорисованы контур лица и соединенные на груди руки. Скульптура хранится сейчас в собрании статуй (лапидарии) на Каменных Могилах [30].

Более подробно о «каменных бабах» и их принадлежности поговорим ниже, рассматривая половецкие памятники в наших местах. Следует лишь отметить здесь, что к информации о месте установки таких скульптур (кроме случаев их обнаружения при раскопках) надо относиться очень осторожно: за долгие века их неоднократно перемещали, и «бабы» могут сейчас стоять совсем не там, где их установили кочевники в древности.

Памятниками торков в Северном Приазовье являются их курганные захоронения. Для погребений торков характерны следующие признаки: костяк ло-

шади расположен в захоронении над человеком, в погребении присутствуют разные деревянные конструкции (колода, гроб и т. д.), растительная подстилка. В отличие от печенегов, среди погребений торков есть женские и детские захоронения, нет кенотафов, голова коня уложена не рядом с человеком, а на приступке или над ним в засыпи могилы на середине глубины, сами ямы глубже. В тех случаях, когда конь в погребении отсутствует, в яме имеются заплечики для сооружения перекрытия. В могилу клали характерные украшения торческого этнографического костюма, а также детали снаряжения коня [32].

Погребение поздних кочевников, которое с высокой долей уверенности можно считать торческим, было исследовано экспедицией ДонГУ у села Каменка. Захоронение было парным (мужчина и женщина) и произведено в кургане с каменным закладом по центру. Среди сопроводительного инвентаря женщины находилась бронзовая пластина, обшитая кожей с четырьмя привесками (в виде листиков, трапеций) из лазурита (XI в.), перемежающиеся веточками кораллов, а по краям пришиты две перламутровые бабочки. У пояса лежало бронзовое зеркало с крестовидным орнаментом. У ног женщины стоял гончарный горшочек [32]. Эти привески-амулеты из лазурита, представленные на рис. 5.4 (позиция 12), хранятся в настоящее время в Мариупольском краеведческом музее [33]. Украшения из ляпис-лазурита некоторые исследователи считают этнографической чертой именно гузов [32].

Непосредственно на территории Розовского района мы пока не имеем возможности указать позднекочевые памятники, которые можно было бы безоговорочно считать торческими, но пребывание торков в наших местах сомнений не вызывает.

5.2. Половцы, Черные Клобуки, бродники.

Следующей волной кочевой стихии, накатившейся, как обычно, с востока, стали в нашей степи половцы. Русские летописи впервые говорят об их появлении под 1055 годом [3]: «В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли». Хронисты Запада и Византии называли их куманами (команами), восточные авторы – кипчаками, шары-кипчаками (желтыми кипчаками). Русское название «половцы», т.е. «половые», так же означает светло-желтые (от «половы» - соломы, мякины, отвеянной лузги) [16]. Поэтому некоторые историки предполагают, что часть половцев была голубоглазыми блондинами с золотистыми волосами, но постепенно они растворились в основной массе половецкого населения монголоидного типа, кареглазого и черноволосого.

Отношения половцев с Русью простыми не назовешь, бывало всякое: кочевые набеги на русские города и походы князей на половецкие «вежи», мирные договоры и интенсивная торговля, убийство послов, грабеж и захват «полона» из мирного населения, династические браки по расчету и самовольное бегство в степь овдовевшей черниговской княгини, чтобы стать женой половецкого хана Башкорда (это уже никак на династический расчет непохоже!) Обычны половецанки - жены, слуги и «мамки» - кормилицы в русских теремах, как и русские жены и служанки из «полона» в половецких шатрах. Следствием этого было огромное распространение русско-половецкого двуязычия как у знати, так и у простонародья, взаимное обогащение языков.

Начнем с военного противостояния между Половецким Полем и Русью, как важнейшей компоненты отношений. Насколько смертельным, бескомпромиссным, постоянным и невыносимо тяжелым оно было? Чем были русские походы в степь? Действенной мерой против половецких набегов, или возможностью для князей и дружины показать молодецкую удаль? Двигало ли ими рвение к вере Христовой в борьбе с «погаными» (язычниками), или преобладало стремление поправить свои земные дела грабежом и захватом «полона»? Единства в ответах на эти вопросы не было в рядах историков «от века осьмнадцатого», нет его и в наши дни.

Вот краткая хроника русско-половецких отношений до битвы на Калке (1223 год), построенная, в основном, на сообщениях летописей.

Как уже говорилось выше, при первом появлении половцев Всеволод, сын Ярослава Мудрого, княживший в Переяславе, заключил с ними мир, но мир этот оказался недолгим. Уже под 1060 годом летопись говорит о попытке половецкого набега на черниговские земли, Зимой 1060/1061 года состоялся новый набег, пострадало Переяславское княжество: «Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал (Сокал)» [4].

Все эти набеги начинаются на юго-восточных границах Руси, на Левобережье, поэтому связывают их с половецкими формированиями, кочевавшими в бассейне Дона и Северского Донца [16]. Новгородская первая летопись го-

ворит о пленении Святославом в 1068 году хана Шарукана, предводителя донецких половцев [34].

В 1078 году летопись впервые упоминает о том, как один из удельных князей в междоусобной борьбе привел половцев на Русь. Это Олег, сын Святослава, бежавший от Всеволода в Тмуторокань (на Тамани): «привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами». Далее этот невеселый сюжет половецкого вмешательства в княжеские распри будет повторяться вновь и вновь.

Князья начинают использовать половцев, и как союзников в походах за пределы Руси: «В лето 6600 (1092). ... В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем» [4].

Побуждаемые половецкой опасностью, князья собираются в 1097 году на совет в Любече, пытаясь положить конец междоусобицам. Распределив по общему согласию княжения, они «...на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская» [4]. Святые слова, но они так и остались только словами...

Междоусобица вспыхнула с новой силой, в борьбу оказались втянуты поляки, венгры и половцы во главе с ханом Боняком. Венгры выступили на стороне Святополка, а половцы, возглавляемые Боняком, в том числе и половецкий «воевода» Алтунопа, были союзниками Давыда Игоревича. Накануне сражения у Перемышля, ночью перед битвой с венграми, Боняк гадал: он воет по-волчьи и, когда волк «отвыся» (ответил) ему, предсказывает победу, которая и была одержана на следующий день. Это одно из немногих летописных известий, позволяющих судить о верованиях половцев, к которым обратимся ниже.

В 1103 году Святополк и Владимир Мономах, на совете в Долобске, приняли решение о весеннем походе в степь на половцев. Время похода было выбрано очень удачно, весной половцы и их стада, как правило, обессилены после голодной зимы, привязаны к месту отелом скота. Собравшись у Переяславля, объединенные дружины «поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и стаща въ протолчехъ и въ Хортичимъ острове» [4]. Здесь остров Хортица впервые назван нынешним именем (ранее, в византийских источниках, – остров Св. Григория). Протолочи – широкая правобережная долина Днепра у Хортицы и порогов, где часто зимовали половцы [16].

Соединившись на левом берегу Днепра ниже порогов, русские пешие и конные дружины четыре дня шли степью на юг, к реке Сутень (Молочной). Здесь, недалеко от побережья Азовского моря, находились весенние пастбища половцев. В кочевом стане не было единогласия: старый и опытный Урусоба, хан лукоморских половцев, предлагал договориться с русскими о мире, но молодежь рвалась в бой.

Битва состоялась 4 апреля 1103 года, наиболее вероятно – в урочище Резаном, у нынешнего села Жовтневое, в 6 километрах к северо-западу от Токмака [35] (точные даты здесь, и далее в главе – по Ипатьевской летописи, без по-

правок на стиль). Ее исход предрешили успешные действия русской «сторожи». Она своевременно обнаружила половецкую разведку во главе с храбрым и опытным Алтунопой, и истребила ее целиком. В результате гигантские массы половцев, двигавшиеся огромным фронтом, как казалось русским, подобно лесу («акъ борове»), к моменту столкновения оказались застигнуты врасплох, не перестроившись своевременно в боевой порядок, и побежали вспять еще до столкновения [36]. Разгром половцев оказался полным, погибли 20 кочевых «князей», в том числе и Урусоба. Захваченный в плен хан Белдюзь был казнен Владимиром Мономахом за клятвопреступление: «Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю?» [4].

Лукоморское объединение половцев, кочевавшее в низовьях Днепра и в северо-западном Приазовье, и днепровское объединение (область порогов и среднее течение Днепра) в результате этого похода были разгромлены и рассеяны. Следует отметить, что через эти области проходили два важнейших торговых маршрута: Греческий и Солоный пути, игравшие большую роль в русской торговле. Оба маршрута пролегли из Руси на юг, по Днепру, в низовьях которого расходились: Греческий путь продолжался морем до Царьграда (Константинополя), Солоный уходил степью в Крым или к соленым лиманам и озерам северо-западного побережья Азовского моря.

После похода на Молочную остались в неприкосновенности два достаточно сплоченных половецких объединения: на Правобережье, во главе с ханом Боняком, и на Левобережье, в бассейне Дона и Северского Донца, во главе с Шаруканом.

Битва 1103 года состоялась почти в 100 километрах к западу от Розовки, поэтому ожидать каких-либо ее материальных следов на территории нынешнего Розовского района, скорее всего, не приходится.

Донецкое объединение половцев, наседавшее на юго-восточные границы Киевской Руси, превращалось в проблему, которую можно было радикально решить только мечем. Через кочевья Шарукана проходил важнейший торговый маршрут – Залозный путь. Он шел от Киева к Переяславу, а затем уходил на юго-восток по водоразделам бассейнов Днепра и Северского Донца, пересекал Дон в низовьях, откуда открывался путь на Тамань (к Тмутарокани), на Северный Кавказ и в Закавказье.

В 1109 году была проведена успешная «разведка боем», зимний поход Дмитрия Иворовича, боярина Мономаха, состоявшийся «месяца декабря во 2-й день». Весенний поход 1111 года, в котором участвовали князья Святополк, Владимир и Давид с сыновьями, начался рано, еще по зимнему пути. Быстрота и внезапность были главными предпосылками успеха, дружины быстро продвигались к югу. Тронувшись в путь в воскресенье, в пятницу войска уже были на пограничной Суле, а в субботу достигли реки Хорол, где «сани побросали». Через Псел и Ворсклу вышли на средний Донец, «к городу Шаруканю», но битвы здесь не было, дело обошлось миром: «... поехали они к городу вечером, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино» [4]. Судя по названию, город был

личным владением (доменом) хана Шарукана. По мнению С.А. Плетневой [16], жители города были земледельцами-асами (ясами, аланами) и, скорее всего, христианами.

В 1116 году говорится о двухдневной битве половцев с торками и печенегами где-то на Дону. Вследствие поражения, побежденные торки и печенеги переселились на русское пограничье. Буквально следом, в 1117 году, на Русь переселяются «беловежцы», русское население Белой Вежи (Саркела), поселенное там еще Святославом, о чем мы уже упоминали. По С.А. Плетневой [16], именно тогда перестали функционировать кладбище и кочевнический могильник этого города.

Донскому объединению половцев был нанесен сильнейший удар, кочевья Сырчана, сына Шарукана, переместились из лесостепи к югу, на правые притоки Северского Донца (Тор, Сухой Торец). Его брат Атрак (Отрок) откочевал в степи Северного Кавказа и вернулся в донецкие степи лишь после смерти Владимира Мономаха. Великий князь стал настоящей грозой для кочевой степи, половцы пугали им детей. Властной и тяжелой была рука «благоверного и христоролюбивого» князя.

Под 1159 годом в Ипатьевской летописи читаем интересное известие о приходе под Белгород половецкого хана Башкорда, отчима Мстислава Владимировича, «... бе бо мти его бежала в Половци и шла за нь...» [37] (мать его (т.е., Мстислава) бежала к половцам и вышла замуж за него (хана Башкорда). Романтического поступка ни на Руси, ни в Степи не оценили. Этот случай так и остался уникальным, русские князья никогда не отдавали дочерей замуж за половцев.

Новый поход вглубь Половецкой Степи был организован в 1170 году. Уже 2 марта объединенные дружины двинулись из Киева (скорее всего, Левобережьем), но половцы были предупреждены о походе и бежали, оставив вежи со скотом и семьями. Часть кочевий была захвачена у реки Орели, часть - южнее, у Снепорода (Самары). Половецкое войско удалось настигнуть и разгромить у Черного леса, недалеко от впадения Оскола в Донец [16], почти у владений донецких половцев. Целью похода князей, как видно, была приднепровская орда.

В 1183 году новгород-северский князь Игорь Святославич отказался выступить против Кончака, двинувшегося в очередной набег. Набег не удался (узнав о встречном движении русского войска, половцы повернули обратно), но Игорь своим отказом испортил отношения с переяславским князем Владимиром Глебовичем: «Володимерь же розгневавса ида на Северьские городы и взв в них много добытокъ» [37].

Весной 1184 года на Русь двинулся хан Кончак, для маскировки затеяв фальшивые мирные переговоры с черниговским князем Ярославом. Его брат, великий князь Святослав Всеволодович, не поверил в половецкое миролюбие и выступил навстречу Кончаку. От купцов, пришедших с юга Залозным путем, стало известно, что Кончак уже стоит на Хороле [1]. Характерная деталь: даже в набеге половцы беспрепятственно (скорее всего, за пошлину) пропустили купцов. Война – войной, а торговля – «по расписанию»! Внезапный

удар привел к полному разгрому половцев и захвату огромной добычи. Кончак едва спасся, посланные за ним в погоню вассальные торки вернулись ни с чем: начиналась весенняя распутица, в степи за Хоролом таяли снега.

Кардинально устранить опасность со стороны донецкого объединения половцев можно было только глубоким рейдом в степь и ударом по вежам Кончака на Донце. Весной 1185 года боярин киевского князя Роман Нездолович с берендеями провел «разведку боем»: небольшой набег на донецкие кочевья.

В конце апреля 1185 года новгород-северский князь Игорь Святославович с братом Всеволодом Трубчевским и сыном Владимиром отправляются в поход на половцев, перипетии которого составили сюжет знаменитого «Слова о полку Игореве». Сил было собрано явно недостаточно, чтобы двинуться вглубь владений Кончака, зимовавшего на реке Тор. Пройдя степью около 200 километров по маршруту, совпадавшему с так называемым Изюмским шляхом, Игорь вышел к реке Сальнице (в окрестностях современного Изюма) [16]. Здесь, после перехода Донца, был захвачен половецкий «язык», который указал путь к богатым «вежам», оставшимся без охраны, что уже весьма напоминало ловушку. После долгого марша и символического боя была захвачена богатейшая добыча: золото, дорогое оружие, «аксамиты», «узурочье половецкое», «красные девы половецкие». Все это произошло в пятницу, ночью интенсивно праздновали победу, а утром обнаружили себя в половецком окружении. Вражеские полки включали не только воинов Кончака, сюда пришли полки Гзака, Токсобиевичей, Бурчевичей. Окруженные на рассвете в субботу (11 мая) половцами, русские, отбиваясь от врагов, непрерывно продвигались к Северскому Донцу в течение всего дня, наступившей затем ночи и утра 12 мая, пока не потерпели поражение на реке Каяле. Каяла – какой-то из правых притоков Северского Донца южнее Изюма, возможно – речка Каменка [38]. Твердо установлено одно: наши Кальмиус и Кальчик никакого отношения к той Каяле не имеют, события знаменитого похода развивались много севернее земель Розовского и Володарского районов. Аргументы в пользу такого утверждения, изложенные в работе К.В. Кудряшова [39] по географии Половецкого поля еще в 1948 году, остаются неопровержимыми и актуальными и сегодня.

Разгром русской рати был полным, раненый Игорь с сыном оказались в плену у Кончака (впрочем, похоже, не слишком обременительном). Через год князь бежал на Русь, а его сын Владимир вернулся из плена в 1187 году с молодой женой (дочерью Кончака) и ребенком.

Вот и все события не очень значительного и, главное, неудачного похода новгород-северского князя. Из такого неблагоприятного материала неведомый (да простит меня академик Б.А. Рыбаков) автор «Слова о полку Игореве» сумел построить блестящее поэтическое здание, вложив в «умы русские» и осуждение пагубных княжеских усобиц, и призыв к единению Руси, к защите Отечества! Надо только постоянно помнить, что «Слово...» - художественное

произведение, и неправомерно требовать от его автора фотографической точности в описании событий. Не ждем же мы от известных романов А. Дюма точного изложения истории Франции первой половины XVII века!

Суровой и многоснежной зимой 1187 года русские князья совершили поход по льду Днепра на приднепровских половцев, «сторожа» которых была захвачена возле устья Самары, а само зимовье Бурчевичей располагалось у Голубого леса, где река Волчья впадает в Самару [39] (в 10-15 километрах к северо-западу от современного Павлограда).

В начале января 1203 года Рюрик Ростиславович и Ольговичи привели на Русь половцев. Последовало взятие Киева, ограбление Софийского собора, Десятинной церкви, монастырей, захват половцами киевлян. Через две недели Рюрика изгнал из Киева Роман Мстиславович, продолжилась бесконечная чехарда на киевском столе. С 1201 по 1223 год сменилось 18 великих князей, многие княжили менее года, по несколько месяцев, а то и дней! В начале XIII века Рюрик Ростиславович занимал великий стол 9 раз, Ингвар Ярославович – 4 раза, многие князья - по 2 раза.

Половцы активно «пособляют» в усобицах то одному, то другому князю. В походе Рюрика на Галич в 1202 году участвуют ханы Самогур Сутоеви и Котян (предводитель половцев на Правобережье). Позднее хан Котян выдаст дочь за великого князя Мстислава Романовича, павшего в битве на Калке. Традиция русско-половецких браков продолжилась, в 1205 году Ярослав Всеволодович из Суздаля женился на дочери Юрия Кончаковича, хана донецких половцев [1].

Своим чередом шли и набеги: в 1210 году половцы пришли к Переяславлю, сожгли села, захватили «полон» [1]. В своих усобицах князья приводили на Русь степняков в 1217, 1219, 1226, 1228 годах... Не обошлось без степных союзников (на сей раз, бродников, о них речь подробно пойдет ниже) в кровопролитной битве на реке Липице, у Юрьева-Польского, где столкнулись в 1216 году внуки Юрия Долгорукого и объединенное войско Мстислава Мстиславовича Удатного (Удачливого), княжившего тогда в Новгороде.

А между тем, надвигались великие события, в 1204 году западные крестоносцы захватили Константинополь. Но главная грозная туча поднималась на востоке: в 1219-1221 годах монгольские орды Чингисхана уже громили в Средней Азии державу хорезм-шаха Мухаммеда.

Вот мы и рассмотрели все перипетии русско-половецких отношений почти за 180 лет.

Подводя итоги этим отношениям, А.Л. Никитин [40] сводит их к следующим пунктам:

1) приходы половцев с предложением «вечного мира», 2) браки между половцами и русскими князьями, 3) участие половцев в княжеских усобицах в качестве союзников, 4) походы русских князей на половцев, 5) ответные набеги и 6) спонтанные нападения половцев на Русь.

С предложением мира половцы приходили 15 раз, летописи сохранили известия более чем о полутора десятках русско-половецких браков. К концу XII

века почти все русские князья были половецкими родственниками: сыновьями, внуками и мужьями половчанок. У героя «Слова о полку Игореве», князя Игоря Святославовича, половчанками были мать, бабка по отцу и невестка (жена его сына Владимира).

Более 30 раз в междоусобной борьбе князья приводили на Русь свою степную родню.

Зафиксировано около 20 походов русских дружин на половцев и 13 самостоятельных (без приглашения князей) половецких набегов, часть из которых была ответом на русский поход в степь. Отдельным яблоком раздора были вассальные Руси «черные клобуки».

В целом, противостояние нельзя назвать смертельным: стороны не стремились (да и не могли!) уничтожить друг друга «под корень» и завоевать чужую землю. Половцев русские леса не интересовали, но от богатых лесостепных пастбищ в Поросье, на переяславском и черниговском пограничье, они бы не отказались. Русские не стремились завоевать степь, им нужно было сохранить свободными торговые пути на юг и юго-восток, при возможности, укрепиться в отдельных важных районах, вроде Тмуторокани, но из плодородной лесостепи они старались половцев вытеснить.

Была ли эта постоянная борьба тяжелым бременем? Да, безусловно! Для русских селений набег весной и летом – это погибший урожай и голод зимой, усугубленный угоном скота. Прибавьте к этому сгоревшие избы и уничтожение орудий ремесла, массовый захват «полона», пополнявшего ряды невольников не только в половецких кочевьях, но и в странах Средиземноморья и Востока. И невозможно принять, как весомый аргумент против тяжести половецких набегов, установленный историками факт [41], что нападениям половцев подвергалось не более 1/15 доли всей территории тогдашней Руси. Именно эта 1/15 часть, прилегающая к ее южной границе, и была самой населенной, плодородной и богатой землей!

Не меньшим бедствием для половцев был русский поход в степь в конце зимы или рано весной, когда население и скот измучены зимней бескормицей, и кони напоминают ходячие скелеты. Невозможно ни дать отпор, ни откочевать, особенно если начинается массовый отел стад. Захват и угон скота подрывал самые основы кочевого хозяйства, обрекал на голод и нищету большинство степного населения. Уделом половца становилась рыбная ловля да жалкое примитивное земледелие, дававшее горсть проса. Многих спасала «суана» - выпас скота своих более богатых сородичей за половину приплода [16], и грела надежда поправить дела ответным летним набегом на русские селения.

Невозможно согласиться с мнением П.В. Голубовского [1], смотревшего на русские походы в степь, как на разновидность некоего рыцарского турнира для князей и дружин, позволяющего показать удаль и молодечество, но ничего не дающего для защиты от половецких набегов. После донских походов Мономаха целая половецкая орда Атрака, сына Шарукана, откочевала на Северный Кавказ, половцы буквально отхлынули от юго-восточных границ Переяславского и Черниговского княжеств, давление Степи на Русь ослабло на целые десятилетия.

Для знати (и русской, и половецкой) противостояние действительно несколько напоминало турнир, даже при самом жестоком поражении именитым пленникам не грозила гибель: их неизменно отпускали за выкуп. Казнь знатного пленника – случай редкий, из ряда вон выходящий, о нем особо считает необходимым упомянуть летописец! Поэтому настоящим шоком и для русской, и для половецкой аристократии стали первые столкновения с монголами, безжалостно, «под корень» уничтожавшими плененную знать, чтобы занять ее место в степной иерархии. Впрочем, факт повсеместного уничтожения половецкой аристократии монголо-татарскими завоевателями в ходе нашествия в последние годы все чаще (и обоснованно, на наш взгляд) ставится под сомнение. А ведь о гибели половецкой «верхушки» в первой половине XIII века от монгольского меча неоднократно писали в своих работах С.А. Плетнева [16, 42] и Л.С. Гераськова [31], обосновывая ею тезис о быстром прекращении изготовления «каменных баб» и стремительном затухании культа предков-героев в половецкой среде сразу после монгольского нашествия.

Простые русские дружинники и «пещцы», набранные из городских низов, как и большинство половцев, на выкуп рассчитывать не могли. В случае поражения, если они не успевали «сделать ноги» с поля битвы, их ждала гибель или плен и рабство. Но и после смерти равенства не было, хоронили, как правило, только знать. Остальных же павших, аккуратно собрав с поля битвы оружие и воинское снаряжение, которые тогда стояли дорого, обычно предоставляли заботам волков, лис, хищных птиц и воронья. Такова была страшная проза средневековой войны...

Патриотические мотивы в княжеской борьбе с Половецким полем условно были, но часто они сочетались с поиском военной добычи, обычным грабежом, захватом скота и угоном пленных. Кроме славы и рыцарской чести дружины обретали в степных походах и вполне материальные «дивиденды». Что же касается жестокости и вероломства, то русские князья половецким ханам не уступали, но далеко всем им было в подобных делах до «просвещенной и цивилизованной» Византии!

После работ Л.Н. Гумилева стало хорошим тоном изображать взаимоотношения Руси со Степью, как некий благотворный симбиоз (сосуществование, приносящее обоюдную пользу). Трудно с этим согласиться, шла жесткая, временами жестокая борьба, лишь к началу XIII века она стала затухать, а связи Руси с половцами: кровнородственные, торговые и культурные все более крепились. Кто знает, может со временем и влились бы половецкие объединения в русскую государственность, если бы не смела все в первой половине XIII века монгольская лавина.

Рассмотрев все описанные в летописях походы русских дружин в Половецкую степь, можно утверждать, что ни разу, до битвы на Калке, их маршрут не пересек территорию нынешнего Розовского района.

Взаимоотношения половцев с византийскими торговыми городами в Крыму имеют давнюю историю, они начались не позднее конца XI века, когда кипчаки пришли на полуостров. Половцы совсем не стремились захватить, сжечь и разграбить Корсунь (Херсонес) или Сурож (Судак), они завязывали торговые контакты. Подкочевав к городским стенам, половцы на

продажу предлагали скот, кожи и рабов, покупая предметы роскоши, изделия ремесленников, вино. Уже в 1178 году торговцы из итальянского города Генуя, потеснив выходцев из Венеции, добились от византийского императора Мануила I Комнина подтверждения свободы их торговли по Черному морю и на северных его берегах [1]. Так оборотистые и предприимчивые генуэзцы заложили основы своей торговли с Крымом и Северным Причерноморьем, которая процветала до последней четверти XV века.

Как же жили половцы в нашей степи? Общеизвестным является утверждение, что сразу после прихода в степи между Дунаем и Волгой они находились на стадии круглогодичного, так называемого «таборного» кочевания [43], для которого характерно отсутствие постоянных кочевых маршрутов, захват все новых пастбищ, пока на пути не встретится природный рубеж (вроде границы леса) или вооруженная сила, способная их остановить. На севере такой силой стала Русь, на юго-западе – Византия. Первыми, по мнению С.А. Плетневой, половцы заняли богатейшие пастбищные угодья на Донце, в нижнем течении Дона и в Северном Приазовье, причем произошло это в 20-е годы XI века [16]. Общественные отношения у половцев того периода лучше всего определяются термином «военная демократия». Все свободные люди, способные по возрасту и здоровью носить оружие (у половцев, по-видимому, и молодые женщины) являются равноправными воинами, вожди выдвигаются за личные заслуги и военные таланты. Армии кочевников на этой стадии огромны, но слабо вооружены, плохо подготовлены в военном отношении и, в столкновении с сильными противниками, часто нестойки. У половцев несколько близкородственных семей объединялись в патриархальную большую семью, несколько больших семей - в курень (кош). При сборах в набег или необходимости обороны курени объединялись в орду. На стадии военной демократии все курени (коши) равноправны.

Этап «таборного» кочевания на Левобережье был пройден половцами довольно быстро, он закончился в 60-е годы XI века. Для более рационального использования богатых травмами степей половцы переходят здесь к сезонному кочеванию по более или менее стабильным маршрутам с постоянными зимними и летними пастбищами. В степи начинается выделение знати, имена которой и донесли до нас летописи. К концу XI века оформляются относительно постоянные половецкие объединения (орды, союзы орд) кочевавшие по своим территориям. Четко определить их границы до начала русских походов в степь затруднительно.

Половцы полностью зависели от состояния пастбищ (сено на зиму они не заготавливали), поэтому должны были, как перелетные птицы, кочевать в меридиональном направлении. Весной двигаться с юга на север, вслед за зеленеющей степью, и летовать в северной части своих владений, где степь к концу лета меньше выгорает. С другой стороны, хорошие летние пастбища возможны среди лета и на юге, в долинах небольших рек и по влажным балкам. Зиму логично проводить на юге, где тоньше снежный покров или нет его совсем, как это происходит и сейчас довольно часто на землях Розовского района в течение большей части зимы. Но и здесь возможны исключения. По

речным долинам и балкам, где зимой не покрывались снегом высокая сухая трава и камыш, это заготовленное самой природой сено оставалось доступным и в более северных районах, где снежный покров уже достаточно глубок.

Распределение половецких орд на Левобережье более или менее точно определяется по летописным известиям после походов в степь Владимира Мономаха в начале XII века. Однако полного согласия в вопросе о расположении орд в Половецкой степи у историков нет, на что справедливо указывает в своей обзорной работе Е.А. Арманчук [44].

(См. Приложение: рисунок. 5.6)

По С.А. Плетневой (рис. 5.6), бассейн Северского Донца и нижнего Дона занимало объединение донских половцев, зимовавших на побережье Азовского моря [16]. Здесь главенствовал род хана Шарукана (упоминается в летописях с 1068 по 1107 год), включавший его сыновей Атрака и Сырчана, брата Шарукана – Сугра, сыновей Атрака Кончака (упоминается с 1172 по 1201 год) и Елтута, сына Кончака Юрия, убитого в столкновениях с монголами [45].

В низовьях Днепра южнее порогов и в западной части Северного Приазовья, включая бассейн реки Молочной, историки выделяют еще одно половецкое объединение – лукоморское (см. рис. 5.6). Место зимовки этого объединения известно из летописи, это – Протоличи – широкая правобережная долина Днепра у Хортицы и порогов. Ранней весной Мономах застаёт лукоморцев в верховьях реки Молочной, близ современного Токмака. Скорее всего, летние пастбища этого объединения находились в местах, именуемых позднее запорожцами Великим Лугом, на Левобережье ниже современного впадения Конки в Днепр, где изобилие воды обеспечивало превосходный выпас, несмотря на общее выгорание степных трав к концу лета. В летописях упоминаются имена лукоморской половецкой знати: хана Урусобы (под 1103 годом), Алтунопы (в 1083 и 1103 годах), Белдюзя, сыновей Урусобы Колдечи и Кобана (под 1190 годом), Тоглия и Акуша (1193 год) [45]. Объединение днепровских половцев С.А. Плетнева (рис. 5.6) помещает в районе Днепровских порогов, в бассейнах рек Орель, Самара и Волчья. Русский зимний поход 1187 года застал их зимовья близ впадения Волчьей в Самару, у современного Павлограда. Днепровское объединение, именуемое также Бурчевичами, Г.А. Федоров-Давыдов в своей книге [45] оставляет под вопросом. Для их летних и весенних пастбищ нарисовать по литературным данным непротиворечивую картину, к сожалению, не получается. Можно предполагать, что весенние пастбища находились у них близ побережья Азовского моря, между реками Берда и Кальмиус, т.е. на землях нынешнего Розовского района, между приазовскими весенними пастбищами лукоморцев и донских половцев. Летние пастбища можно связать с левыми притоками Волчьей, в том числе с Сухими и Мокрыми Ялами, которые начинаются в ближайших окрестностях Розовки. Аргументом здесь может служить то, что в современном крымско-татарском языке, ближайшем живом родственнике половецкого, «яйла» (yaıla) – летнее пастбище, в Крыму чаще всего горное [46], от тюркского корня уау – «лето» [47]. О связи орды Бурчевичей с речкой Волчьей также свидетельствует лингвистика, в крымско-татарском языке böğü – «волк» [46] (т.е., Бурчевичи –

«волки», потомки волков). Вспомним, как знаменитый хан приднепровских половцев Боняк, накануне битвы с венграми в 1097 году, гадает о ее исходе, волчьим воем призывая серых хищников - своих родовых покровителей. Летописи упоминают и других знатных половцев днепровского объединения: Осолука с Изаем (под 1193 годом), хан Кобяка (под 1170, 1183 и 1186 годом) и его сына Даниила [45].

Существуют и другие взгляды на принадлежность кочевого населения между Бердой и Кальмиусом. М.В. Ельников, например, пишет, что степи восточнее реки Молочной занимало в Северном Приазовье объединение приморских (приазовских) половцев [48].

На основании анализа распределения половецких изваяний, Л.С. Гераськова считает, что половецких объединений было всего два: приднепровское и донецкое, и сопоставляет эти объединения с Черной и Белой Куманями по Идриси [49].

Кроме уже названных половецких объединений, летописи говорят о «диких половцах», не входящих ни в одно из известных объединений. Наиболее распространена точка зрения, что это остатки орд, разбитых в результате русских походов в степь в начале XII века, и состояли «дикие половцы» из айлов (кошей), не связанных родством [16]. Вассалами киевских князей они никогда не были, на землях Руси не селились. Кочевали вблизи русских границ и участвовали в княжеских усобицах, чаще всего на стороне черниговских Ольговичей. Одним из предводителей «диких половцев» был Семенч, сын Боняка, кочевавший у южных границ Переяславского княжества.

Настоящими вассалами киевского князя были «Черные Клобуки», кочевое объединение, поселенное по южным границам Руси, как щит от Степи, и состоявшее, в основном, из печенегов, торков и берендеев. На Правобережье, по левому берегу Роси, Черные Клобуки селились компактно (один из их городов, Торческ, упомянут уже под 1093 годом), на переяславских и черниговских границах печенеги и торки жили попеременно с русским населением. Летописец называет их без затей: «свои «поганые», т.е. язычники. В конце XII века черные клобуки имели своего князя, сидевшего в Торческе, и тесно связанного с киевским столом (в 90-е годы – это был Ростислав Рюрикович, сын половчанки, дочери хана Беглюка). Черные клобуки были верными вассалами киевского князя и в усобицах, и в столкновениях с половцами, принимали участие и в битве на Калке в 1223 году. Раскопки в Поросье, проводимые с конца XIX века, дали богатейший археологический материал по этому своеобразному кочевому объединению, обобщенный в известной работе С.А. Плетневой «Древности Черных Клобуков» [50].

Еще одной категорией населения в домонгольском Половецком поле были бродники. Со времен В.Н. Татищева принято считать их русскими беглецами в степь и христианами, жившими в кочевом окружении. На этом основании в них видят, предположительно, предшественников казачества. С.А. Плетнева отводит бродникам в своей книге «Половцы» (1990) всего одну страницу, но, в настоящее время, о них уже написано много всякого: и научного, и научно-популярного, и просто популярного, от исторической науки весьма далекого.

Ни один уважающий себя Интернет-ресурс, посвященный казачеству, не обходится без упоминания о бродниках, происхождение от них всех и всяческих казаков часто подается, как вполне доказанный факт. На страницах некоторых «продвинутых» краеведческих сочинений уже проступает, «сквозь тьму тысячелетий», целое государство бродников в Северном Приазовье, со столицей на месте нынешнего Мариуполя [6]. Авторы поскромнее ограничиваются ссылкой на летописи, сообщающие о бродниках до битвы на Калке (1223 год) под 1146, 1147 и 1216 годом.

Давайте посмотрим, что и как написано о бродниках в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, и много ли можно узнать из этих сообщений. Полистав Лаврентьевскую летопись [51], обнаруживаем, что в ней под 1146 и 1147 годом о бродниках нет ни слова, хотя ход княжеской усобицы после смерти Всеволода, конечно, излагается. Читаем в Ипатьевской летописи под 1146 годом: «Пришедшу же Сѣтославоу в Колтескъ городокъ и тоу присла емоу Гюргии в помочь тысячу Бренидьецъ дружины Белозерскоѣ...» [37]. Вот перевод: «Пришел Святослав в городок Колтеск и тут прислал ему Юрий (Долгорукий) тысячу латников Белозерской дружины...» Слово «Бренидьецъ» в летописи большинство комментаторов трактуют, как «латников, воинов в броне, в латах». Если даже здесь идет речь о бродниках, непонятно, какое отношение они имеют к дружине из городка Белоозера, расположенного севернее Вологды, более чем в тысяче километров от границы степи? В Ипатьевской летописи под 1147 годом находим: «... В то же верема придоша к немѣ Бродничии и Половци придоша к нему мнози оуеве его» [37]. На современном русском языке получается: «В то же время пришли к нему (Святославу) бродники, и половцев пришло к нему много от воев (дядей по матери) его». Известно, что «вюями» Святослава были половецкие аристократы Тюнрак и Камоса, сыновья Осолука.

Следующее известие о бродниках относится к событиям 1216 года. На реке Липице, у Юрьева-Польского, произошла кровопролитная битва между владимиристо-суздальской дружиной внуков Долгорукого - Ярослава и Юрия Всеволодовичей с одной стороны, и объединенным войском Мстислава Мстиславовича Удатного (Удачливого) и другого внука Долгорукого - Константина Всеволодовича с другой стороны. В Липицкой битве бродники сражались на стороне Ярослава и Юрия, а главным противником их был Мстислав Удатный, тогда князь новгородский (через семь лет он станет одним из предводителей русской рати в битве на Калке).

Таким образом, до битвы на Калке летописи дают 2 или 3 крайне скудных известия о бродниках, которые выглядят, как некая военная сила (наемная?), привлекаемая, вместе с половцами, к княжеским усобицам. По контексту можно предполагать их локализацию на Левобережье, у границ Переяславского и Черниговского княжеств, возможна связь с определенными знатными половецкими родами (Осолуковичами). Единственным аргументом в пользу принадлежности к славянам является их название, если только это не перевод

на русский язык какого-то тюркского термина (о распространенности половецко-русского двуязычия на Руси мы уже говорили).

Еще одно упоминание о бродниках в домонгольский период имеется у византийского хрониста Никиты Хониата, на что обратил внимание еще П.В. Голубовский [22].

Р. А. Рабинович в сборнике, посвященном истории Карпато-Днестровских земель в VI - XIII веках [52], подробно анализирует это сообщение и приходит к ряду интересных выводов. Без пространной цитаты из этой работы, не обойтись: «В историографии со второй половины XIX века, и по настоящее время, единодушно бытует представление о дунайских бродниках, как о вольнице, полукочевом воинственном населении, прообразе казачества. Достоверные известия источников о бродниках дунайских ни разу не упоминают их в военном контексте.

Единственным основанием служит небесспорная интерпретация Ф. Успенским жителей области «Вордоны» как бродников. Никита Хониат в речи по поводу похода византийцев в 1190 году против болгар коснулся событий 1186 года и, говоря о союзниках болгар, потерпевших вместе с ними поражение, сообщил следующее: «...Куманы, народ доселе непорабощенный ... и весьма воинственный и те, что происходят из Вордоны, презирающие смерть, ветвь Тавроскифов (Ταυροσκυθῶν), народ любезный богу войны, оказавшие помощь балканским варварам...» (Успенский 1879: 35-36).

Часть исследователей согласилась с отождествлением Ф. Успенского, часть считает его гипотетическим или невозможным (Пашуто 1968: 115,203; Батюшков 1892: 35-36; Шушарин 1978: 43) [52]».

Р.А. Рабинович приходит к выводу, что «бродники» достоверно фиксируются в Карпато-Днестровских землях, предположительно в Сиретско-Прутском междуречье, лишь с 1222 года, а вопрос об их этнической принадлежности нельзя считать решенным. Связь между бродниками Подонья и Карпато-Поднестровья не очевидна и едва намечается. Данных о полукочевом воинском образе жизни карпато-днестровских бродников нет, связь их с казачеством ничем не подтверждена и носит чисто умозрительный характер.

Подводя итог всему, написанному выше о бродниках, можно достоверно утверждать, что это была оседлая составляющая населения Половецкого поля, состоящая, скорее всего, из аланов-асов и славян [53]. Какая-то их часть была христианами. Бродники находились под покровительством половецких объединений, зависели от кочевников и занимали в степной иерархии самые низкие ступени [53].

Какие имеются археологические следы бродников домонгольского периода? С.А. Плетнева [16] говорит в этой связи об остатках кратковременных небольших поселков на Верхнем Дону (Воронежская область) с типичной древнерусской керамикой XII века, а также о следах поселений на Нижнем Днепре, сопровождающихся обширными христианскими кладбищами и аналогичной керамикой.

К анализу сообщений о бродниках, относящихся к битве на Калке, обратимся в следующей главе.

Выше мы много говорили о русско-половецком военном противостоянии, поэтому целесообразно кратко рассмотреть структуру, тактику и вооружение половецкого войска.

Половецкое войско было конным, причем в нем выделялись легковооруженные всадники (лучники, «стрелки» по летописи) и тяжеловооруженная конница. Если набег обещал быть легким, а его цель находилась недалеко от половецких кочевий, к основному войску присоединялись ватаги степной гольтыбьбы (даже женщин), вооруженные только луком и стрелами. Численность войска сильно возрастала, но снижалась его боеспособность и стойкость. Легковооруженные воины имели саблю, лук, берестяной или кожаный колчан со стрелами, копье. Тяжеловооруженный конник также был вооружен саблей, луком и копьем, но отличало его наличие кольчуги и шлема, часто с маской для защиты лица. В ранних захоронениях изредка находят и прямые мечи [45]. Интересная деталь: щитов половцы практически не использовали. Структура половецкого войска отражала социальное неравенство в их среде: тяжеловооруженная конница состояла из знати, «господичей», «лучших мужей», опытных воинов – глав богатых и многочисленных кошей (аилов), «чадей». Главы кошей победнее и молодежь – это лучники, «стрелки».

Половцы были мастерами маневренной войны в степи: внезапных ударов, охватов с флангов, засад. Легкая конница часто первой бросалась на противника, осыпая его стрелами, а затем ударялась в притворное бегство, заманивая неприятеля под уничтожающий удар тяжеловооруженных всадников. Укрепленные городки половцы брали, поджигая их с помощью стрел с горячей паклей, к длительной осаде сами прибегали редко, учитывая кратковременность набегов.

Большинство историков для оценки численности половецкого войска используют простое соотношение: от каждых пяти жителей кочевья может быть выставлен один воин.

Основой кочевой экономики было скотоводство. Состав стад и их многочисленность определяли благосостояние коша (аила), по-русски – «чади», т.е. рода. Летописи подробно описывают скот, захваченный при набегах на половецкие кочевья, поэтому мы хорошо представляем состав половецкого стада: кони (главное богатство!), верблюды, крупный рогатый скот, овцы, козы. Наша богатая степь позволяла кипчакам держать все виды скота, с которым можно кочевать (свиньи, естественно, исключаются). Общее поголовье половецкого скота на Левобережье исчислялось миллионами голов, отдельные степные аристократы имели во владении стада по 10 тыс. коней, по 100 тыс. овец! Оседлым земледельцам количество скота в степи казалось огромным, избыточным, ведь для русского пахаря-смерда одна лошадка, корова-кормилица, пара коз да куры во дворе – уже определенный достаток в семье.

Для кочевников скот – основа всего и вся. Специалистами давно установлено, что малая семья из пяти человек, чтобы вести хозяйство, минимально должна иметь стадо, эквивалентное по поголовью 25 лошадям (из расчета: 1 лошадь равна 5 головам крупного рогатого скота плюс 6 овец). Отсюда огромные стада в степи, существенно редуемые за время зимней бескормицы. Уход

за скотом был строго распределен, конями и верблюдами занимались мужчины, остальной скот находился на попечении женщин. Лишаясь скота, половец не просто впадал в бедность, он становился изгоем, выпадал из привычного уклада и образа жизни, не мог больше кочевать. Такие бедняки, оставаясь на местах зимних кочевий, перебивались примитивным земледелием, ремеслом, рыбной ловлей и поневоле становились пионерами оседлого образа жизни. Предел нищеты у половца, когда в его захоронении находят не останки верного друга-коня, а лишь сазаньи кости.

Основой питания у половцев были мясо, молоко и молочные продукты, дичь, добытая во время сезонных загонных охот, рыба. Из продуктов земледелия, более или менее широко они употребляли просо. В качестве жилищ использовались островерхие юрты (вежи) из войлока с деревянным каркасом. В коше юрты ставились по кругу, в центре находилась юрта кошевого. Такое расположение юрт, как и отдельную юрту, русские летописи называли вежой. Вежи поменьше могли перевозиться на телегах, на месте зимовок и летовок ставились стационарные войлочные юрты побольше, которые транспортировались только в разобранном виде.

Одежда половцев состояла из рубах, кафтанов и кожаных штанов. Ткани использовались привозные, часто дорогие (шелк, парча). Археологам при раскопках от одежды обычно достаются пряжки и пуговицы. Изредка находят и целые вещи: шелковый халат с узором в виде параллельных рядов кругов с крестовидным орнаментом из погребения Плоское (близ Тирасполя) [45], роскошный кафтан, достойный половецкого хана, из Чингульского кургана (Запорожская область) [16]. Обувью служили короткие мягкие сапоги, голенища которых ремнями-поножами крепились спереди к поясному ремню.

Развито в степи было кузнечное ремесло, изготовление железных удил, стремян, клинков сабель, ножей, наконечников стрел (правда, использовались и костяные наконечники). Кочевые умельцы отливали и полировали зеркала из светлой бронзы, тогда как на Руси зеркала в то время не производились. Половцы занимались обработкой дерева (изготовление луков, остовов юрт, телег) и резьбой по кости.

Из всей совокупности обнаруженных украшений, продукцией половецких мастеров достоверно являются характерные биконические и шипоносные серьги из цветных металлов, не изготавливавшиеся ни на Руси, ни в Византии, ни на арабском Востоке.

Наиболее известны широкой публике произведения половецких скульпторов и камнерезов – знаменитые «каменные бабы», счет которым идет на тысячи, ставшие за много веков настоящим символом прошлого наших степей.

По современным представлениям, язык, на котором говорили половцы, относится к кипчакской группе западно-тюркских языков, его близкими родственниками являются крымско-татарский и ногайский языки. Неясно, существовала ли у половцев в XI – XIV веках собственная письменность, похоже, что нет. Важную роль в изучении половецкого языка сыграла находка в начале XIX века в Венеции, в библиотеке Св. Марка, среди бумаг знаменитого ита-

льянского поэта Ф. Петрарки, переданных им правительству Венецианской республики, рукописи, именуемой в настоящее время «Codex Cumanicus» (Куманский кодекс). Часть кодекса написана на итальянском языке, часть – на немецком. В итальянской части содержится латинско-персидско-половецкий словарь, в немецкой части имеется немецко-половецкий словарь, заметки по половецкой грамматике, загадки, стихотворные христианские тексты на языке половцев. Датируется «Codex Cumanicus» 1303 годом, а создан он был, скорее всего, францисканскими католическими монахами-миссионерами в Кафе (нынешняя Феодосия) [54]. В Куманском кодексе есть слова, заимствованные половцами из русского, еврейского (через иудеев-хазар) и греческого языков: ixba (изба), peĭ (печь), törä (закон), sabatsun (день субботы), fanar (φανάριον, фонарь, светильник) [1]. Многие тюркские термины, отмеченные в древнерусских источниках (в «Слово о полку Игореве», в летописях) являются печенежскими или половецкими.

На один любопытный след половецкого языка в творчестве Н.В. Гоголя указал в своей статье В.А. Бушаков, профессор МГГУ (Мариуполь) [55]. В знаменитых «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в рассказе «Вечер накануне Ивана Купала», есть такой малосимпатичный, жуткий персонаж, как Басаврюк – это «бесовский человек», «дьявол в человеческом образе», «сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы открывать клады». В.А. Бушков утверждает, что само слово «Басаврюк» происходит из половецкого языка, а в украинский фольклор пришло от татар, поселенных в окрестностях Полтавы еще литовским князем Витовтом.

Русские источники и византийские хронисты едины в том, что половцы были язычниками. Летописи из года в год называют их «погаными», т.е. язычниками. Язычество степняков подтверждается и тем, что половецких девушек, прежде чем вести под венец, на Руси всегда крестили, о чем часто сообщают летописцы.

Совершенное особое мнение по этому вопросу высказал А.Л. Никитин [40], он считал половцев христианами несторианского толка, последователями учения константинопольского патриарха Нестория, осужденного Эфесским собором в 431 году. В основе этого учения лежал тезис, что Иисус был не Богом, а всего только совершенным и добродетельным человеком, которого избрал Бог. Несториане не почитали икон, и вообще не придавали большого значения внешней, обрядовой стороне религии. Несторианство действительно отмечено у монголов, но остроумные доводы А.Л. Никитина в отношении половцев убедительными не выглядят и большинством специалистов не принимаются.

В чем именно заключались языческие верования половцев, не совсем ясно и сейчас. Достоверно установлено следующее. Половцы верили в загробную жизнь, о чем свидетельствует их погребальный обряд, когда покойника обеспечивали для потустороннего существования конем, оружием, пищей и рядом бытовых предметов. Многие авторы предполагают у кипчаков тотемизм, т.е. поклонение каждого рода определенному животному, считающемуся предком и покровителем этого рода. Одним из животных-тотемов у

половцев твердо можно считать волка, о хане Боняке, обратившемся перед битвой к своим серым «предкам и покровителям», мы уже упоминали. Имеются основания утверждать, что покровителями других родов могли быть змея и лошадь.

Еще одной составляющей половецкого язычества являлось поклонение героям-предкам, которых олицетворяли «каменные бабы», весьма своеобразные статуи, установленные лицом на восток (были и деревянные изваяния, но, по понятным причинам, их в руки археологов попало очень мало). Поклонение предкам проходило в святилищах, которые сооружались на возвышенных, часто посещаемых половцами местах (курганах) и представляли собой вымощенные площадки с «каменными бабами» [56]. Вокруг святилища сооружали ограду, сложенную из камней. Установлено, что изваяния прямого отношения к захоронениям в курганах не имеют и могильными памятниками не являются [57]. Часть изваяний обнаружена захороненными в ямах.

Соприкасаясь с христианскими странами (Русь, Византия, католическая Венгрия) половцы, частично, переходили к христианству. К концу XII века этот процесс усилился, летописи пестрят именами крещеных половцев (Василий, Гаврилко, Лавр и т.д.) Христианские имена в этот период уже носили представители первостатейной половецкой знати, достаточно вспомнить Юрия, сын хана Кончака, и Даниила, сына хана Кобяка. Монгольская угроза подтолкнула к переходу в христианство целые половецкие роды, а в 1223 году, по сообщению Ипатьевской летописи, крестился половецкий хан Бастей (Басты) [37]. В поисках убежища от монгольского нашествия позже перекочевала в Венгрию и была обращена в католическую веру половецкая Орда во главе с ханом Котяном. Насколько ревностными христианами обычно были новообращенные кочевники, можно судить по захоронениям на христианском кладбище у Белой Вежи (на Дону) [16]. Видимо, на всякий случай, в одну из могил там сунули стремя, в другую – голову коня, в третью кое-какие бытовые вещи. Живучи были языческие предрассудки...

Впрочем, зачем далеко ходить? Мы уже более тысячи лет находимся под влиянием христианства, а загляните после Пасхи, в родительский, поминальный день на любое розовское кладбище, и вы увидите на могилах горстки конфет, крашеные пасхальные яйца, а где и граненый стаканчик с «горькой» - все это отзвуки язычества, но какие привычные, родные, неотъемлимые от нашего образа жизни.

Материальными следами половцев в наших местах являются захоронения, святилища и каменные бабы (изваяния). Как выглядят половецкие святилища, мы вкратце уже описали, остается указать типичные признаки захоронений. Такими признаками обычно считаются наличие камней в насыпи, расположение покойного головой на восток, захоронение целого коня со сбруей или его чучела, иногда в отдельной яме. Из оружия в захоронениях половцев встречаются чаще всего сабля, лук и колчан со стрелами, из бытовых вещей – небольшой нож и огниво. Покойников хоронили в гробах-колодах или гробах сложной конструкции (решетчатых).

В окрестностях Розовки известно несколько половецких захоронений и святилищ.

При исследовании (раскопках) сотрудниками ВАЭ ЗОИОПИК группы курганов у села Белоцерковка было установлено, что один из курганов являлся, по всей видимости, половецким святилищем [28]. На вскрытой древней поверхности кургана выявлен постамент для каменной скульптуры, окаймленный с южной стороны ровиком, в котором нашли череп и изделия из камня, напоминающие стилизованные рога быка. Может быть, это обломки каменной бабы?

О захоронении средневекового кочевника в кургане у села Вишневатое сообщается в «Памятниках истории и культуры Запорожской области» [58]. При исследовании этого погребения, насколько мне известно, какие-либо свидетельства его принадлежности печенегам или торкам не выявлены, что дает право предварительно считать данное захоронение половецким. В сентябре 1995 года на территории Розовского района, у с. Вишневатое, Восточной археологической экспедицией Запорожского областной инспекции по охране памятников истории и культуры (ВАЭ ЗОИОПИК) были исследованы 2 кургана (№ 1 и №2). Эта курганная группа находится в 1,5 километрах к юго-юго-востоку от тока и кладбища села, на водораздельном плато между Кальчиком и одной из степных балок [29]. Захоронение кочевника (№ 1), которое нас интересует, было впускным в позднеэнеолитический курган № 2. Схема погребения представлена на рис. 5.3 (позиция 2). Покойный (взрослый мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад, в прямоугольной яме, со связанными стопами ног [29]. Рядом лежал крестец и кости конечностей лошади. В захоронении найден ряд изделий из железа (рис. 5.4, позиции 1-5): наконечник дротика, изогнутый в древности лавролистный наконечник стрелы, ножи, пряжка, обойма. В углу могилы, у ног покойного, среди других предметов лежал фрагмент тонколистовой обоймы из бронзы (рис. 5.4, поз. 10) и кресало из серого непрозрачного кремня (рис. 5.4, поз. 13). Изделия из кости представлены накладкой лука, вырезанной из ребра животного (рис. 5.5, поз. 1), рукоятью ножа из полый цилиндрической кости (рис. 5.5, поз. 3) и тремя кольцами-застежками (рис. 5.5, поз. 4) [29].

Южнее Розовки, на территории Донецкой области, захоронения половцев выявлены у села Камышеватое (в 10 км к северо-западу от поселка Мангуш), у села Самойлово (на востоке Новоазовского района, возле заповедника «Хомутовская степь»), у сел Васильевка и Раздольное на реке Кальмиус (юг Старобешевского района) [33], у села Новоселовка (восточнее железной дороги Мариуполь-Донецк, близ станции Каменка). О погребениях воинов-кочевников в сопровождении боевого коня, найденных при раскопках курганов в Ильичевском районе в устье реки Кальмиус, у старого кладбища, по дороге в Старый Крым, у поселка Сартана, упоминает С.А. Плетнева [42].

В половецких захоронениях у села Зажиточное на реке Кальмиус (до 1946 года – село Чермалык, в 1972 – 2000 годах – Заможное, сейчас – снова Чермалык), как и в кургане у Новоукраинки на Гайчуре, имеются следы поминальной тризны. В двух курганах у Чермалыка (№ 585 и 586 по Г.А. Федорову-Давыдову) [45], раскопанных Е.П. Трефиловым в 1904 и 1927 годах, костяк коня был похоронен на кострище от тризны, в котором найдены также

кости овцы и птицы. Погребение коня было произведено после захоронения покойного, когда часть кургана уже была насыпана. Захоронения у Чермалыка достаточно известны и нередко упоминаются в СМИ (курган Цыганка в урочище Цыганские могилы, Акритова могила в урочище Вербовые могилы).

Половецкое погребение раскопано всего в 10 километрах к востоку от Розовки, в верховьях реки Кальчика, в кургане у села Малая Янисоль Володарского района (в 1954-1995 годах – село Куйбышево), Е.П. Трефиловым в 1904 году (захоронение № 567 по Г.А. Федорову-Давыдову) [45].

Чтобы покончить с темой археологических находок в Северном Приазовье, относящихся к временам Древней Руси, печенежских и половецких кочевий в наших степях, скажем несколько слов о находках монет и монетных кладов. Клады всегда волнуют широкую публику, а специалистам облегчают непростые задачи датировки. На Руси чеканили серебряную монету уже, по крайней мере, со времен князя Владимира («Се Володимер на столе, а се – его сребро»). Однако мне неизвестны находки древнерусских монет на юге Донецкой и юго-востоке Запорожской областей. Половцы своей монеты не чеканили.

Встречаются в наших местах лишь современные половцам византийские монеты IX-XI веков, находили и целые клады из них. В XIX веке (до 1873 г.), на реке Конке, найден клад из 43 таких монет хорошей сохранности. Наиболее ранние из них отчеканены при императоре Василии I (867-886), самые поздние относятся к правлению Константина X Дуки (1059-1067) [59]. Известен клад из Диановки на реке Лозоватка (запад Бердянского района), обнаруженный в 1886 году и состоявший из монет Константина IX Мономаха.

5.3. О каменных бабах.

Самыми известными памятниками половецкой культуры являются каменные бабы, литература, посвященная им, необозрима.

Великий персидский поэт Низами Гянджеви (около 1141-1209) знал о кипчакских каменных изваяниях (скорее всего, от своей жены, половчанки Асфак) и дал прекрасное поэтическое описание поклонения половцев своим идолам в поэме «Искандер-намэ».

Из европейцев первым сообщил об этих своеобразных скульптурах посол Папы Римского Гильйом (Вильгельм) де Рубрук [60], францисканский монах, посетивший степи Северного Приазовья в апреле 1253 года, следуя из Крыма через Перекоп в низовья Дона, на Волгу и далее, в столицу монголов Каракорум. К тому времени половецкая степь уже 20 лет принадлежала монголам, но сами половцы никуда не делись, и именно их жизнь описывает наблюдательный и несклонный к выдумкам фламандец, называя обитателей нашей степи команам. Вот что пишет Рубрук о каменных бабах: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу» [60]. Это замечание о непосредственной связи каменных баб с захоронениями в курганах,

на которых они стояли, создало для будущих исследователей существенные трудности при решении вопроса о том, какому народу следует приписывать эти скульптуры. Ведь при раскопках было установлено, что многие курганные захоронения принадлежали скифам или относились к еще более ранней эпохе бронзы. Упоминает Рубрук еще один вид половецких идолов: «... Над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене...».

Следуя от Перекопа (fossatum) вдоль северного берега Азовского моря, Рубрук так описывает пейзаж в наших местах: «Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое морем Танаидским (Tanaus), а также усыпальниц команов, которые видны были в двух лье...» [60].

Летом 1594 года посол германского императора Эрих Ляссота, посетивший Базавлуцкую Сечь, возвращался вверх по Днепру. 3 июля, ниже впадения реки Карачекрак, где-то между нынешними Васильевкой и Днепрорудным, он отметил на берегу каменные изваяния: «... миновали Семь Маяков (иссеченные из камня изображения, числом более двадцати, стоящие на курганах или могилах на татарском берегу)» [61].

«Книга Большому Чертежу» [62], составленная в 1627 году в Москве, в Разрядном приказе, описывая Муравский и Изюмский шляхи на юг, в Крым, использует половецкие скульптуры на курганах, как удобный ориентир в степных просторах. Об участке Муравского шляха между реками Орелью и Самарой говорится: «А на реке на Терновке стоит человек камен, а у него кладут из Белгорода станичники доездные памяти, а другие памяти кладут на Самаре у двух девок каменных, а от каменного человека до Самары верст 30». В описании участка Изюмского шляха от верховий Миуса к «Калам» (Кальмиусу и Кальчику?), «Каротошу» (Каратышу), Берле (Берде) и Молочным водам отмечено: «А верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных». Интересно, что в начале XVII века составители «Книги...» еще не называют половецкие изваяния «каменными бабами», этот термин возник позднее, скорее всего от тюркского «baba» (предок, отец) [63].

О большом количестве каменных статуй на северном побережье Азовского моря сообщил немецкий врач Я. Лерхе, сопровождавший русские войска во время крымского похода 1737 года [72].

Осенью 1773 года через наши места, следуя от крепости Св. Дмитрия Ростовского (нынешний город Ростов-на-Дону) к крепости Петровской в устье Берды и далее, вверх по ее течению, а затем, после водораздела, по Конке, проехал академик А.И. Гильденштедт [64].

Отъехав от Ростовской крепости верст 10 на северо-запад, путешественник 16 сентября записал: «Мы встретили несколько больших могильных насыпей или курганов, на одном из коих, возле самой дороги, лежали обломки разбитой мужской статуи в роде виденных мною на Егорлыке. Эта статуя также высечена из ракушечного известняка, обыкновенного и в этой местности

и весьма неглубоко залегающего камня. Мне рассказывали при этом, что в двадцати пяти верстах отсюда на NNW, неподалеку от южного берега реки Тузловы, есть подобная же вполне сохранившаяся статуя, но изображающая женщину с большими грудями и стоящая на высоком холме, или кургане, который поэтому и называется «Бабой».

В трех верстах к востоку от реки Грузский Еланчик, 29 сентября, Гильденштедт снова встречает каменную статую: «... мы увидели по левую, или южную сторону дороги два кургана, обложенные камнями; на восточном стояла мужская статуя с лицом, обращенным на восток. Эта статуя была сделана из ракушечного известняка ...» [64].

В междуречье Кальмиуса и Кальчика, в окрестностях современной станции Сартана, 1 октября путешественник в очередной раз отмечает каменные изваяния: «... мы увидели курган с двумя мужскими статуями, вытесанными из ракушника, а в двухстах шагах к западу от последних, на другом кургане, стояла еще такая же статуя ... Мужские статуи отличаются от женских только отсутствием грудей».

Таким образом, авторы - современники половцев, единодушно приписывают им установку каменных изваяний. Во всех описаниях нашей степи до ее заселения оседлым населением указывается, что «бабы» первоначально стояли на возвышенностях и курганах, лицом на восток. Часть скульптур уже тогда была разрушена, скорее всего последователями мусульманской религии, которая запрещает изображение живых существ. Первыми пострадали изваяния из непрочных материалов: ракушечника и песчаника. Однако тысячи изваяний (С.А. Плетнева говорит о десятках тысяч) еще стояли тогда в целостности и сохранности на просторах бывшего Половецкого поля, особенно много их было в Северном Приазовье, у Днепровских порогов, на Северском Донце и в низовьях Дона.

(См. Приложение: рисунок. 5.6)

При заселении степи на Левобережье в конце XVIII – первой половине XIX веков уничтожение и расхищение каменных баб приняло такие масштабы, что на проблему обратили внимание и общественность, и тогдашняя власть. Статуи свозили в города, украшая ими общественные места, собирали в помещичьи усадьбы, крестьяне устанавливали их на межах, у ворот своих дворов, шинкари - у входа в «питейные заведения». Каменные бабы использовали для фундаментов зданий, изготавливали из них нужные в хозяйстве вещи, а иногда - просто разбивали или топили, посчитав их пышные формы противоречащими нормам морали. Осенью 1825 года, когда Мариуполь посетил император Александр I, изваяния в окрестной степи снимали с курганов и ставили вдоль почтового тракта. Даже если статуя оставалась целой, никто не фиксировал, где она стояла первоначально, с течением времени, после нескольких перемещений, вопрос этот безнадежно запутывался.

В своем равнодушии к древностям поразительно едины были все слои населения в тогдашней Новороссии, от простого крестьянина Андрийченко из села Белицкого Таврической губернии (ныне - Юрково Ореховского района) «в силу какого-то непонятого каприза» изувечившего топором статую [65],

до Таганрогского градоначальника, барона О.Р. Пфейлицер-Франка, припомиравшего, что в бытность его екатеринославским губернатором, он в 1832 году видел под своими окнами во дворе свезенных «каменных баб древнего произведения, не помню откуда доставленных» [66].

В 1844 году министр внутренних дел граф Л.А. Перовский предписал губернаторам и градоначальникам Новороссии собрать сведения о наличии каменных баб, о местах их установки, и принять меры к их сохранению, сославшись на прежний циркуляр министерства от 31 декабря 1826 года «... о сохранении древностей и о воспрещении разрушать оныя» [66]. На основе собранных сведений чиновник министерства внутренних дел А.А. Пескарев в 1851 году опубликовал первый перечень каменных баб. Половецкие изваяния стали собирать в музеи, процесс этот сопровождался бюрократической волокитой и длительной перепиской из-за каждого пустяка. В деле сбора и сохранения изваяний Одесскому обществу истории и древностей (секретарь – Н.Н. Мурзакевич) способствовали директор таганрогской гимназии Я.С. Флоренсов, Екатеринославский гражданский губернатор А.Я. Фабр, пионер лесоразведения в наших местах подполковник В. Графф. К марту 1860 года Екатеринославская палата государственных имуществ собрала по уездам 93 каменные бабы, из них 16 статуй отправила Граффу, в Великоанадольское учебное степное лесничество для хранения и зарисовки, которую проделал «живописец», отставной поручик Товбач. Из оставшихся изваяний, расположенные поближе планировалось также отправить в Анадоль, а остальные - распределить по волостям для украшения садов при волостных правлениях [66]. Интересно, достались ли статуи Мариупольскому колониетскому округу при этой дележке?

За Бердой и Конкой, в Таврической губернии, большой вклад в описание и сохранение каменных баб внесла Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК). Летом 1904 года, по запросу императорского Московского археологического общества, глава этой комиссии А. Маркевич направил в Москву список каменных баб (в 1907 году он вошел в известную сводку П.С. Уваровой), с указанием мест их установки в Таврической губернии [67]. По ближайшей к нашим местам Романовской волости описано: в Берестовом – 14 статуй, в Поповке (Смирново) – 12, в Андреевке - 11, в Николаевке – 11 каменных баб. По данным С.А. Плетневой [42], в середине XIX века в Белоцерковке было 27 баб, в Благовещенке – 18, в Цареконстантиновке (Куйбышево) – 7. Позднее половецкие изваяния из сел нынешнего Куйбышевского района вывозились в Запорожский и Бердянский краеведческие музеи, а также на остров Хортица.

Южнее Розовки каменные бабы описаны в Ялте, Мангуше, Покровском (сейчас – село Боевое Володарского района), Октябрьском, Сартане [33]. В самом Мариуполе к концу XIX века стояло не менее 16 каменных баб (на перекрестках улиц, на возвышенностях), 5 из них и сейчас хранятся в местном краеведческом музее [27]. Всего в Северном Приазовье известно около 600 каменных изваяний половцев.

По рассказам розовских старожилов, много каменных баб стояло в соседнем селе Темрюк (сейчас – Старченково). В настоящее время ближайшее

к нашему поселку собрание каменных изваяний находится в заповеднике «Каменные Могилы», и создано оно трудами его директора В.А. Сиренко с сотрудниками, и членов археологического кружка Шевченковской школы, которым руководил С.П. Шевчук. Статуи свезены сюда из Старченково, Белоцерковки и Смирново [28].

Половецкое происхождение каменных баб впервые убедительно обосновал в своей статье Н.И. Веселовский в 1915 году [68]. С тех пор эта точка зрения преобладает среди историков, хотя периодически высказываются аргументы в пользу отнесения части статуй к печенежским и торческим древностям, о чем мы уже упоминали ранее.

Анализ каменных баб, как ценного исторического источника проведен в работах Г.А. Федорова-Давыдова [45], С.А. Плетневой [42], Л.С. Гераськовой [31]. В дальнейшем, при описании статуй, будем руководствоваться, в основном, выводами С.А. Плетневой, отмечая, по мере необходимости, особенности классификации и датировки у других авторов.

Каменные бабы изготавливались из ракушечника, песчаника, известняка и гранита. Выбор материала, скорее всего, диктовался его доступностью в данной местности, так как перевозка на большое расстояние статуи, весящей несколько сотен килограммов, а то и более тонны, достаточно трудоемкая операция.

Известны как мужские, так и женские статуи, причем последних сохранилось заметно больше. Впрочем, определение пола в этом случае - задача непростая, за женские груди часто принимаются характерные половецкие парные круглые бляхи на груди воинов, служившие для фиксации кольчуги. В отношении позы каменные бабы делят на «стоящие» и «сидящие». С.А. Плетнева [42] считает стоящие статуи изображениями павших в битвах (у них чаще отмечаются оружие и воинская амуниция), сидящие изваяния она связывает с умершими при иных обстоятельствах. Г.А. Федоров-Давыдов считает стоящие статуи более древними [45] на том основании, что в степях Азии (Казахстан, Семиречье) откуда пришли к нам кипчаки-половцы, все бабы, по его утверждению, представлены именно в этой позе. Однако авторы, занимавшиеся изваяниями из восточных степей, отмечают как сидящие, так и стоящие статуи [69, 70], а Д.Г. Савинов считает все древнетюркские изваяния сидящими [71].

(См. Приложение: рисунок. 5.7)

По С.А. Плетневой [42], старейшие типы статуй — стеловидные, плоские со слабой детализацией фигур или совсем без неё. Это были грубо обработанные каменные столбы, контуры лица которых иногда вырезались в виде «сердечка» с закругленной или заостренной в виде башлыка вершиной. Лица вообще не изображались, или наносились Т-образные брови и нос, глаза и рот в виде овальных углублений. Такие фигуры впервые появились в половецкой степи в первой половине XI века. Часть этих примитивных изваяний Л.С. Гераськова связывает с печенегами и торками [31], но формулирует свой вывод достаточно осторожно, указывая на необходимость дальнейших исследований для окончательного решения этого вопроса. Критическое отношение к этому тезису высказано в работе К.И. Красильникова [72].

Со временем у статуй появились руки, которые всегда согнуты в локте под прямым углом и обычно держат на уровне живота сосуд, и круглые выпуклости, изображавшие грудь.

При отсутствии сосуда руки, согнутые в локтях, просто сложены на животе, кисти соединены, и обе руки ниже локтей образуют почти горизонтальную линию. Пальцы рук, как правило, не проработаны.

XII век — век расцвета половецкой скульптуры и её распространения в степи. Мужчины и женщины изображались стоя и сидя, всегда с канонизированным положением рук, держащих сосуда. Кисти уже обрисованы подробно, часто различаются пальцы. Ноги изображены сильно укороченными относительно туловища. Мужские лица всегда вырезались с усами и даже с бородой; женские — полные, круглые, как правило, с маленькими пухлыми губами. Очень подробно изображались детали костюма, головные уборы, украшения, оружие.

В конце XII века происходит заметное упрощение и примитивизация статуй. Перестали декорировать спины и изображать детали причесок и нарядов, убрали детализацию костюмов и с лицевой стороны. Нередко даже лица статуй оставляли гладкими без изображения черт лица, руки также не прорисовывались.

Похоже, что статуи раскрашивали. Очень редко, но можно увидеть в особенно глубоких вырезах орнамента следы чёрной или красной красок. Чтобы уменьшить влияние выветривания, поверхность статуй шлифовали. На хорошо отшлифованной поверхности можно было нарисовать сложный и красивый рисунок, придать изображению большую выразительность.

Какие-либо надписи на каменных бабах пока не обнаружены, хотя изредка на их поверхности фиксируют посторонние рисунки [73].

Каменные изваяния половецких половцев изучают уже многие годы, но ряд вопросов все еще остается без ответа. Почему каменные бабы практически отсутствуют западнее Днепра? Может западная ветвь половецких куманов(?) обходилась войлочными идолами, о которых упоминает Рубрук? Далеко от ясности вопрос о сидящими и стоящими изваяниями. Почему половецкая часть каменных баб устанавливали в глубоких ямах, ниже основания кургана? Ранее это трактовалось, как попытка кипчаков укрыть свои святилища от монголо-татар, ставших в 30-х годах XIII века хозяевами нашей степи. Сейчас это объяснение уже не принимается, так как святилища с изваяниями в яме хронологически одновременно с обычными и также датируются XI—XIII веками [57]. Остается ссылаться на тонкости религии половецких половцев, например, наличие у человека, по их представлениям, нескольких душ, каждой из которых требуется свое материальное воплощение. Целый ряд аргументов в пользу бытования половецкого религиозного культа и в золотоордынское время приводится в работе о половецких святилищах и изваяниях Северного Кавказа и Дона [74], угасание культа предков у кипчаков отнесено в этой работе лишь к середине XIV века.

Обратимся к собранию каменных изваяний в заповеднике «Каменные могилы» (рис. 5.7 – 5.8). Часть статуй повреждена, с них и начнем.

Изваяние из розового гранита (рис. 5.7, а) не имеет головы. Нет никаких признаков, что из него пытались изготовить какую-то полезную в хозяйстве вещь, статую повредили либо в порядке борьбы с язычеством (борцов хватало, и среди мусульман, и среди христиан), либо имел место просто акт вандализма. Уцелевший фрагмент головного убора, гривна на шее, тщательно проработанные руки в каноническом положении, прижимающие к животу сосуд – все это позволяет датировать данную половецкую статую XII веком, временем, предшествующим периоду расцвета по С.А. Плетневой.

(См. Приложение: рисунок. 5.8)

Каменная баба, представленная на рис. 5.7, б, изготовлена из темного, красно-бурого железистого песчаника, гораздо менее прочного, чем гранит. Выходы железистых песчаников нередки по балкам в наших местах, есть они и в окрестностях Розовки (например, в долине Сухих Ялов у села Антоновка). Передняя часть статуи старательно стесана и выровнена, в результате полностью исчезло лицо, руки, почти до локтей и, скорее всего, находившийся у живота традиционный сосуд. Цель произведенных над каменной бабой манипуляций проясняется после ее осмотра сзади: на спине статуи выдолблено приличное углубление, превратившее половецкого идола в корыто! Для того и потребовалось выравнивать переднюю часть статуи, чтобы эта импровизированная емкость при наполнении не опрокинулась. Таким образом, изваяние было повреждено с целью изготовить из него нужную в хозяйстве вещь. Датировать эту статую, следует тем же временем, что и предыдущую.

Переходим к каменным бабам, повреждения которых не так существенны. Статуя, представленная на рис. 5.8 (а), изготовлена из красного гранита, привезена в заповедник, насколько нам известно, из Старченково. Изваяние имеет высокий головной убор, лицо выполнено объемным (есть брови, глаза, полные щеки, подбородок), область носа и рта выветрена или повреждена. На шее просматривается украшение (гривна?). Руки и какие-либо иные детали на корпусе статуи отсутствуют. Похоже, что перед нами одно из упрощенных, стилизованных изваяний, датируемых С.А. Плетневой концом XII – началом XIII века.

На рис. 5.8 (б) каменная баба из серого гранита, которого достаточно и на Каменных Могилах, и по склонам окружающих балок (например, в урочище Каменном, между заповедником и Старченково). Верхняя часть статуи повреждений не имеет, четко различаются круглый головной убор, брови, глаза, нос, губы, лицо выполнено объемным и выглядит вполне реалистично. На шее гривна, видна верхняя часть рук. Часть изваяния ниже пояса, скорее всего, отбита, что существенно затрудняет датировку. Можно лишь утверждать, что эта статуя к примитивным и наиболее древним скульптурам XI века не относится.

Следующая каменная баба (рис. 5.8, в) привезена в заповедник из Белоцерковки, материалом для нее послужил серо-желтый известняк, в окрестностях Розовки такая порода нам не встречалась. Это не очень твердый материал, поэтому статуя носит следы выветривания, возможно уничтожившего часть мелких деталей, на груди заметно локальное повреждение. Статуя имеет головной убор, лицо объемное, видны выемки глаз, по бокам – косы или

украшения. Руки в каноническом для половецких статуй положении прижимают к животу традиционный сосуд, ноги укорочены и стилизованы. Рискнем отнести ее к периоду расцвета половецкой скульптуры, датируемому, по С.А. Плетневой, XII веком.

Статуя на рис. 5.8 (г) изготовлена из серого гранита, голова в верхней части имеет повреждение. Руки едва намечены, украшения и какие-либо детали на торсе отсутствуют. Статуя выглядит весьма примитивно, на наш взгляд, ее следует датировать XI веком.

Вот мы и закончили обзор событий в нашей степи до битвы Калке. Еще идет чередом обычная жизнь в половецких кочевьях и в городах Древней Руси, но на восточном горизонте уже поднимаются грозные тучи монгольского нашествия, круто изменившего весь ход истории Восточной Европы.

Литература

1. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. /П.В. Голубовский. – К. : Университетская типография (И.И. Завадского), 1884. – 254 с.
2. Плетнева С.А. Кочевое население и феодальные государства юго-восточной Европы в X-XIV вв. [Электронный ресурс] /С.А. Плетнева. <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/HistE/v2/31.html>.
3. Багрянородный Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1991. – 493 с.
4. Повесть временных лет (по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям) [Электронный ресурс] //Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. – М., 1978. На сайте <http://stepanov01.narod.ru/library>.
5. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания /А.Г. Кузьмин. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 394 с.
6. Руденко Н.Г. Сквозь тьму тысячелетий /Н.Г. Руденко. – Мариуполь, 2000.
7. Диакон Лев История. Книга 6. [Электронный ресурс] /Лев Диакон. – М. : Наука, 1988. http://oldru.narod.ru/biblio/ldt6_10.htm.
8. История Мариуполя [Электронный ресурс] http://ru.wikipedia.org/wiki/Донецкая_область.
9. Брун Ф. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море [Электронный ресурс] /Ф. Брун //Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД), Одесса, 1863. – Т. 5. – 109 – 156. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=62§ion_code=5.
10. Боплан Г.Л. Описание Украины [Электронный ресурс] / Г. Л. де Боплан М. : Древлехранилище, 2004. – 575 с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan2/pred.phtml?id=1590>.
11. Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне [Электронный ресурс]/Н.В. Пигулевская. – Л., 1976. <http://www.krotov.info/spravki/persons/20person/1970pigu.html>.
12. Черногор А.М. К истории основания города Жданова [Электронный ре-

- курс] /А.М. Черногор //Украинский исторический журнал. – 1971. – №4. – С. 91 – 96. <http://parasoma.narod.ru/articles/chernogor.htm>.
13. Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь: Типо-Литография А.А. Франтова, 1892.
14. Артамонов М.И. История хазар /М.И. Артамонов. – Л. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. – 501 с.
15. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Выпуск I. /А.А. Клаус. — СПб : Типография В.В. Нусвальта, 1869. — 455 с (приложение 94 с.)
16. Плетнева С.А. Половцы /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
17. Древняя история Белосарайки [Электронный ресурс]. <http://parasoma.narod.ru/articles/belosarayka.htm>.
18. Скрынников Р.Г. Древнерусское государство [Электронный ресурс] /Р.Г. Скрынников. http://www.hronos.km.ru/libris/lib_s/skr00.html.
19. Рыбаков Б.А. Рождение Руси /Б.А. Рыбаков. – М. : АиФ Принт, 2004. – 447 с.
20. Яворницкий Д.И. Остров Хортица на реке Днепре (из поездки по Запорожским урочищам) /Д.И. Яворницкий. – Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1886.
21. Диль Ш. История Византийской империи /Ш. Диль. – М. : Иностранная литература, 1948. – 157 с.
22. Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия /П.В. Голубовский. – К. : Университетская типография (И.И. Завадского), 1881. – 201 с.
23. Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси /М.Ю. Брайчевский. – К. : Наукова думка, 1989. – 295 с.
24. Геосинхрология. Атлас Всемирной истории. Киевская Русь в XI в. [Электронный ресурс]. http://www.hronos.km.ru/proekty/ostu/east_eur11.gif.
25. Шаповалов Г.И. О находке судна XI – XII веков в Азовском море /Г.И. Шаповалов //Древности степного Причерноморья и Крыма (ДСПК), Запорожье, 1995. – Т. 5. – С. 185–192.
26. Татаринов С.И. Археология Бахмутского края /С.И. Татаринов, С.В. Федяев, С.А. Федотов. – Артемовск, 2003. – 64 с.
27. История Мариуполя [Электронный ресурс]. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дієдніє,нієїє»ніє>.
28. Шевчук С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. – К.: Август, 1999. – 108 с. (на украинском языке).
29. Самар В.А. Отчет об археологических исследованиях Восточной археологической экспедиции Запорожского областной инспекции по охране памятников истории и культуры в 1995 г. /В.А. Самар, А.Л. Антонов. – Научный архив Института археологии НАН Украины. – №1995/97, Запорожье, 1995. – 134 с.
30. Самар В.А. Отчет об археологических исследованиях Восточного отря-

- да археологической экспедиции Запорожского краеведческого музея в 1994 г. /В.А. Самар, А.Л. Антонов. – Научный архив Института археологии НАН Украины. – №1994/104, Запорожье, 1994. – 137 с.
31. Гераськова Л.С. Скульптура средневековых кочевников степей Восточной Европы /Л.С. Гераськова. – К. : Наукова думка, 1991. – 132 с. (на украинском языке).
32. Кучугура Л.И. Торки и Северное Приазовье в период средневековья. Научная справка /Л.И. Кучугура. – Научный архив Мариупольского краеведческого музея. Мариуполь, 2010.
33. Привалова О.Я. Список памятников археологии Украины. Донецкая область / О.Я. Привалова, А.И. Привалов. – К. : УООП, 1988. – 112 с.
34. Каган, М. Д. Шарукан. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс] /М.Д. Каган. <http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es5/es5-2181.htm?cmd=2&istext=1>.
35. Токмакскому району – 80 лет (по материалам книги М.В. Гомона «Край токмакский») [Электронный ресурс]. <http://www.tok.zp.ukrtelecom.ua/ua/tkm/history/tokmak/>.
36. Сухарев Ю.В. Донской поход Владимира Мономаха /Ю.В. Сухарев // Московский журнал, 2005. – № 12.
37. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография М.А. Александрова, Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 1908. – 638 с.
38. Кудряшов К.В. Еще раз к вопросу с пути Игоря в Половецкую степь /К.В. Кудряшов // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 14. – С. 49–60.
39. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии /К.В. Кудряшов. – М.: ОГИЗ–Географгиз, 1948. – 171 с.
40. Никитин А.Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты /А.Л. Никитин. – М. : Аграф, 2001. – 768 с.
41. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси /В.Т. Пашуто. – М. : Наука, 1968. – 472 с.
42. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. Свод археологических источников (САИ, выпуск Е4 – 2) /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1974. – 199 с.
43. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1982. – 187 с.
44. Арманчук Е.А. Степь Копьеносных Наездников – взгляд из XX века /Е.А. Арманчук //Татарская археология, Казань, 2000 – № 1-2 (6-7). – С. 103–131.
45. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники /Г.А. Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 274 с.
46. Крымско-татарский словарь [Электронный ресурс]. <http://medeniye.org/ru/lugat>
47. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /М. Фасмер. – М. : Прогресс, Т.3 : (Муза-Сят). – 1986. – 832 с.
48. Ельников М.В. Золотоордынские времена на украинских землях / М.В.

- Ельников. – К. : Наш час, 2008 – 176 с. (на украинском языке).
49. Гераськова Л.С. Печенеги, торки, половцы у границ Киевской Руси [Электронный ресурс] /Л.С. Гераськова // История украинской культуры : Т. 1. – К. : Наукова думка, 2001 (на украинском языке). <http://litopys.org.ua/istkult/ikult.htm>.
50. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. Свод археологических источников (САИ, выпуск Е1–19) /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1973. – 44 с.
51. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л. : Изд-во АН СССР, Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 1926–1928. – 379 с.
52. Тельнов Н. «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато–Днепровских земель VI – XIII вв. [Электронный ресурс] / Н. Тельнов, В. Степанов, Н. Руссев, Р. Рабинович. – Кишинев : Высшая антропологическая школа, 2002. – 238 с. http://parasona.narod.ru/articles/rabinovich_berladniki.htm.
53. Бубенок О.Б. Особенности социально-политического устройства объединений кочевников Северного Причерноморья в период между экспансиями гуннов и монголов /О.Б. Бубенок //Украина в Центрально-Восточной Европе (с древнейших времен до конца XVIII века). – 2006 – № 6. – С. 86–133.
54. Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский /А.Н. Гаркавец. – Алма-Ата: Наука, 1987.– 223 с.
55. Бушаков В.А. Образ Басаврюка в повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» [Электронный ресурс] /В.А. Бушаков. <http://turokpub.ru/info/I21.htm>
56. Швецов М.Л. Святилища степного населения восточно-европейских степей эпохи средневековья [Электронный ресурс] /М.Л. Шевцов. http://members.tripod.com/oriental_studies/Shvetsov/Shvetsov3.html.
57. Гуркин С.В. К вопросу о семантике половецких святилищ [Электронный ресурс] /С.В. Гуркин //Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. – Азов, 1989. –С. 38-43. http://annals.xlegio.ru/life/iaiaand88/iaiaand89.htm#_Toc132380708.
58. Самар В.А. Розовский район. Памятники археологии /В.А. Самар, Г.Н. Тощев // Памятники истории и культуры Запорожской области (Великобелозерский, Куйбышевский, Розовский, Токмакский районы) /Составитель и научный редактор Т.К. Шевченко. – Запорожье, 2002. – С. 111–124.
59. Самар В.А. История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье – Лукоморье) /В.А. Самар // Музейный вестник, Запорожье, 2005. – выпуск 5. – С. 3–31.
60. Карпини Дж. дель Плано. История Монгалов. Рубрук, Гильом де. Путешествие в Восточные страны / Перевод А.И.Малеина. – М. : Государственное изд – во географической литературы, 1957. – 272 с.
61. Ляссота Э. Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева [Электронный ресурс] /Э. Ляссота //Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. – К., 1890. – выпуск 1 (XVI в.). <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Lassota/text.phtml?id=838>.
62. Книга Большому Чертежу. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.
63. Халилова Д. Кыпчакская скульптура: описательная характеристика и

- трактовка элементов [Электронный ресурс] /Д. Халилова. <http://turokpub.ru/info/I141.htm>
64. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-1774 г. (Перевод с немецкого) [Электронный ресурс] //Записки Императорского одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Одесса. 1879. – Т.11.– С. 204 – 228. <http://paracom.narod.ru/articles/hildenstedt2.htm>.
65. Иванов А.В. К вопросу о каменных бабах в Крыму [Электронный ресурс]/ А.В. Иванова //Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК), Симферополь, 1888. – Т. 6. – С. 132–133. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=6§ion_code=1.
66. Как составилось собрание «Каменных баб» Музея Одесского Общества Истории и Древностей [Электронный ресурс] //Записки Императорского одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Одесса, 1915. – Т. 32. – С. 65-74. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=89§ion_code=5.
67. Каменные бабы в Таврической губернии. Приложение к протоколу заседания от 29 сентября 1904 г. [Электронный ресурс] //Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК), Симферополь, 1904. – Т. 36. – С. 84–95. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=35§ion_code=1.
68. Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» [Электронный ресурс] /Н.И. Веселовский //Записки Императорского одесского общества истории и древностей (ЗООИД), Одесса, 1915. – Т. 32. – С. 408–444. http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=89§ion_code=5.
69. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии [Электронный ресурс] /Л.А. Евтюхова //МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – Т. 1. <http://kronk.narod.ru/library/evtuhov-la-1952.htm>.
70. Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей /Л.Р. Кызласов //Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 27-39.
71. Савинов Д.Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях [Электронный ресурс] /Д.Г. Савинов //Тюркологический сборник. – М., 1981. – С. 232 – 248. <http://kronk.narod.ru/library/savinov-dg-1981a.htm>
72. Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины /К.И. Красильников. – Луганск : Шлях, 1999. – 136 с.
73. Бушаков, В.А. Мифологический сюжет на половецкой статуе в Аскании-Нова [Электронный ресурс] /В.А. Бушаков. <http://turokpub.ru/info/I23.htm>.
74. Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV веков

6. Битва на Калке

6.1. Появление монголов в Половецком поле.

В конце XII века, далеко от наших мест, в степях Центральной Азии на территории нынешней Монголии, населенных тогда племенами меркитов, ойратов, кэрэитов, монголов и татар, произошли важные события, во многом определившие ход истории всей Евразии в последующие столетия. Из среды их кочевых предводителей выделился, благодаря своему таланту полководца и политика, воле и безграничной жестокости, один из вождей по имени Тэмуджин (Темучин) [1]. Будущий «Потрясатель Вселенной» родился, по сообщению персидского историка Рашид-ад-Дина, в 1154 или 1155 году [2]. Тэмуджину удалось, казалось, невозможное: он сумел прекратить извечные военные столкновения между племенами и направил их объединенную энергию на внешние завоевания. Весной 1206 года, на съезде кочевых предводителей (курултае), Тэмуджин был «поднят на белой кошме почета» и провозглашен верховным правителем под именем Чингисхана.

Чингисхан создал из кочевых конных масс, обычно не отличавшихся дисциплиной, организованностью и стойкостью, превосходно организованное, дисциплинированное и подвижное войско. Оно делилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены, тьмы). В главе подразделений стояли зависимые от Чингисхана вассалы (нойоны), связанные с ним присягой верности. Часто упоминаемый в литературе термин «нукер» (поког, т.е. друг) применительно к монгольскому воину означало дружинника, близкого по своему статусу к члену древнерусской или древнегерманской дружины. Основные кадры поког — выходцы из господствующего класса, однако в их состав могли входить и люди простого происхождения. По большей части они сами избирали себе нойона, которому решили служить по устному договору [3]. Нойоны наделялись зависимым кочевым населением (улусом), количество которого позволяло сформировать подчиненные им воинские подразделения (тысячи, тумены). Местность, где кочевал улус, называли юртом [3]. Особое место в структуре монгольской империи занимали Чингизиды (род Чингисхана), только им могла принадлежать верховная власть, все население являлось их улусом (родовым владением). У самого подножья монгольской иерархической пирамиды находились бедняки, чернь (харачу) и рабы.

Мобильное, прекрасно организованное, спаянное железной дисциплиной и единоначалием, управляемое талантливыми и преданными военачальниками-нойонами, выдвинутыми Чингисханом, войско монголов превратилось в грозное орудие завоевания.

Первыми его жертвами стали соседние феодальные государства тангутов и чжурчжэней на территории современного Китая. В походах 1219-1221 годов войско Чингисхана разгромило государство хорезм-шахов в Средней Азии, пали древние города, знаменитые центры ремесла, торговли и культуры Отрар, Бухара, Самарканд. Нашествие ознаменовалось массовым истреблением и уводом в рабство населения, разрушением хозяйства, превращением городов в руины.

Летом 1220 года, после переправы своих войск через реку Аму-Дарью, Чингисхан направил три тумена (около 30 тыс. воинов) под командованием Джебе-нойона и Субедей-багатура в набег на запад, который традиционно рассматривается историками, как разведывательный рейд в рамках подготовки большого похода для завоевания стран Запада [4]. Пройдя огнем и мечем Северный Иран, тумены обошли с юга Каспий и оказались на территории современного Азербайджана. Попытка монголов проникнуть в степи Северного Кавказа через «Железные Ворота», узкий проход между западным берегом Каспийского моря и восточной оконечностью Кавказских гор у современного Дербента, успеха не принесла, их не пропустил дербентский правитель – ширваншах [5]. Под предлогом переговоров Субедей и Джебе захватили в заложники представителей местной знати, которые под страхом смерти указали путь на Северный Кавказ через Ширванское ущелье.

Здесь против завоевателей совместно выступили аланы (осетины), лезгины и половцы (кипчаки), уже более столетия кочевавшие в местной степи. Не добившись победы в сражении с их объединенным войском, монголы пошли на хитрость. Вот что рассказывает Ибн-ал-Асир, арабский историк первой половины XIII века, современник событий: «Татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, на одеждах и пр.; они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (алан). Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их. Тут стали они (татары) нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что (сами) им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских» [6].

Осень и начало зимы 1222 года Джебе и Субедей провели, изгнав предкавказских половцев, на Ставрополье и в Прикубанье, где условия для зимнего выпаса лошадей довольно благоприятны: «Эта земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, с множеством пастбищ; и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т.е. низменных мест на берегу моря» [6]. Следующей целью монголов стали торговые города Крыма, о чем сообщает уже упомянутый нами Ибн-ал-Асир: «Придя

к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую...». Этот осведомленный арабский историк называет Судак (Сурож) городом кипчаков, поясняя, что отсюда они получают свои товары, и подробно характеризует товарооборот этого города: «... к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки...» [6].

Захват монголами Судака относят обычно к январю 1223 года [7]. К сожалению, ни Ибн-ал-Асир, ни Рашид-ад-Дин ([2], том 1, книга 2, раздел 2, часть 7), также рассказавший об этом событии, не сообщают, как монголы попали с Северного Кавказа в Крым. Возможны два пути: кратчайший – через Тамань и Керченский пролив (Боспор Киммерийский), и более длинный, чисто сухопутный, – через низовья Дона, Северное Приазовье и Перекоп. Многие историки (в том числе, П. П. Толочко, Дж. Феннел и др.) на предложенных ими картах продвижение войск Джебе-нойона и Субедей-багатура именно так и обозначили – вдоль северного побережья Азовского моря и, через Перекоп, в Крым. При этом руководствовались простым соображением: Керченский пролив в наше время обычно, даже в разгар зимы, не замерзает, а плавучих средств, чтобы быстро переправить десятки тысяч всадников и сменных лошадей, в тогдашнем Крыму быть не могло. По мнению С.А. Плетневой [8], монголы все же преодолели Керченский пролив, и О.Б. Бубенок приводит в своей статье [7], как аргументы в пользу перехода пролива по льду, свидетельства Геродота (V век до н.э.) и турецкого автора Эвлии Челеби [9] (вторая половина XVII века) о возможности форсирования Боспора Киммерийского при его замерзании. Укажем еще два свидетельства в пользу такой возможности, не упомянутые в работе О.Б. Бубенка.

В 1792 году на Таманском полуострове найдена мраморная плита, на которой было выбито в 1068 году: «В лето 6576 года (1068 года) индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутараканя до Корчева 14000 сажень» [10]. Татарский поэт Мехмед Сенайи, придворный хронист крымского хана Ислам Гирея III, по восточному льстиво и витиевато описывает зимний переход войск по льду через Керченский пролив во время похода татар на Кавказ (1648-1650 гг.), в страну Черкесов: «... между крепостью Керш и Таманью составляет черноморский пролив в девять миль, в другие времена в переправу здесь бывало вовлечено множество кораблей, обычно исламское войско не могло переправиться и за двадцать дней. По воле Аллаха всевышнего, и удачливости сахибкирана хумаюна, это бездонное море замерзло и стало твердым, как камень агат, и войско переправилось как бы по огромному железному мосту» [11].

Свидетельства замерзания Керченского пролива и перехода войск через него (по льду) с XI по XVII век можно множить и множить. Таким образом, преодоление замерзшего пролива монголами на пути к Судаку зимой 1222/1223 года следует считать весьма вероятным, хотя прямых доказательств этого факта у нас и нет.

6.2. О датировании битвы на Калке

Прежде чем обратиться к описанию событий, связанных с битвой на Калке, рассмотрим их датировку в русских летописях и у восточных хронистов. Вопрос это далеко не праздный, бурные дискуссии о дате знаменитой битвы продолжались среди историков до 30-х годов XX века [12], отдельные попытки пересмотра этой даты предпринимаются и сейчас. Чтобы легче было разобраться с датированием битвы на Калке и понять, в чем суть

Русские летописи о дате битве на Калке

Таблица 6.1

Источник	Дата от сотворения Мира по летописи	Стиль летописного сообщения (мартовский, ультрамартовский) по Н.Г. Бережкову [14]	Примечание
Лаврентьевская летопись [13]	30 мая 6731 г., в день памяти святого великомученика Еремия	мартовский	Число указано ошибочно, день памяти Св. мученика Еремия отмечается 31 мая (13 июня по новому стилю) [15]
Ипатьевская летопись [16]	6732 г.	ультрамартовский	—
Новгородская I летопись [17]	31 мая 6732 г., в день памяти святого великомученика Еремия	ультрамартовский	—
Рогожский летописец [18]	16 июня 6734* г.	ультрамартовский	16 июня указано ошибочно, это дата, когда князем в Киеве стал Владимир Рюрикович (вместо погибшего на Калке Мстислава Романовича) [14]

*Год явно недостоверен, в современных исследованиях в расчет не принимается [14].

Таблица 6.2

Автор	Источник	Дата по источнику
Ибн-ал-Асир, (1160 - 1232), арабский историк	Полный свод всеобщей истории (Ал-Камиль фи-т-тарих) [6]	620 год хиджры* (4 февр. 1223 – 23 янв. 1224 г.)
–	Хроника монгольской династии Юань в Китае (1280 – 1368 гг.) «Юань ши», 1-е «Жизнеописание Субэдэя» [19]	В год гуй-вэй (с 2.02.1223 г. по 21.01.1224 г.)
–	Хроника монгольской династии Юань в Китае (1280 – 1368 гг.) «Юань ши», 2-е «Жизнеописание Субэдэя» [19]	В 18-м году правления Чингисхана (1223 г.)

*Мусульманское летоисчисление ведется от хиджры (*higra*) – переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 год).

проблемы, над которой бились историки более столетия, сведем основные известия русских летописей и восточных авторов в две таблицы. Сразу бросается в глаза внешний разнобой по этому вопросу в летописных сообщениях (смотри табл. 6.1). Легче всего списать разночтения в датах на ошибки летописцев и переписчиков, они, в этом смысле, были небезгрешны, и сами это признавали.

Лаврентий-мних (монах), заканчивая весной 1377 года переписывание летописи, которую мы сейчас называем, по его имени, Лаврентьевской, завершил ее красноречивым признанием: «... где описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправляя, Бога дея (т.е. ради Бога), а не кляните, занеже книги ветшаны, а ум молод – не дошел» [13]. Но причинами летописных разночтений в датах являются не только небрежность, «ум молод» переписчиков или ветхость книг.

Большую проблему создала в этом смысле сама система летоисчисления, заимствованная Русью, вместе с христианством, у Византии. Как и в Царьграде, в Киеве стали отсчитывать годы от «сотворения мира», которое «состоялось» за 5508 лет до Рождества Христова. В Византии год начинался в сентябре, Русь же оставила начало года в марте, как это и было до ее крещения, а новый год с 1 сентября (с Семенова дня) утвердился у нас только в конце XV века [14]. Сдвинув начало года на полгода относительно Византии, «грамотеи и книжники» на Руси в марте оказывались перед выбором, какой номер присвоить наступившему новому году, номер того года, который начался в прошлом сентябре и продолжался (по Византии), или номер следующего года, который начнется только в следующем сентябре. Если летописец в марте выбирал номер текущего года (как в Византии), то стиль летописи называется «мартовским», если отдавал предпочтение номеру года, который

в Византии начнется в будущем сентябре, то стиль летописи именуют «ультрамартовским». Каждый летописец решал этот вопрос по своему, поэтому на практике в древнерусских источниках встречается и «мартовский», и «ультрамартовский» стиль. Понятно, что разница в обозначении одной и той же даты по этим двум стилям составит ровно 1 год. Каждая из дошедших до нас летописей представляет собой свод, составленный из известий, заимствованных из более ранних источников, использовавших как мартовский, так и ультрамартовский стиль. Поэтому в одной и той же летописи встречаются известия, датированные в разных стилях.

Поясним все изложенное выше простым и конкретным примером. В сентябре 1222 года (по современному летоисчислению) в Византии начался 6731 год от сотворения мира. Событие мая 1223 года (по современному календарю) датируется на Руси по мартовскому стилю маем 6731 года, а по ультрамартовскому – маем 6732 года (который в Византии начнется только в сентябре 1223 года).

Таким образом, Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I и Тверская летописи датируют битву на Калке 1223 годом (по современному календарю), разные годы от сотворения мира (6731 и 6732) появились в их известиях из-за использования как мартовского, так и ультрамартовского стиля (смотри табл. 6.1). Совершенно независимые от русского летописания восточные источники подтверждают эту дату (смотри табл. 6.2). Следовательно, наиболее обоснованной в настоящее время датой битвы на Калке является 1223 год.

Нам известна особая точка зрения по этому вопросу мариупольского историка и краеведа Р.И. Саенко (ныне уже покойной), относившей события на Калке к 1224 году, но, в свете всего, изложенного выше, согласиться с ней мы не можем.

Относительно точной даты битвы (месяц, число) летописи также расходятся (смотри таблицу 6.1). В Ипатьевской летописи число и месяц вообще не указаны, в кратком сообщении Лаврентьевской летописи указано 30 мая, наиболее информированная о событиях на Калке Новгородская I летопись дает 31 мая. В ряде поздних (XV век) летописных сводов, в Софийской I, Новгородской IV, Московской академической летописи, Летописце Рогожском указана дата 16 июня. На какой же дате следует остановиться?

Для 30 и 31 мая выявить ошибку и сделать правильный выбор достаточно легко. Сразу после этих дат в сообщениях, к счастью, помещено благочестивое уточнение, что произошло это в день памяти Св. мученика Ермия, который отмечался на Руси 31 мая [15]. Как же могло появиться в летописях 30 мая? В древнерусских источниках специальных знаков для цифр не было, их обозначали буквами со специальной черточкой сверху (тильдой, титлом), например: $\bar{a} = 1$, $\bar{b} = 2$, $\bar{l} = 30$ и т. д. При переписывании кто-то из копиистов пропустил \bar{a} , и 31-е мая ($\bar{l} \bar{a}$) превратилось в 30-е мая (\bar{l}).

Следствием подобной ошибки является, по нашему мнению, и появление в Летописце Рогожском явно недостоверного 6734 года битвы (вместо 6731 от

сотворения мира). Скорее всего, перепутали $\bar{a} = 1$ с $\bar{d} = 4$, так как начертания букв а (аз) и д (добро) в древнерусских источниках довольно близки.

С 16 июня, как летописной датой битвы на Калке, дело обстоит несколько сложнее, но то, что она ошибочна, было достоверно доказано еще в 1854 году А.А. Куником [14]. Подробное изложение аргументов в пользу тезиса о ее ошибочности заняло бы слишком много места, укажем только, что это дата не самой битвы, а вступления на киевский стол князя Владимира Рюриковича (вместо погибшего на Калке Мстислава Романовича). Вопрос этот подробно разобран в примечаниях (стр. 317-318) к обстоятельной работе Н.Г. Бережкова по хронологии русского летописания [14].

Приводимые в более поздних, чем летописи, мемуарах и свидетельствах иностранцев о России датировки битвы на Калке часто содержат несколько грубые ошибки, что их даже нет смысла рассматривать. Например, австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн [20], дважды (в 1517 и 1526 гг.) посетивший Россию, в своих «Записках о Московии» (1549), ссылаясь на летописи и «рассказы многих людей» (?), датировал события на Калке 6533 годом от сотворения мира (1024 или 1025 год).

Таким образом, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что первоначально источники указывали на 31 мая 1223 года, как на дату злополучной битвы: «Си же злоба сътворися месяца мая въ 31» (Новгородская I летопись, [17]). Следует напомнить однако, что события на Калке растянулись на несколько суток (от неудачного боя после перехода реки, до пленения и гибели части русской рати), и к какому из этих событий следует привязать указанную дату, пока непонятно.

Завершая наше странствие в хронологических дебрях, укажем еще на один, казалось бы, общеизвестный факт. В феврале 1918 года, при календарной реформе в России, счет дней был передвинут вперед на 13 дней. В связи с этим, 31-е мая по старому стилю (юлианскому календарю) стало 13-ым июня по новому стилю (григорианскому календарю, введенному в католических странах еще в 1582 году папой Григорием XIII). Летописи, естественно, написаны по юлианскому календарю, именно по нему дата битвы на Калке - 31 мая. Из любого современного православного церковного календаря можно узнать, что день памяти Св. Ермия, который упоминали летописцы, отмечается в наши дни 13 июня. Как же нам быть? Какой день, по новому стилю (григорианскому календарю), считать годовщиной битвы? Не углубляясь в календарные тонкости, скажем, что разница между юлианским и григорианским календарями нарастает на 1 день за 128 лет. Поэтому в конце XVI века, при введении григорианского календаря, счет дней пришлось передвинуть относительно юлианского на 10 дней, а в XX веке – уже на 13 дней. В начале XIII века, когда состоялась битва на Калке, эта разница составляла 6 дней, и 31 мая в летописи по юлианскому календарю соответствует нашему нынешнему 6 июня (по новому стилю). Получается, строго говоря, что годовщину битвы по современному календарю надо было бы отмечать ежегодно 6 июня.

Если у кого будет желание и возможность поднять стопку за упокой души наших павших в битве предков, то какое перед ним открывается изобилие вариантов: и 31 мая, и 6 июня, и 13 июня! На мой взгляд, делать это лучше 6 или 13 июня, под первые молодые огурчики и прочие гастрономические радости начала лета. Не следует лишь отмечать все три даты подряд...

А как быть с торжествами, посвященными битве на Калке, которые ежегодно проходят 31 мая в заповеднике «Каменные Могилы»? Участвовать, обязательно участвовать!

И самому на эти торжества идти, и детей-внуков с собой вести! До земли надо поклониться той группе энтузиастов, главным мотором которой был В.А. Сиренко, которая смогла в наше непростое время не только эти торжества организовать, но и сделать их с годами местной традицией! Только через подобное коллективное действие и может ныне широкая публика (пусть и не шибко искушенная в хронологических тонкостях), приобщиться к истории, почувствовать кровную и нерасторжимую связь со своими предками - павшими в битве русскими дружинниками и князьями.

6.3. Прелюдия, битва и поражение.

Перезимовав в Крыму, Джебе и Субедей двинулись весной 1223 года через Перекоп на север, в степи между Азовским морем и нижним течением Днепра. Что же происходило в это время на Руси и в пределах Половецкого поля?

Не подлежит никакому сомнению, что на Руси были хорошо информированы о появлении монголов, а также о событиях на Северном Кавказе и в Крыму. Весть о появлении нового опасного врага принесли не только предкавказские и крымские половцы, вся степь между Доном и Днепром пришла в движение, охваченная страхом перед монголами.

Ипатьевская летопись: «Въ лето 6732. Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве, придоша на землю Половецкоюу. ... Юргии Кончакович бе болиише всихъ Половецъ, не може стати противоу лицу их бегаючи же емоу» [16]. Сын Кончака Юрий, унаследовавший власть над самым мощным объединением, донецкими половцами, не смог противостоять монгольским туменам. Новгородская I летопись дополняет это лаконичное сообщение трагическими подробностями: Юрий Кончакович и Даниил, сын известного в прошлом хана Кобяка, погибли в столкновениях с монголами (если верить летописи, еще до битвы на Калке) [17].

Охваченные паникой половцы бросились за помощью на Русь, стараясь всячески подчеркнуть свою лояльность и стремление к единству перед лицом общей опасности (крещение как раз в эти дни влиятельного половецкого хана Басты очень показательно в этом смысле). Предав ранее в критический момент своих союзников-аланов, кипчаки жестоко поплатились за это. Урок был хорошо усвоен, половцы осознали, как важно иметь надежного союзника в надвигающихся грозных событиях.

В предыдущей главе мы уже говорили, что многих князей на Руси связывали с половецкой знатью родственные узы. Видный половецкий хан Котян обратился за помощью к своему зятю, влиятельному князю Мстиславу Мстиславовичу (Удатному), правившему в то время в Галиче: «... нашу (Половецкую) землю днесь (сегодня) отъяли, а ваша заутро взята будеть» [17]. Возвышенную риторику весомо подкрепили богатые дары русским князьям – «кони и вельблуды, и буволы, и девкы ...». При деятельном участии княжившего в Киеве Мстислава Романовича оформилась коалиция князей, на совете в Киеве, состоявшемся зимой 1222/1223 года, было решено встретить монголов и дать им бой вне пределов Руси, «на чюжеи земле» [16].

Сопоставив все летописные известия, можно установить состав коалиции. Кроме Мстислава Удатного (Торопецкого), Мстислава Романовича и Мстислава Черниговского (летописи именуют их старшими князьями), в нее вошли младшие князья: Даниил Романович (будущий Даниил Галицкий), Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич (сын киевского князя), а также Олег Курский, Владимир Рюрикович Смоленский, князь Андрей (зять Мстислава Киевского), князь Александр Дубровичский, князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шумский, Юрий Несвижский. Влиятельного Юрия Всеволодовича Суздальского на совете не было, он послал на подмогу князя Василька Константиновича Ростовского (к битве тот не поспел) [13]. Пусть не вводит читателя в заблуждение обилие княжеских имен и громких титулов, преобладала удельная мелкота, о которой позднее на Руси с иронией говорили: «В Ростовской земле – князь в каждом селе!»

Летописи не сообщают об участии в походе Черных Клобуков, но их присутствие на Калке более чем вероятно: без этих верных кочевых вассалов Киева ни один поход в степь не обходился. Среди участников коалиции упомянуты «выгонцы галицкие», во главе с воеводами Юрием Домамиричем и Держикраем Владиславичем [16]. По мнению большинства специалистов, это изгнанное (или бежавшее) из Галича славянское население, включавшее как простолюдинов, так и сепаратистки настроенных бояр (боярские роды Домамиричей и Кормиличичей) [21]. Селились выгонцы южнее земель Галицкого княжества, между верховьями рек Днестр и Прут, на территории сегодняшней Молдавии.

Половецкие «полки» возглавил на Калке хан Котян, летопись называет также русского воеводу Яруна [17]. В Тверской летописи и тесно связанном с ней Летописце Рогожском [18] говорится об участии в битве и гибели на Калке богатыря Алеши (Александра) Поповича из города Ростова. Если это не поздняя вставка XIV-XV веков, то любопытный сюжет о последнем богатыре русском, продолжающий былинную традицию, мог попасть в Летописец Рогожский из суздальского свода XIII века. Вопрос о том, на чьей стороне участвовали в битве бродники (и участвовали ли вообще), обсудим позднее, анализируя ход самой битвы.

Коалиция сложилась весьма пестрая и рыхлая, единая воля и общее командование в ней фактически отсутствовали. Формально главенствовал Мстислав Романович Киевский, но наибольшим авторитетом в делах ратных обладал

Мстислав Мстиславович Галицкий, наделенный военным опытом, энергией, отмеченный удачей (Удатный!) и смелостью (с заметной долей авантюризма). Ипатьевская летопись прямо говорит о плохих личных отношениях Мстислава Удатного с Мстиславом Романовичем и Мстиславом Черниговским: «... бо котора (вражда) велика межю има ...» [16].

Определить общую численность русско-половецкого войска, противостоявшего монголам в событиях на Калке, крайне затруднительно. Известные оценки строятся на летописных сообщениях о потерях и доле уцелевших после битвы. Сообщения эти путаны и противоречивы. Говорится, что уцелел каждый десятый. Число погибших воинов-киевлян варьирует от 10000 в Лаврентьевской летописи, до 30000 в Тверской летописи. Сколько взрослых мужчин по всему, не очень обширному тогда Киевскому княжеству, пожалуй, и не наскresti ... Как уже говорилось выше, все оценки численности русско-половецкого войска весьма зыбки, по мнению Р.П. Храпачевского [19] (нам оно представляется более или менее обоснованным) все войско не превышало 40-50 тыс. воинов (20-25 тысяч русских с Черными Клобуками и галицийскими выгонцами, не более 20 тысяч половцев). О численности монголов можно говорить более определенно, по мнению большинства историков, она составляла 20-30 тысяч всадников.

В своем составе объединенная русско-половецкая рать должна была иметь не только много конницы, но и существенную долю пеших воинов, о чем говорит большое количество судов, использованных для доставки войска в район Днепровских порогов (конница, как правило, в ладьях не перевозилась). Средняя скорость движения такого смешанного войска по степи была определена еще во второй половине XIX века историками Н. Аристовым и Н. Барсовым [22] при анализе похода В. Мономаха в 1103 году на реку Молочную, она составила 25 верст (26,8 километра) в сутки. Уже в наши дни, рассмотрев движение смешанной рати Дмитрия Донского перед Куликовской битвой от Коломны до устья реки Непрядвы, историки получили средний размер суточного перехода 22-23 километра [12]. Эти две независимых оценки дали близкие результаты, поэтому далее мы будем считать протяженность суточного перехода смешанного русско-половецкого войска в среднем около 25 километров.

Подготовка к битве на Калке завершалась, князя и дружины «конно и оружно» собирались в поход, тронутые призывами о помощи (и богатыми дарами) хана Котяна. Не все на Руси сочувствовали пострадавшим от монголов половцам и горели желанием помочь им, в летописных сообщениях сквозит скорее злорадство, чем сочувствие: «Половецъ безбожных множество избиша. А инехъ загнаша, и тако измроша оубиваеми гневом Божьимъ и пречистыя его Матере. Много бо зла створиша ти оканнии Половци Руской земли, того ради всемилостивый Бог хотя погубити и наказати безбожных сыны Измаиловы Куманы, яко да отмъстятъ кровь хрыстьянску ...» [13].

Войска обеих сторон начинают выдвигаться в район Днепровских порогов, где им суждено было впервые столкнуться.

Каких-либо конкретных сведений о времени и маршруте движения монголов из Крыма источники не дают, есть только сообщения, что они «про-

были некоторое время в земле Кипчацкой, но потом, в 620 году (4 февраля 1223 – 23 января 1224) двинулись в страну Русских» [6]. Находясь несколько месяцев в Крыму, Субедей и Джебе не могли не знать, где находятся русские земли, и по какой сухопутной дороге туда идти. Сразу к северу от Перекопа начинался древний торговый путь, ведущий на Русь, по нему, скорее всего, и двинулись монголы. Путь этот выводил к Крарийскому (Кичкасскому) броду через Днепр севернее Хортицы, описанному еще Константином Багрянородным [23], который подчеркивал, что через него идут херсониты (византийские купцы, жители Крыма) при возвращении сухим путем из Руси. Субедей и Джебе двинулись в поход после того, как степи зазеленели, и десятки тысяч лошадей (основа монгольской военной мощи) подкормились после зимовки.

Летописи дают некоторые подробности сбора и маршрутов движения русско-половецкого войска. Войско собиралось у пограничного города Заруба [17] (сегодня от него осталось городище близ села Зарубинцы Киевской области, на правобережных днепровских кручах севернее Канева). Место сбора было выбрано очень продумано, рядом находился Зарубинецкий брод через Днепр, позволяющий подойти войскам с Левобережья. Скорее всего сюда, к Зарубу, послали монголы свое первое посольство, пытаясь расколоть русско-половецкую коалицию дипломатическими методами. Попытка разобщить противников и бить их поодиночке, столь успешно реализованная Субедеем и Джебе на Северном Кавказе, здесь не удалась: «Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша ...» [17]. Казнив послов, князья в апреле начали движение на юг, по Днепру. При походах в степь конница обычно шла правым берегом по суше, пешая рать плыла вниз по реке в ладьях (см. поход Мономаха на Молочную в 1103 году). Удобным местом сбора являлась Хортица (Варяжский остров), здесь войска могли спокойно накапливаться, не опасаясь внезапного удара кочевников.

Благодаря Галицко-Волынскому своду в составе Ипатьевской летописи, известен и маршрут подхода «выгонцев галицких» [16]. Они вышли в Черное море, спустившись по Днестру (в летописи, ошибочно – по Днепру [24]), затем поднялись всей флотилией в тысячу ладей по Днепру до порогов «и стаха оу рѣкы Хорьтицѣ, на бродоу оу Протолчи ...». На современной карте обозначены две реки Хортица, впадающих в Старый Днепр: Верхняя Хортица (впадает напротив острова Байда) и Нижняя Хортица, находящаяся южнее, между современным одноименным поселком и Разумовкой. Поскольку летопись явно связывает реку Хортицу с бродом, а мы считаем, что речь идет о Кичкасском (Крарийском) броду, отдаем предпочтение реке Верхней Хортице, она ближе к этому броду.

Здесь снова возникает вопрос, что такое летописные Протолчи? Это название встречается в источниках неоднократно и трактуется историками по-разному. С точки зрения филолога И.И. Срезневского, Протълчь-протолчь, это – «сжатое речное русло, быстрина» [40]. Применительно к походу Мономаха на Молочную, С.А. Плетнева [8, с. 55] считает Протолчи «широкой правобережной долиной среднего Днепра». К.В. Кудряшов [22, с. 93] на своих картах, посвященных тому же походу, помещает Протолчи на Левобережье, ниже

порогов, между речкой Вольнянкой и Кичкасским бродом. Анализируя географический аспект событий на Калке, К.В. Кудряшов еще более конкретен в своей локализации Протолчей: «Протолчи помещались ниже порогов, но выше острова Хортицы, на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр» [22, с. 131]. С другой стороны, по устной местной традиции, название Протолоча закрепилось за низменной (южной) частью острова Хортица, где нет крутых обрывистых берегов, с 1955 года частично затопленной водами Каховского моря. Д.И. Яворницкий также помещает Протолчу в южной части Хортицы, «против Конских Вод» [25]. В современной литературе летописные Протолчи, как место сбора войск в 1103, 1190 и 1223 годах, нередко отождествляются с южной частью Хортицы [26, 27]. Однако раскопки средневековых поселений в южной части острова приносят все больше золотоордынских находок (в их числе – монеты середины XIV века). В связи с этим идет передатировка поселений на Хортице в сторону омоложения [28], связь их с летописными Протолчами все более становится чисто умозрительной, хотя категорически отвергать ее нельзя.

Пользуясь таким разнобоем во мнениях, рискнем высказать собственное предположение, что протолчами назывались те места в долине Днепра, где обрывистые кручи отступали от воды, образуя разрыв высокого берега. Поэтому протолчами могли именоваться на Левобережье долина реки Вольнянки, устья балок, выходящих к Днепру у современного Павлокичкаса, на Правобережье – устья балок Вольной, Пурисовой, Бабурки, долины рек Верхней и Нижней Хортицы. Южная оконечность Хортицы, где берега полого опускаются к воде, также могли именоваться протолчей, в отличие от остальной, крутой и высокой береговой кромки этого острова. Понятно, почему летописи говорят об остановках ладей в протолчах, здесь удобно было пристать и выгрузить на пологий берег пешую рать и грузы, тогда как высокие, обрывистые берега представляют в этом смысле трудное препятствие.

Таким образом, весьма вероятно, что выгонцы галицкие, со своими многочисленными ладьями, расположились в устье реки Верхней Хортицы, близ Кичкасского брода.

Кстати, в публикациях о битве на Калке встречается утверждение, что эти «выгонцы» были вассалами галицкого князя. Если это изгнанники, беглецы из Галицкого княжества (сепаратистки настроенные бояре, простой люд), то они отношениями вассалитета (служба в обмен на пожалование удела) с галицким князем связаны быть не могли. Место вассала во время средневековой войны - в составе дружины суверена (галицкого князя)! Ипатьевская летопись действительно галицкую дружину упоминает: «Галичане и Волынци киждо со своими князьми ... » [16]. О «выгонцах» говорится там же, но отдельно от княжеских дружин, и вассалами Мстислава Мстиславовича Торопецкого (Удатного) они не были.

Следовательно, по летописным сообщениям, объединенная русско-половецкая рать сосредоточилась на острове Хортица и на Правобережье, за Старым Днепром. Широкая водная преграда страховала от внезапного вражеского удара.

Где-то здесь, на территории современного Запорожья или в его ближайших окрестностях, объединенное войско посетило второе посольство от монголов. На это раз суть монгольских предложений наиболее подробно излагает Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список): «И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуще тако: «а есте послушали Половчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всѣмъ богъ» [17]. Ни о каких призывах совместно расправиться с половцами нет уже и речи, потому и сохранили послы (в отличие от первого посольства) свои головы на плечах, и были беспрепятственно отпущены.

Применительно к двум упомянутым нами монгольским посольствам в Новгородской IV летописи [29], Летописце Рогожском [18] и Летописи Авраамки [30] содержатся сообщения, что от казни первого посольства до появления послов вторично прошло 17 дней. Первое посольство посетило князей у Зарубинецкого брода, второе – в районе Днепровских порогов. Могли ли князья, двигаясь на конях по правому берегу Днепра, пройти расстояние почти в 400 километров за 17 дней? Это возможно уже при дневном переходе в 24 километра, для чисто конной рати вполне достижимом. Некоторое недоверие к этим известиям связано с лишь тем, что перечисленные выше летописные источники датируются концом XV – XVI веком, в более ранних летописях XIII – XIV века (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I старшего извода) подобных известий нет.

По сообщению Новгородской I летописи, первым переправился на левый берег Мстислав Мстиславович и с 1000 воинов вступил в бой с татарской «сторожей» (разведывательным дозором), по-видимому, наблюдавшей за переправой. Впрочем, Ипатьевская летопись (Галицко-волынский свод), явно неравнодушная к молодому волынскому князю Даниилу (будущему Даниилу Галицкому), именно ему приписывает первую встречу с монголами, которые пришли «видѣтъ ладии Роускыхъ» [16].

Вот любопытная (но спорная) подробность переправы. Возможно, что переправа через Днепр осуществлялась с помощью наплавного моста, образованного множеством ладей, составленных борт к борту: «по соухоу же Днепръ перешедшимъ, яко же покрыти воде быти от множества ладии» [16]. В тексте Ипатьевской летописи написано «... множества людии...», но часть историков считает, что это описка (см., например, комментарии к тексту этой летописи на сайте www.litopys.org.ua), и речь идет именно о множестве ладей, покрывших Днепр, а не о множестве людей. Сколько же ладей потребовалось бы для наплавного моста? Для этого необходимо оценить ширину реки Днепр до сооружения на ней ДнепроГЭС в 1932 году. Как раз на месте Кичкасского брода, в 1902-1908 годах через реку был построен Кичкасский мост протяженностью 336 метров (взорван в 1920 году махновцами) [31]. Вряд ли ширина ладьи превышала 3 метра, чтобы составить из них наплавной мост такой же протяженности необходимо не меньше 110 судов. Даже если летопись и преувеличивает, сообщая о 1000 ладей только у «выгонцев галицких» [16], то несколькими сотнями судов русские явно располагали, и составить такой мост вполне могли.

Любопытны и характерны оценки боеспособности татарского войска, которые давались русскими при первой встрече с ним. От своих половецких союзников князья знали о победах монголов, откуда же, еще до первого боя, появилось мнение, что татары – неважные воины, стрелки, проще половцев [16]? Причем здесь стрелки? Русские оценили противника по внешнему виду, они не обнаружили в рядах монголов тяжеловооруженной конницы (выделявшейся у половцев кольчугами и шлемами с масками для защиты лица), самого боеспособного и стойкого своего противника в степной войне. Татарское войско состояло из легковооруженных лучников (стрелков), у половцев такие вояки не отличались ни ратным искусством, ни стойкостью. Отсюда и шапкозакидательская оценка противника частью русских воинов.

Хронисты-современники появления монголов в Восточной Европе также говорят об их легком вооружении, отрицают наличие кольчуг и шлемов с масками: «Вооружение у них легкое и [сделано] из кожи» [32]. Упоминаются лишь металлические пластины, нашитые спереди на доспехи из бычьих шкур [33]. «Доспехи у них из кожи, почти непробиваемые; наступательное оружие [сделано] из железа ...» [34], «... панцири у них из кожи, и они прочнее, чем из железа, и точно так же конская сбруя» [35]. Таким образом, источники практически единогласно говорят об отсутствии у монголов, в первой половине XIII века, тяжеловооруженной конницы. Рассуждения о том, что она была тогда главным родом войск у монголов [27], как и предположения о ее участии на стороне татар в битве на Калке, безосновательны.

Остатки побежденной Мстиславом Мстиславовичем татарской «сторожи» с воеводой Гемябегом (Гонябеком [36], Сгемябеком [37]) были оттеснены на вершину половецкого кургана, однако устоять и там не смогли: «... и погребоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти ...» [17]. Гемябег был захвачен и казнен половцами, которые выпросили пленного у Мстислава Удатного. По предположению М.В. Ельникова, первые успешные столкновения с монголами произошли «у известной по легендам и рассказам Саур-Могилы <...> на реке Конка, где находят железные наконечники стрел времени позднего средневековья» [27]. Речь идет, скорее всего, о каменистом холме на правом берегу Конки, в двух километрах к северо-западу от современного села Юльевка. Предположение совершенно здравое, в отличие от сомнительных построений В. Н. Шовкуна и В. Архипкина [38], считавших окрестности Юльевки местом основной битвы и поражения на Калке, а Саур-Могилу – укрепленным лагерем Мстислава Киевского. С сенсационными открытиями В.Н. Шовкуна, смело опровергающими все, что известно о битве на Калке из русских летописей, неоднократно знакомили читателей местные газеты «Индустриальное Запорожье» и «Запорожская Сечь» [38, 39], мне же позвольте эти статьи не комментировать...

В соответствии с Ипатьевской летописью [16], во вторник (дата не указана) состоялась общая переправа всех княжеских дружин и половцев на левый берег Днепра. Первые столкновения с татарами были успешными: «... оусретоша Татареве полкы Роускыя. ... Роускый победиша и гнаша в поле далеце секоуще, и взяша скоты ихъ ...» [16]. Эта же летопись говорит далее о преследо-

вании отступавших монгольских отрядов в течение 8 дней «до реки Калкы». Здесь произошло очередное столкновение с монголами и «оубьен бысть Иванъ Дмитревичъ (скорее всего, русский воевода, такого князя среди участников битвы летописи не упоминают) иная два с нимъ ...» [16].

Судя по Ипатьевской летописи, русско-половецкое войско было разделено, как минимум, на две части. В авангарде шли галицко-волынские полки и половцы, командовал здесь энергичный и смелый (до авантюризма) Мстислав Удатный: «Мьстиславъ же Мьстиславичъ повеле впередь переити рекоу Калкоу Данилови (Романовичу Галицкому) с полкы инемъ полкомъ с нимъ, а самъ по немъ переиде, еха же самъ во стороже ...». Другой частью войска, двигавшейся следом на некотором отдалении, руководил номинальный глава коалиции, Мстислав Романович Киевский. О вражде этих двух предводителей, отмеченной в летописи, мы уже упоминали. Деление на два отряда сложилось стихийно, под влиянием отношений свойства и родства, а не тактических соображений.

Дальнейший ход событий реконструируется сопоставлением Ипатьевской и Новгородской I летописей. После перехода Калки русские «... послаша въ сторожихъ Яруна с Половци, а сами станомъ стаща ту» [17]. Первый удар главных монгольских сил пришелся на эту передовую «сторожу» во главе с воеводой Яруном, половцы были отброшены и, в бегстве, смяли передовые русские силы: «... потыпташа бежаше станы русскихъ князь, не успеха бо исполчится противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣця зла и люта» [17]. Характерная деталь: Мстислав Удатный, уже понимая, что столкнулся с главными силами противника, не известил Мстислава Романовича Киевского «седащема во стану не ведоущема» [16] и не обратился к нему за помощью!

Проявленные отдельными русскими воинами личное мужество и искусство владения оружием никакой роли в обстановке дезорганизации и всеобщего бегства уже не играло, пришлось и князьям «обрати конь свои на бегъ» [16], спасаясь от преследовавших татар: «татари поидоша по русскихъ князихъ, бьючи до Днѣпря...» [17]. У конных воинов были какие-то шансы достичь спасительной переправы раньше татар, но судьба русской пешей рати оказалась, скорее всего, печальной. В наших безлесных местах и спрятаться негде, камыш по балкам да отдельные кустарники спасительного укрытия дать не могли.

Мстислав Удатный успел переправиться: «Мьстиславиць Мьстиславъ преже перебѣгъ Днѣпръ, отрѣя (оттолкнул [40]) от берега лоды, да не идут Татарове по них, а самъ одва убѣжа» [17], спаслись с остатками дружин Даниил Романович Волынский и Владимир Рюрикович Смоленский, вскоре занявший киевский великокняжеский стол. Похоже, что речь идет действительно идет о разрушении наплавного моста из ладей, чтобы по нему не прошли татары, но русские ратники, еще не успевшие подойти к переправе, также лишились шансов на спасение. Во время этого беспорядочного отступления к Днепру только князей погибло не менее шести: «... до Днѣпра гонящи, убиша 6 князей: Святослава Яневскаго, Изяслава Ингворовица, Святослава Шюмьскаго, Мьстислава Черниговскаго съ сыномъ, Гюря Несвѣжскаго» [17].

Вернемся к той части войска, которую возглавлял Мстислав Романович Киевский. Из летописных текстов не следует, что он перешел Калку. Видя бегство и разгром русской рати, он не вмешался в битву, а остался в своем лагере вместе с князьями Андреем (своим зятем) и Александром Дубровичским: «Князь же Мьстиславъ Кыевьскыи, видящи таковое зло, не поступи ни камо с мѣста того, нь сталъ бѣ на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту угоши город около себе в кольих, и бися с ними из города того по 3 дни» [17]. Часть монгольского войска, не участвовавшая в преследовании остатков русской рати, отступающей к Днепру, под руководством двух воевод «Чыгырканъ и Тешюканъ» осадила укрепленный лагерь Мстислава. Огражден лагерь был не кольями, как обычно считают (откуда их было взять в наших безлесных местах?), а «колами», т.е. телегами, колесными повозками [41, 42]. Расположение лагеря «на горѣ над рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто» [17], конечно, создавало трудности для осаждавших, но не было непреодолимым препятствием для монголов, имевших опыт взятия настоящих крепостей. Положение русской дружины под градом стрел, без воды, без помощи извне, следует оценивать как безнадежное. Мстислав был вынужден вступить в переговоры, пытаясь выторговать жизнь, в обмен на выкуп. В качестве переговорщика монголы использовали воеводу бродников по прозвищу Плоскыня (имя летопись не сообщает), справедливо полагая, что князья скорее поверят христианину («... воевода цѣлова крестъ честныи ...») [17]. Вольно или невольно, но Плоскыня обманул князей: «...солгавъ оканныи: сиче связавъ, предаст их Татаром своимъ; а город взяша, а люди иссѣкоша, и ту костью падоша ...». Пленным князьям, в отличие от прочих ратников, была уготовлена почетная, по монгольским понятиям, казнь (без пролития крови). Они были раздавлены досками, на которых сели пировать победители: «...и издавиша их, подкладше под доски, а самѣ верху сѣдоша обѣдати ...» [17].

Обратимся теперь к вопросу о роли бродников в событиях на Калке. Довольно часто встречается утверждение, что они участвовали в битве на стороне монголов. Посмотрим, насколько такое утверждение обосновано.

Вот характерная цитата из книги мариупольского журналиста Н.Г. Руденко: «...ім'я одного з них (бродников) - воеводи Плоскині - донесли до нас Лаврентіівський і Новгородський літописи. Вони оповідають про те, що в битві на Калці в 1223 році бродники виступили на стороні монголо-татар ...» [43]. Сразу отметим, что во всем тексте дошедшего до нас списка Лаврентьевской летописи, датированного 1377 годом, нигде не содержится никаких упоминаний не только о воеводе Плоскыне, но и вообще о бродниках в битве на Калке [13]. Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список) [17] говорит лишь о присутствии бродников с татарами у осажденного лагеря Мстислава («ту же и бродници с Татары быша»), об участии Плоскыни в переговорах и нарушении им «крестного целования». Заслужил ли предводитель бродников эпитет «оканныи» (грешный, проклятый) [44], которым наградили его летописец? Да, безусловно, даже если он со своей ватагой не участвовал в битве на монгольской стороне. Ведь он совершил грех, нарушив клятву на кресте, но нигде в летописях не говорится, что бродники участвовали в битве на стороне татар!

С другой стороны, нет никаких оснований связывать упомянутое в Новгородской I летописи «крестное целование» Пლოსкыни с его присягой на верность киевскому князю Мстиславу Романовичу, как это делается в работе [27]. Из летописи не следует, что Пლოსкыня присягал князю, он лишь обещал, целуя крест при переговорах, что князей не убьют, а отпустят за выкуп: «... како их не избити, нь пустити их на искупъ ...» [17].

Подводя итог всей имеющейся (и крайне скупой!) информации о бродниках и их предводителе Пლოსкыне в битве на Калке, необходимо констатировать, что в летописных известиях не говорится, на чьей именно стороне они участвовали в сражении, и участвовали ли в битве вообще. Есть лишь информация об их пребывании с татарами у осажденного лагеря Мстислава Романовича и обмане князей при переговорах. Сверх этого можно лишь строить предположения и оценивать степень их правдоподобия. На мой взгляд, возможны следующие сценарии, нисколько не противоречащие сообщению Новгородской I летописи:

1. Бродники пришли, как союзники, вместе с русскими и половцами, участвовали в битве и попали в плен на ее первом этапе.

2. Бродники в битве не участвовали, а были захвачены монголами в плен еще до битвы, например, на Левобережье ниже порогов, где войско Джебей и Субедея, следовало берегом Днепра от Перекопа к Кичкасскому перевозу.

Лично мне, с учетом ранних известий о бродниках, приходивших, вместе с половцами, как союзники к русским князьям (см. сообщение Ипатьевской летописи под 1147 годом) [16], более правдоподобным представляется первый сценарий. Такой ход событий изложен и в популярной книге М.В. Ельникова [27].

Далее татары могли использовать Пლოსкыню «со товарищи» в качестве невольного живого щита и переговорщиков, при взятии городов монголы практиковали такое и в Хорезме и, позднее, на Руси.

Не подлежит сомнению, что предводитель бродников был христианином, это прямо следует из уже цитированного нами летописного известия [17]. Можно ли считать Пლოსкыню и его воинство славянами? Категорический положительный ответ на этот вопрос дать невозможно. Судя по прозвищу предводителя (христианского имени его, полученного при крещении, мы не знаем), его принадлежность к славянам очень вероятна, но не более. А вот его ватага, скорее всего, была в этническом смысле очень пестрой, в нее могли входить как славяне, так и аланы-асы, болгары, даже кочевники, отбившиеся от своих родовых кошей и изменившие исконному образу жизни [45]. Кажется логичным считать бродников первой трети XIII века потомками салтовомаяцкой культуры, остатками смешанного оседлого населения Хазарского каганата (см. главу 4), но из письменных источников это никак не следует. К сожалению, по результатам раскопок доказать славянскую принадлежность бродников пока также не удастся. Как специалист-археолог, М.В. Ельников главным препятствием в этом считает в настоящий момент невозможность археологического или антропометрического (по измерению останков) выделения бродников из общего массива домонгольских и ордынских погребальных памятников в нашей степи [27].

Вот и все пока о бродниках. В ордынский период об оседлом населении наших степей сохранилось уже гораздо больше известий. Наш постоянный

интерес к бродникам связан с предположением (пока – недоказанным, не будем забывать об этом!), что их ватаги стали позднее зародышами казачества, как запорожского, так и донского.

А что же Русь после разгрома на Калке? Много осталось лежать в степи ее защитников и пахарей, немало и представителей русской знати, воевод и бояр: «... и погыбе множество бещисла люди; и бысть вопль, и плачь, и печаль по градом по всѣмъ, и по селомъ» [17]. Мы не можем сегодня достоверно оценить размер этих людских потерь, затруднялись с этим и современники битвы на Калке. По Лаврентьевской летописи, одних киевских ратников погибло 10000 человек: «Кыянъ одинех изгыбло на полку том 10 тысячъ, и бысть плачь и туга в Руси...» [13]. Из «Ливонской хроники» Генриха Латвийского: «И гнались за ними татары шесть дней, и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали...» [46]. Беглецов, тянувшихся на Русь, еще и грабили по пути бывшие союзники-половцы, отнимая не только коней, но и одежду: «... а иных Половци побѣша ис коня, а и инии ис порта» [17].

Летописи практически едины в том, что после битвы монголы на Правобережье не ходили, а повернули от Днепра и двинулись по землям Левобережья: «... татарове же възвратишася отъ рѣки Днѣпра ...» [17, 47], «обрати Татаръ възпать отъ рѣки Днѣпра на землю Восточную...» [16, 37, 48]. При этом конкретные города и селения на левобережной Переяславской земле, подвергнувшиеся разгрому, не названы, но при движении вдоль Днепра на север Переяславщина должна была неизбежно попасть под удар. Из днепровских городов, по летописным известиям, пострадал Новгород Святополчъ (Святополков) [16, 37, 47, 48], основанный в 1095 году на высоком правом берегу Днепра, на древнем Витичевом холме [49]. Вопреки мнению М.В. Ельникова [27], летописи не содержат никаких сообщений о разрушении тогда монголами городов-крепостей на Правобережье, по реке Рось (Родня, Корсуня, Торческа, Богуславля). Из городов Северной земли, как пострадавший, упомянут лишь Новгород-Северский (на Десне), да и то, только в одной летописи, Патриаршей или Никоновской [36]. Некому было на Руси после Калки остановить меч монголов на Левобережье, а попытки выйти им навстречу Крестным ходом заканчивались плачевно: «... не ведающим же Роуси льсти ихъ, исходяхоу противоу имъ со кресты. Они же избиша ихъ всих...» [16].

Куда пошли затем тумены Субедея и Джебе, летописи не сообщают, монголы просто исчезли с русского горизонта. Зато сведения о дальнейшем маршруте татар можно почерпнуть у восточных авторов, уже упоминавшийся арабский историк Ибн-ал-Асир пишет: «... Татары (...) направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану» [6]. Таким образом, в конце 620 года

хиджры (4 февр. 1223 – 23 янв. 1224 года), войско Субедея и Джебе потерпело серьезное поражение где-то в Волжской Булгарии (в среднем течении Волги, на территории современного Татарстана), от их непобедимых туменов мало что осталось. Город Саксин, о котором упоминает далее Ибн-ал-Асир, располагался в Нижнем Поволжье [50].

Промчавшись, как вихрь, по Кавказу, Половецкому Полю и Руси, монголы исчезли с русского горизонта, но оставили нам одну из самых интригующих загадок истории средневековья: где же произошла битва на Калке?

6.4. О месте битвы на Калке.

«Я думаю, что найти место битвы не так уж и сложно ...»

«Это одна из самых хорошо описанных битв русского средневековья. Мы знаем о ней очень много. Кроме одной «малости» - где именно она происходила ...»

Из сообщений на Мариупольском Форуме по теме «История»

Приведенные в эпиграфе мнения хорошо иллюстрируют известную поговорку, утверждающую, что каждый пессимист – это хорошо информированный оптимист. Крайний оптимизм в вопросе о поисках места битвы на Калке высказывают, увы, чаще всего дилетанты. По мере углубления в проблему их оптимизм проходит, как детская болезнь, на смену ему идет понимание сложности вопроса и крайняя осторожность в высказываниях и оценках. Увы, задача локализации места битвы чрезвычайно сложна и, как я считаю, на сегодняшний день, она не имеет единственного неоспоримого решения. В чем же заключается проблема?

Информацию о месте битвы на Калке можно получить, вообще говоря, либо из письменных источников (русские летописи, восточные авторы, западно-европейские источники), либо из археологического материала. Рассмотрим все эти возможные источники и постараемся извлечь из них все, что только возможно, чтобы пролить свет на интересующий нас вопрос.

Начнем с письменных свидетельств. Наиболее просто дело обстоит с европейскими сообщениями, как правило, кроме упоминания самого факта битвы, они никакой географической информации по ее месту не дают.

Исключением является «История Татар», написанная Бенедиктом Поляком из Вроцлава, спутником и переводчиком в посольстве Плано Карпини (об этом посольстве подробно поговорим в своем месте), которое направил к монголам папа Иннокентий IV. Посольство состоялось в 1245-1249 годах [51], проследовав через Киев на восток в конце зимы 1245 года, т.е. всего через 22 года после интересующих нас событий. В этой «Истории Татар» брата Цезаря де Бридиа (так ее традиционно называют по имени переводчика) о месте битвы сказано: «А команы, объединившись со всеми русскими, бились с татарами между двумя ручейками — название одного из них Калк [Calc], а другого

Кониуззу [Coniuzzu], то есть „вода овец», ведь «coni» по-татарски означает на латыни oves [овцы], а uzzu — aqua [вода], и они были разгромлены татарами» [52]. Что здесь можно извлечь полезного? Битва состоялась между двумя малозначительными речками («ручейками»), одна из которых называется Калк. Вторую речку Кониуззу [Coniuzzu] так и хочется связать с Конкой, но никаких оснований для этого, кроме некоторого сходства названий, у нас нет.

Польский историк и географ Матвей Меховский (1457 — 1523), рассказывая о битве на Калке, сообщает, что к ее месту половцы и русские добирались от Протолчей (Протольце) на Днепре «... двенадцатью переходами до реки Калки (Kalcza)» [53]. Очевидно, имеются в виду суточные переходы. Источником информации для него служила «История Польши» более раннего польского историка и католического иерарха Яна Длугоша (1415-1480), использовавшего в своей работе русские и литовские летописи.

Известия о битве на Калке в сочинениях Сигизмунда Герберштейна [20], венецианского посла в Московии Франческо Тьеполо [54] и польского историка Рейнгольда Гейденштейна [55] информационно крайне скупы, из географических сведений содержат только упоминание реки Калки (у Тьеполо и она не упомянута).

Что же сообщают о географических реалиях битвы восточные авторы?

Арабский историк Ибн-ал-Асир, не упоминая реку Калку, достаточно бегло рассказывает о ходе первого столкновения Руси с монголами, однако сообщает, что русские гнались за татарами 12 дней, после чего произошла решающая битва [6]. По тексту неясно, с какого момента следует отсчитывать эти двенадцать дневных переходов отступавших татар: «Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они (Татары) обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание (напасть) на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней ...» [6].

А вот что пишет по поводу битвы Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей» («Джами ат-таварих», том 1, книга 2, раздел 2, часть 7): «Кипчаки и урусы, полагая, что они [татары] отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним ...» [2]. Калка снова не названа, и трудно понять, с какого момента следует начинать отсчет этих 12 дней пути.

Персидский историк Джузджани, современник битвы на Калке (родился около 1193 года, бежал от ужасов монгольского нашествия в Индию), настроенный крайне негативно по отношению к монголам, ограничился кратким сообщением о завоевании Кипчакской степи, о первом столкновении завоевателей с Русью в его «Насировых разрядах» [56] вообще не говорится.

Весьма осведомленный о монгольских завоеваниях персидский историк Джувейни, сам с молодых лет служивший в Хоросане монголам, в своей «Истории Завоевателя Мира» [57], написанной всего через 30-40 лет после

битвы на Калке, в 1252-1260 годах, вообще об этой битве не упоминает. Ничего не говорит о ней и Вассаф [58], «История» которого содержит массу других интересных сведений о монголах и основана на сочинениях Джувейни, Рашид-ад-дина а также, по-видимому, на устной традиции и рассказах очевидцев.

Более поздний египетский историк Бадр-ад-Дин ал-Айни (1360-1451) сообщает о первом столкновении монголов с русскими весьма кратко: «Кипчаки укрылись в земли Русских, которые были христианами, и условились с ними дать Татарам сражение. Они сошлись с ними, но Татары нанесли им очень сильное поражение ...» [59]. Для определения места битвы это ничего не дает.

В китайских источниках Калка (в написании «А-ли-ци») упоминается, как место битвы Субедея «... со старшим и младшим Мстиславами, племени русских, которые сдались ...» [19]. Фонетическое сходство между русским названием реки и ее китайской транскрипцией действительно имеется, но этим географические реалии в китайских источниках и исчерпываются.

Почти все, что известно нам сегодня о битве Калке, имеет своим источником русское летописание. Чтобы не упустить ничего из этого ценного источника, пришлось проанализировать все имеющиеся на сегодня в моем распоряжении летописи, своды и летописные списки с упоминанием о битве и извлечь из них максимум возможного для определения ее места. Вот эти летописные источники. Приступим к их подробному анализу.

Русские летописи, использованные для локализации места битвы на Калке

Таблица 6.3

№ п/п	Наименование летописи, свода, Списка	Время создания, список	Характер сообщения	Наименование реки (год упоминания)	Число дневных переходов до битвы	Примечание
1	2	3	4	5	6	7
1	Лаврентьевская летопись [13]	конец XIII века, список 1377 г.	краткое	нет	нет	
2	Ипатьевская летопись [16]	конец XIII - начало XIV века	подробное, версия 1	Калка, прочая Калка (1223), на Калках (1236)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калки	Нет эпизода с Гемябеком, есть о захвате добычи, лагерь Мстислава Киевского лишь упомянут
3	Новгородская старшего извода, Синодальный список [17]	конец XIII - начало XIV века	подробное, версия 2	За Калак реку, над рекою над Калком (1223)	9 после переправы через Днепр зашли за Калак реку	Есть эпизод с Гемябеком нет захвата добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского

4	Новгородская младшего извода, Комиссионный список [17]	середина XV века	подробное, версия 2	За Калок реку, над рекою над Калком (1223)	9 после переправы через Днепр, зашли за Калок реку	
5	Новгородская V летопись [29]	конец XVI века	Краткое	На Калках (1223), на Калках (1380)	нет	17 дней от казни 1 посольства до второго появления посллов
6	Псковская летопись [29]	конец XV века	Краткое	На Калках, до Калков, от Калков (1223)	нет	Бились суздальцы с татарами на Калках
7	Псковская I летопись [60]	конец XV века	Краткое	На Калках (1223)	нет	Бились суздальцы с татарами на Калках
8	Псковская II летопись [60]	конец XVI – XVII век	Краткое	На Калках, до Калков, от Калков (1223)	нет	Бились суздальцы с татарами на Калках
9	Тверская летопись [47]	Середина XV века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	О Калкацком побоище, до реки Калка, над рекою Калкою (1223), ежи на Калкы, на Калках, от Калок (1236)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калка	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши
10	Летописец Рогожский [18]	список середины XV века	краткое	На Калке (1226)?	нет	17 дней от казни 1 посольства до второго появления посллов, гибель Алеши Поповича
11	Троицкая летопись [61]	1408 г.	краткое	Нет (1223), на Калках (1380)	нет	Текст одинаков с Лавреньеvской летописью
12	Патриаршья или Никоновская летопись [36]	середина XVI века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	О Калках, о Кальском побоище на Калке, до реки до Калки, над рекою Калкою (1223)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калки	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича

13	Софийская летопись[37]	списки XV - XVII века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	До реки Калки, на прочне реце Калце, реку Калку, над рекою Калкою (1223)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калки	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича
14	Летопись по Воскресенскому списку [48]	середина XV века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	до реки Калки, на прежереченней реце Калце, реку Калку, зашедше за реку за Калку, над рекою Калкою (1223), на Калках (1380)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калки	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича
15	Летопись Авраамки[30]	конец XV -начало XVI века	Два кратких сообщения, под 6731 и 6732 гг.	На Калках, на реце Калке (1223), Калках (1380)	нет	17 днейют казни 1 посольства до второго появления послов
16	Волынская краткая летопись [62]	начало XVI века	краткое	Бои на Колках (1223)	нет	гибель Алеши Поповича
17	Вологодско пермская летопись. Кирило-Белозерский список [63]	середина XVI века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	Кальское побоище, до реки Калки, на прочне реце Калце, реке Калке, заидоша за реку за Калку, над рекою Калкою (1223), Калках (1380)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калка	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича
18	Софийский временник[64]	начало XVI века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	До реки Калки, на прочнее реце Калце, реку Калку, заидоша за реку за Калку, над рекою Калкою (1223), на Калках (1380)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калка	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича
19	Вологодская летопись[65]	конецXVII – начало XVIII века	краткое	На Калках(1223)	нет	Битва русских князей с погаными половцами (!), гибель Алеши Поповича

20	Пискаревский летописец [66]	конец первой четверти XVII века	подробное, оборвано	на Калках (1223), на Калках (1380)	нет	Есть эпизод с Гемябеком
21	Устюжская летописец [65]. Список Мациевича и Архангелогородский летописец	первая четверть XVI века	краткое	На Калках (1223)	нет	Битва русских с половцами, половцы победили и утопили в реке русских князей и много силы (войска) (!)
22	Холмогорская летописец [67]	середина XVI века	очень подробное, синтез версий 1 и 2	Калский бой, до реки Калки, на порочнее реце Калке, реку Калку, над рекою Калкою (1223)	8 от места успешного боя и захвата добычи до реки Калка	Есть эпизод с Гемябеком, есть о захвате добычи в первой стычке, подробно о гибели лагеря Мстислава Киевского, гибель Алеши Поповича

Все упоминания о битве на Калке, как и о самой реке Калке, в летописях можно разбить на три группы.

1. В сообщениях 1223 года (в статьях под 6371 «мартовским» или 6732 «ультрамартовским» годом) говорится об интересующей нас битве. Более или менее подробная версия событий излагается во всех представленных в таблице 22 летописных источниках (см. табл. 6.3).

2. В Ипатьевской летописи битва на Калке упомянута и в сообщении под 1236 годом (6745 «ультрамартовский» год от «сотворения Мира»), где повествуется о начале Батыевого нашествия, о приходе «... безбожнии Измалтанъ, преже бивъшеса со князи Роускими на Калкохъ ...» [16]. Тверская летопись также говорит о начале монгольского завоевания, напоминая читателю, что пришли те же иноплеменики, с которыми русские князья неудачно сразились на Калке: «...нахождением безбожных иноплеменикъ, Таурмень, еже на Калкы ...» [47]. Ничего нового для определения места битвы сообщения под 1236 годом в Ипатьевской и Тверской летописях нам не дают.

3. Третья группа упоминаний относится к событиям осени 1380 (6888) года, когда Мамай, вернувшийся в степи низовья Днепра после поражения в Куликовской битве, был разгромлен «на Калках» правителем Синей Орды Тохтамышем. Сообщения об этой, еще одной битве, приуроченной к Калке (Калкам) и состоявшейся почти через 150 лет после первого столкновения с монголами, имеются в Новгородской IV [29], Троицкой [61], Вологодско-пермской [63] летописях, в Софийском временнике [64], Летописи по Воскресенскому списку [48], Летописи Авраамки [30] и Пискаревском летописце [66]. Вот типичное изложение событий, взятое из Пискаревского летописца: «Тогда же Мамай не во мнозе убежа и прибежа в землю свою в мале дружине, <...> и се приде к нему весть, что идет на него неки[й] царь с востока, именем

Тактамыш, из Синие орды. Мамай же, иже на ны рать уготова, и с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тактамыш победи Мамаю и прогна его» [66].

Какую полезную информацию по месту расположения «Калок» можно извлечь из этих упоминаний? Тохтамыш двинулся к месту битвы с востока, из низовьев Волги, завоевав перед этим Сарай и Улус Хаджи-Черкеса (Хаджитархан, т.е. Астрахань) летом 1380 года [68]. Мамай вышел ему навстречу из города Орду (Кучугурское городище в 30 километрах южнее современного Запорожья) [27], поэтому встретиться и сразиться они могли, скорее всего, в низовьях Дона или Северном Приазовье. В большинстве исторических работ именно на Северное Приазовье указывают, как на место битвы Мамаю с Тохтамышем [3, 27, 69]. Однако в известной работе М.Г. Сафаргалиева [68] встреча Мамаю с Тохтамышем перенесена более чем на 300 километров к северу, в бассейн Ворсклы, на ее левый приток Коломак (Колмак). В обоснование этой точки зрения (изложенной В.Г. Ляскоронским еще в 1907 году) М.Г. Сафаргалиев приводит два аргумента. Во-первых, в бассейне Ворсклы встречаются, по его мнению, названия, связанные с Мамаем: Мамай-Сурка и Мамаево урочище, во-вторых, Мамай хотел встретить противника у литовской границы, рассчитывая на помощь своего союзника Ягайлы, почему и двинулся из низовьев Днепра на север, к Ворскле. М.В. Ельников, прекрасно знакомый с топонимикой Запорожья, с недоумением отвергает первый аргумент [27], справедливо отмечая, что Мамай-Сурка и Мамаево урочище находятся на нижнем Днепре, а никак не в Полтавской области. Второй аргумент также не выглядит убедительным: если Мамай хотел встретить Тохтамыша поближе к литовской границе, то для этого не надо было далеко уходить на север, литовский рубеж был у него буквально «под боком», граница Великого Княжества Литовского с Ордой севернее порогов проходила, в конце XIV века, прямо по Днепру [50].

И последнее об аргументах М.Г. Сафаргалиева. Изложив все свои доводы в пользу версии о Ворскле, как месте битвы, где потерпел поражение Мамай, он уже в следующем предложении [68, с. 143], пишет, опровергая сам себя: «Разбитый у днепровских порогов, Мамай бежал в Крым». Вот тебе, бабушка, и Юрьев День! Где - Ворскла на Полтавщине, и где – Днепровские пороги?!

Остается резюмировать, что столкновение Мамаю с Тохтамышем «на Калках» в 1380 году состоялось, скорее всего, именно в Северном Приазовье. Весомых аргументов против этого утверждения в настоящее время не видно. Следовательно, искомые нами «Калки» и место битвы 1223 года должны быть локализованы в Северном Приазовье.

Вернемся к основному массиву упоминаний о первой битве с монголами, содержащихся в летописях под 1223 (6731 или 6732 гг.). Характерно, что в 17 из 22 анализируемых летописных источников название реки приводится во множественном числе: Калки, на Калках и т.д. Это не может быть случайностью, и филологи, занимающиеся топонимикой (географическими названиями), уже давно обратили на это внимание [69-72]. Практически едины они в том, что Калка – это не одна река, а несколько рек, расположенных недалеко друг от друга и, возможно, входящих в одно речную систему (основной водо-

ток и боковые притоки). В 1976 году донецкий филолог Е.С. Отин указал на еще одно веское доказательство множественности Калок, долго остававшееся незамеченным. Вот любопытный отрывок из Ипатьевской летописи: «... идоша <...> до рѣкы Калкы, стрѣтоша и сторожеве Татарскыи, сторожем же бившимъса с ними и оубьень бы Иванъ Дмитрѣвичь инаа два с нимъ. Татаром же, ѿѣхавшимъ на прочьне рѣцѣ Калкъѣ ...» [16].

Русская рать идет до реки Калки, здесь происходит ее столкновение с татарской «сторожей» и татары отъезжают на «прочьне» (т.е. прочую, другую [40]) Калку. Кроме той Калки, к которой русские шли 8 дней, говорится о какой-то другой, прочей Калке! О прочей Калке есть упоминания также в Софийской I [37], Вологодско-пермской [63] и Холмогорской [67] летописях, в Софийском временнике [64].

Множественность Калок - для филологов давно уже надежно установленный факт, который обязательно необходимо учитывать всем, кто так или иначе занимается битвой 1223 года.

У специалистов по топонимике можно вычитать о Калках еще много других интересных частных (правда, к определению места битвы касательства не имеющих). По их мнению [70-72], Калки первоначально именовались Калами (множественное число мужского рода), отсюда и уменьшительные формы мужского рода Калок, Калец, Кальчик.

В соответствии с этимологическим словарем М. Фасмера, происходит это название от «каль» - грязь, лужа [73]. Верховья наших приазовских рек действительно часто представляют собой летом просто цепь луж или грязную балку, заросшую камышом, По непрозрачности, мутности воды реки наши разительно отличаются от Днепра.

Главный письменный источник, позволяющий надежно локализовать Калки (Калы), как речную систему – это «Книга Большому Чертежу» (КБЧ) [74], составленная в 1627 году в Москве, в Разрядном приказе. Географическая информация о Поле (областях южнее Тулы, вплоть до Крыма и Азовского моря), содержащаяся в ней, относится ко второй половине XVI века, почерпнута она из материалов русских посольств в Крым, из росписи сторож, оберегающих южные рубежи от татарских набегов. Сведения о речной сети и местностях на Левобережье Днепра мог дать и православный магнат князь Дмитрий Иванович Вишневецкий (Байда) [75], который в 1556-1561 годах «отъехал от короля» польского и служил царю Ивану IV (Грозному) [76].

В «Книге Большому Чертежу», в росписи (описании) Калмиюской дороги читаем:

«А от верх речки Миюса к верх речки Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных.

А от речки Елкуваты к верху речкам к Калам.

А те речки все по левой стороне тое дороги пали в море.

А по правой стороне тое дороги река Тор.

А от речек от Кал к речке к Каратошу и речка Каратош перелести.

А от речки Коратоша к речке к Берлу ...» [74].

Прошу прощения за пространную цитату, она того стоит! Что же от-

сюда можно извлечь? Последовательно, с востока на запад, перечисляются верховья основных рек Северного Приазовья, встречающиеся при движении Кальмиусской дорогой. Речки Калы преречислены между Миусом и бассейном Берды (Берла), так как Каратош (Каратыш) – это левый приток Берды, начинающийся у Каменных Могил, южнее Розовки. На современных картах между бассейнами Миуса и Берды есть только одна речная система – Кальмиус с притоками! Следовательно, летописные реки Калы – это реки бассейна Кальмиуса (сам Кальмиус, Кальчик, Калец и их многочисленные притоки).

Второй важный вывод (увы, весьма печальный для меня) состоит в том, что Каратыш, протекающий у Каменных Могил, к речкам Калам, скорее всего, причислен быть не может, так как он упомянут отдельно, наряду с Калами. Акции Каменных Могил, как места битвы 1223 года, явно падают! Обидно, понимаешь, для Розовского района ...

Поэтому место битвы следует локализовать, вероятно, бассейном Кальмиуса и Кальчика.

Речки Калы при описании Северного Приазовья упоминаются в «Истории Скифской» Андрея Лызлова (1692 год): «... идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и Мал Кал, и Муз,— суть поля тако жизненны и обилны травую, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [77]. Названия интересующих нас рек снова употреблены в мужском роде, при этом Лызлов в описании Приазовья ссылается на известную работу итальянца Александро Гваньини («яко пишет Гвагнин»), опубликованную в 1578 году на латинском языке в Кракове, которую обычно кратко именуют «Описанием Московии» [78]. К сожалению, эта работа Гваньини до настоящего времени полностью с латыни на русский язык не переведена, и мне не удалось убедиться в том, что Лызлов точно ее цитирует при описании рек в Приазовье.

Перечисление рек у Лызлова идет с запада на восток (от Перекопа к Азову). Если Агарлиберт – это современная Берда, а Муз – это Миус, то Большой Кал и Малый Кал, указанные между ними – это реки системы Кальмиуса. И снова мы приходим к выводу, что средневековые Калы – это Кальмиус с притоками!

Новым и интересным для нас здесь является то, что Калы, по сообщению Лызлова (Гваньини), объединяются еще и общим названием Беин. Отметим, что на карте Крыма (Tavrica) и прилегающих местностей работы Г. Меркатора из атласа Вильяма Блау (1635 год), на северном берегу Азовского моря, между реками Агателиберт (Agatelibert) и Миус (Muss), на месте современного Кальмиуса, показана река Бинкаель (Binkael). Возможно, что эта карта как-то связана с сочинением Гваньини.

Теперь попробуем воспользоваться сведениями о количестве дневных переходов до первой битвы с монголами в 1223 году, для локализации ее места. Понятно, что для этого необходимо:

1) определить исходный пункт, от которого начинается в источнике отчет дневных переходов;

- 2) выбрать маршрут движения;
- 3) отсчитать вдоль маршрута расстояние, которое могло быть пройдено смешанной ратью (пехота и конница) за это количество дневных переходов.

Эту простую и логичную последовательность действий реализовать в данном случае очень и очень непросто. Начнем с того, что имеется три разных версии о количестве переходов (см. табл. 6.3). В 12 из 22 летописных источников число переходов вообще не указано (в том числе, в часто цитируемой Лаврентьевской летописи).

В летописях Новгородской I старшего и младшего изводов говорится, что битва произошла через 9 дневных переходов после общей переправы через Днепр: «... слышавъше же то князи русстии, поидоша за Днепръ и поидоша вси въкупе, по нихъ же идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ реку ...» [17].

В Ипатьевской [16], Тверской [47] летописях и других русских источниках (см. табл. 6.3) речь идет о 8 дневных переходах, но отсчет начинают от первого успешного боя, в котором русские захватили большую добычу: «Роускыи победиша, и гнаша в поле далеце секоуще, и взяша скоты ихъ, а со стады оутекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скота. Оттоудоу же идоша 8 дни до реки Калкы ...» [16].

Ряд иностранных источников говорит о 12 дневных переходах к месту битвы (Ибн-ал-Асир [6], Рашид ад-Дин [2], М. Меховский [53]). Такая же цифра названа в позднем русском источнике, «Истории Скифской» Андрея Лызлова, использовавшего в своих исторических изысканиях труды Длугоша и Меховского, у которых он эти 12 дневных переходов и позаимствовал: «... приидоша на урочище Протолцы и оттуду двенадцатью днями приидоша на реку названную Калку ...» [77].

Сопоставим сведения о дневных переходах. Ипатьевская и Новгородские летописи друг другу в этом не противоречат, они просто начинают счет переходов в разные моменты времени. В новгородских сообщениях считают от момента общей переправы, а в Ипатьевской летописи – от успешного боя и захвата добычи, которые состоялись уже после переправы. Отсюда и разница в один дневной переход.

С 12 дневными переходами сложнее. Ибн-ал-Асир [6] и Рашид ад-Дин [2] не указывают, как эти 12 переходов отсчитаны. Их сообщения сводятся к тому, что татары притворно отступали, а русские преследовали их до места злосчастной битвы 12 дней. Как это можно совместить с 9 дневными переходами (в новгородских известиях) от общей переправы князей до битвы? Перед кем отступали татары целых три дня, до переправы через Днепр всех русских сил? Анализ летописных сообщений позволяет, как мне кажется, ответить на этот вопрос без особых «натяжек». Еще до общей переправы состоялись небольшие стычки, успешные для русских. По Ипатьевской летописи [16], юный Даниил Романович Галицкий с конницей обращает в бегство монголов, подошедших, чтобы «видеть олядіи Роускыхъ». До общей переправы Мстислав Удатный (по новгородским известиям) с 1000 воинов побеждает «сторожи татарьскыя», остатки «сторожи» с воеводой Гемябеком безуспешно пытаются спастись на половецком кургане [17]. Всякий раз русские побеждают в этих

эпизодах, а татары снова и снова повержены и отступают. Так продолжается три дня, пока на левый берег Днепра не переправились все русско-половецкие силы и не втянулись в преследование притворно отступавших татар, которое завершилось через 9 дней побоищем на Калке. Таким образом, сообщения восточных авторов о 12 дневных переходах вполне допускают согласование русскими летописными известиями.

Матвей Меховский, о котором мы уже упоминали, в своем «Трактате о двух Сарматиях» [53], совершенно конкретен и категоричен: русские пришли от Протолчей (место переправы) к Калке 12 дневными переходами. В этом он следует сообщению Яна Длугоша в «Истории Польши», но откуда эту информацию мог почерпнуть сам Длугош во второй половине XV века? Использование Яном Длугошем трудов восточных авторов (Ибн-ал-Асир, Рашид ад-Дин) следует отвергнуть, как крайне маловероятное. Остается один возможный источник – русские летописи, и факт их использования при подготовке «Истории Польши» Длугош сам подтверждает (цитирую по статье польского историка Д. Домбровского [79], полного русского перевода Длугоша пока нет): «Если с историей Польши часто связаны чужие (события), мне казалось необходимым напомнить о них не с дерзости, ибо знаю свои силы, но чтобы наших с ними познакомить. Поэтому, уже посев, я взялся за изучение русской азбуки, чтобы пределы нашей истории сделать более понятными».

Как же использовал Длугош русские летописи? На этот счет мнения как отечественных, так и польских историков, практически совпадают. Снова процитируем Д. Домбровского (D. Dąbrowski): «О несовершенстве методики работы Длугоша с материалом летописей убедительно писал Александр Семкович (Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejyw Polskich. s. 52 – 53). Он определил, что проблемы <Длугоша> вытекали из недостаточного знания русского языка, специфического обращения с упоминаниями из летописей (поверхностное сокращение повествования, взятого из источника, изложение в одном абзаце хроники событий, происходивших на протяжении нескольких десятков лет). И, наконец, проблемы эти были связаны с абсолютным незнанием хронологии, применяемой на Руси. Трудно не согласиться с этой краткой и справедливой оценкой» [79].

А вот мнение М.В. Дмитриева [80]: «Опираясь на доступные источники, Ян Длугош обыкновенно перерабатывал их информацию и расширял их, стремясь придать повествованию драматический характер. < ... > Некоторые из этих «расширений» превратились, по существу, в интерпретации и дополнения, которые ставят под сомнение само фактическое ядро того или иного фрагмента «Хроники».

Таким образом, у нас нет никакой уверенности в том, что Я. Длугош правильно передает информацию, полученную им из русских источников (в том числе, и о битве на Калке). Это относится и к сообщениям М. Меховского и А. Лызлова о первом столкновении с монголами, в той их части, где они основаны на «Истории Польши» Длугоша. Поэтому для определения места битвы на Калке остается использовать либо Ипатьевскую летопись (8 дневных переходов), либо новгородские известия (9 переходов).

А насколько точны описания битвы на Калке в некоторых поздних русских летописях XVI –XVII века? Ведь и здесь мы встречаемся просто с анекдотическими подробностями! Вологодская летопись [65] под 1223 годом сообщает о битве русских с погаными половцами (!), а Устюжская летопись [65] (список Мациевича) идет еще дальше: половцы не только победили, но и утопили в Калке русских князей и много силы (войска)!!!

Сопоставляя Ипатьевскую и Новгородские летописи замечаем, что в Ипатьевской летописи счет 8 дневных переходов ведется от места первого успешного боя, в котором русские захватили большую добычу, но нам неизвестно, где это случилось. Поэтому в локализации места битвы на Калке целесообразно руководствоваться летописями Новгородской I старшего и младшего изводов, где счет 9 дневных переходов начинается от места переправы - Кичкасского (Крарийского) брода, расположенного чуть севернее острова Хортица, на территории современного г. Запорожье. Таким образом, у нас появляется исходный пункт, от которого вдоль маршрута и следует отсчитать 9 дневных переходов по 25 километров для смешанной (конной и пешей) русско-половецкой рати.

Дальше все гораздо печальнее, мы вынуждены ступить на зыбкую почву предположений и гипотез. Ни один из известных мне источников ничего не говорит о маршруте движения монголов (и преследующих их русских) от переправы к месту битвы! Его приходится выстраивать чисто умозрительно, ориентируясь на общее направление «восток – юго – восток» при движении от современного Запорожья к бассейну Кальмиуса. Наиболее вероятным считаю маршрут вдоль р. Конки, о котором упомянул в 1954 году К.В. Кудряшов, заметив походя в своей статье [81], что о таком маршруте «в нашей исторической литературе указывалось», но не приводя никаких конкретных ссылок.

Вот расчет расстояний в километрах и дневных переходах по предполагаемому маршруту движения русско-половецкой рати от переправы к Кальмиусу (табл. 6.4).

Расстояния от Кичкасской переправы по маршруту вдоль Конки
(по карте масштаба 1: 200000)

Таблица 6.4

№ участка	Участок пути	Длина участка по карте, см	Д л и н а участка, км	Д л и н а участка в дневных переходах
1	Кичкас - Юльевка	15,0	30	1,20
2	Юльевка – Орехов	15,0	30	1,20
3	Орехов - Пологи	19,0	38	1,52
4	Пологи - Конские Раздоры	8,0	16	0,64
5	Конские Раздоры - Камыш-Заря	12,0	24	0,96

6	Камыш-Заря - Розовка (Каменные Могилы)	15,0	30	1,20
7	Камыш-Заря - могила Се- рединовка	30,0	60	2,40
8	Камыш-Заря - Гранитное	44,0	88	3,52
Итого	Кичкас - Розовка (Камен- ные Могилы)	84,0	168	6,72
Итого	Кичкас - могила Середи- новка	99,0	198	7,92
Итого	Кичкас - Гранитное	113,0	226	9,04

(См. Приложение: рисунок. 6.1)

Для большей наглядности нанесем результаты расчетов на карту Северного Приазовья (рис. 6.1). Проведем из исходного пункта на территории современного города Запорожье, где состоялась переправа русских и половцев, дугу радиусом 225 километров (9 дневных переходов). Даже двигаясь строго по прямой линии, русско-половецкая рать не смогла бы за 9 дней движения продвинуться восточнее этой дуги, проходящей в Приазовье по течению Мокрого Еланчика. В реальности войско двигалось, применяясь к рельефу местности и обстоятельствам, по некоторой ломаной линии (предполагаем, по течению Конки). Таким образом, счет дневных переходов по новгородским известиям позволяет нам достоверно установить, что битва на Калке состоялась западнее Мокрого Еланчика.

Пройдя вдоль Конки, войско, преследуя монголов, должно было выйти к водораздельным высотам в районе современной Камыш-Зари, отделяющим бассейн Берды (с юга) от верховий Гайчура, Янчура и Кобыльной (с севера). Дальше неопределенность в оценке возможного пути становится еще больше. По существу, маршрут выбирали отступавшие монголы, русским и половцам оставалось лишь следовать за ними. Как говорит старая пословица: «Перед зайцем в поле сто дорог, а перед преследующим его волком - только одна» (за уместную пословицу – спасибо одному мариупольскому коллеге, он подсказал). Более поздние кочевники (татары и ногаи во времена Крымского ханства) предпочитали в наших степных местах движение по водоразделам. Именно так прокладывались их маршруты (сакмы), судя по описаниям Боплана [82], Тунманна [83] и современных авторов [84]. От Камыш-Зари путь по водоразделам ведет к Розовке, именно так была проложена в первые годы XX века от Волновахи вторая Екатерининская железная дорога [85], существующая и сегодня. Из окрестностей Розовки возможны два пути по водоразделам. Первый путь - на восток, он приводит через окрестности Волновахи в междуречье Кальчика и Кальмиуса. Вторым путем – на юго-восток, мимо верховий Кальчика к его нижнему течению (рис. 6.1). Здесь мы уже не можем сделать выбор, обоснованный даже в самой минимальной степени. После прохождения по водоразделу участка между Камыш-Зарей и Розовкой невозможно

сказать ничего определенного о дальнейшем маршруте движения русско-половецкого войска к месту битвы на Калке.

Чтобы четко определиться, что мы понимаем под термином «место битвы на Калке», вернемся к описанию самого события в летописях (см. раздел 6.3 «Прелюдия, битва и поражение»). Перипетии битвы растянуты как во времени, та и в пространстве. Многодневное отступление монголов завершается тем, что они наносят мощнейший удар по передовому отряду русско-половецкого войска, перешедшему под предводительством Мстислава Удатного через Калку. Монголы сходу опрокинули передовую половецкую «сторожу», смятые бегущими в беспорядке половцами, русские полки были разгромлены в скоротечном бою. Началось их беспорядочное бегство, в которое были вовлечены и князья, в том числе Мстислав Удатный и Даниил Галицкий. Этот разгром и определил все дальнейшее течение событий. Как мы знаем из летописей, «сеча зла и люта» состоялась после перехода через одну из Калок (о множественности Калок уже говорилось выше). С учетом общего направления движения русско-половецкой рати на восток (или юго-восток) и преимущественно меридионального (с севера на юг) течения рек бассейна Кальмиуса, можно предполагать, что разгром сил Мстислава Удатного имел место в нескольких километрах к востоку (или юго-востоку) от одной из Калок (Калов). Не очень конкретный вывод, но ничего более определенного о месте разгрома отряда Мстислава Удатного сказать пока нельзя.

Мстислав Романович Киевский, с другой частью русского войска, находился в это время в укрепленном лагере и в битве не участвовал: «Князь же Мъстиславъ Кыевскыи, видящи таковое зло, не поступи ни камо с мѣста того, нъ сталъ бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то каменисто, и ту угоши город около себе в кольих, и бися с ними из города того по 3 дни» [17]. На каком берегу Калки стоял этот лагерь, непонятно (о переходе отряда Мстислава Киевского через реку в летописях не говорится, в противном случае мы могли бы определенно указать на восточный берег). Неясно также, та ли это Калка, через которую перешел Мстислав Удатный перед его разгромом. Очень может быть, что речь идет о двух протекающих недалеко друг от друга «Калах», причем одна речка находилась западнее (на ее берегу стоял лагерь киевского князя), а другая – восточнее (именно после ее перехода и был разгромлен отряд Мстислава Удатного).

Нанеся поражение Мстиславу Удатному, монголы разделились. Часть их начала преследование и уничтожение отступавших к Днепру русских и половцев. Такое преследование неизбежно распадается на множество локальных стычек, которые происходили на большом пространстве к западу от места разгрома до самых берегов Днепра.

Другая часть монголов, под руководством воевод «Цъгырканы и Тешюканы» [17], начала осаду лагеря Мстислава Киевского, завершившуюся через три дня пленом и гибелью князей. Место, где располагался этот лагерь, было каменистым (см. цитату выше), и высказано уже немало гипотез о его расположении. Следует отметить, что во многих работах под местом битвы на Калке «по умолчанию» понимают именно лагерь Мстислава Киевского. Хорошо еще, если авторы вспоминают о ключевом предыдущем эпизоде битвы

– разгроме отряда Мстислава Удатного. Место разгрома помещают обычно восточнее лагеря киевского князя.

Таким образом, нам необходимо найти в Северном Приазовье, западнее Мокрого Еланчика, где-то в бассейне Кальмиуса или вблизи него каменистое место над речкой, где стоял, по летописным известиям, лагерь Мстислава Киевского. Проблема в том, что мест таких можно указать много. Не имея возможности изложить здесь историю поисков, ограничимся тем, что, в настоящее время, на наш взгляд, имеется три наиболее перспективных места.

Рассмотрим подробно все эти места, сопоставив имеющиеся аргументы «за» и «против» каждого из них.

Начнем с Каменных Могил, находящихся в 6-7 километрах к югу от Розовки, где имеются обширные выходы на поверхность древних скальных пород, образовавших здесь целую горную систему в миниатюре, отдельные вершины которой поднимаются на 50-70 метров над окружающей степью. Наличие столь впечатляющего «места каменистого» в сочетании с расположенными всего в нескольких километрах к северо-востоку верховьями Кальчика (см. рис. 6.2) не могло не привлечь внимания историков в их поисках места битвы на Калке.

(См. Приложение: рисунок. 6.2)

Первые археологические исследования в окрестностях Розовки были проведены генерал-лейтенантом Н.Е. Бранденбургом в 1889 году, а привела его в наши места именно надежда найти вещественные следы битвы на Калке [86]. Как известно, надежда эта не оправдалась, обследованные им курганы северо-восточнее современной Розовки, у немецкой колонии №1 Киршвальд Мариупольского уезда, содержали захоронения бронзового века.

В планах Мариупольского краеведческого музея (МКМ) на 1927-1928 годы числилось изучение в археологическом отношении только что образованного (5 апреля 1927 г.) заповедника «Каменные Могилы» и местности вокруг него «радиусом 7-8 верст в поисках предполагаемого места битвы на Калке» [87]. Патриарх мариупольского краеведения П.М. Пиневиц, в своем отчете за 1928 год о раскопках и археологических обследованиях на Мариупольщине [88], упоминает Каменные Могилы, и вообще местность в треугольнике между Розовкой, Кальчиновкой и селом Темрюк (современное Старченково), как возможное место битвы на Калке.

В сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1954 год появилась статья [81] известного специалиста в области исторической географии К.В. Кудряшова, представлявшая собой его ответ школьным учителям А.С. Пшеничному и И.Г. Сарбаш из Сталинской области, просившим «осветить вопрос о месте битвы на Калке». Каменные Могилы однозначно названы в статье местом расположения лагеря Мстислава Киевского, а разгром Мстислава Удатного, по мнению К.В. Кудряшова, состоялся у истоков Кальчика.

После этой публикации взгляд на Каменные Могилы, как место битвы на Калке, становится преобладающим в СМИ Запорожской и Донецкой (тогда – Сталинской) областей, в кругах местных краеведов и историков, эта точка зрения представлена и в известной «Истории городов и сел Украинской ССР».

Лагерь Мстислава Киевского был расположен, по К.В. Кудряшову, в одном из понижений Восточной гряды Каменных Могил (см. рис 6.3) и прикрыт с востока речкой Каратыш [81]. В конце 60-х годов XX века ее течение перегородили южнее 200-метровой плотиной, вследствие чего верховье Каратыша у Восточной гряды было затоплено образовавшимся искусственным озером площадью 20 га с глубинами до 6-7 метров [89]. Ранее Каратыш протекал здесь в балке с крутыми берегами и славился в годы моего детства невероятным количеством крупных раков. Жители Розовки, Назаровки и других окрестных сел традиционно собирались здесь 2 мая на «маевку», радовались весеннему цветению степного разнотравья, веселились, кто как мог, и отдавали должное отменному вкусу раков, сваренных на костре, пахнущих дымком и укропом.

(См. Приложение: рисунок. 6.3)

Исторически сложилось так, что, из общей площади заповедника «Каменные Могилы» в 400 гектаров, около 100 га находятся на территории Розовского района (Запорожская область), а остальное досталось Володарскому району Донецкой области. М.В. Ельников в своей книге [27] ошибочно поместил верховья Кальчика и «Каменные Могилы» в Куйбышевском районе, скорее всего, его подвели устаревшие карты. После восстановления в июне 1992 года Розовского района эти объекты находятся на его территории, как это и было ранее (до 30 декабря 1962 года).

В 90-е годы XX века усилиями директора заповедника В.А. Сиренко и других местных энтузиастов-краеведов, при поддержке районных администраций Розовского и Володарского районов, общественных организаций предпринимаются усилия по увековечению памяти о сражении на Калке. В 1999 году на территории «Каменных Могил» был установлен поклонный крест из темного камня *(См. Приложение: рисунок. 6.4)*, заменивший поставленный годом ранее деревянный крест. К 777-й годовщине битвы близ усадьбы заповедника появилась часовня в честь покровителя казачества Ильи Муромца (открыта 27 мая 2000 года), построенная Союзом казаков Юго-Восточной Украины «Войско Запорожское» и Союзом казаков Донбасса «Вольность» [89].

Эти усилия по увековечению памяти достойны уважения и всяческой поддержки, но надо смотреть правде в глаза. Конечно, даже сейчас, полвека спустя, аргументы К.В. Кудряшова в пользу Каменных Могил и верховьев Кальчика, как места битвы на Калке, выглядят достаточно весомо и разделяются многими краеведами и историками [27, 86, 90]. Но не надо забывать, что существуют и аргументы «против», от которых так просто не отмахнешься.

Вот первый аргумент. Расчет расстояний по предполагаемому маршруту движения русско-половецкой рати (см. табл. 6.4) дает от переправы на территории современного Запорожья до Каменных Могил менее 7 дневных переходов (точнее – 6,72). Даже с учетом возможных погрешностей при выборе маршрута (о чем мы уже говорили выше), слишком велико все же отклонение от 9 дневных переходов (по новгородским известиям) ... Можно, конечно

утешать себя тем, что маршрут выбран не очень точно, но сомнений моих это не снимает. Ведь иного, более обоснованного маршрута, так никто до сих пор и не предложил...

Второй аргумент против Каменных Могил, как места расположения лагеря Мстислава Киевского, известен уже давно. Странно, что К.В. Кудряшов в своей известной статье 1954 года не счел нужным упомянуть о нем, хотя бы ради объективности. По летописным известиям, которые цитируются в этой статье [81], каменистое место лагеря было расположено на горе «над рѣкою надъ Калкомъ» [17]. Восточная гряда Каменных Могил возвышается, как известно, над речкой Каратышом. Из «Книги Большому чертежу» (КБЧ) [74], на которую Кудряшов так же ссылается, неопровержимо следует, что Каратыш (Каратош) к Калкам (Калам) отношения не имеет. Согласно КБЧ, Каратыш – это не Калка! К.В. Кудряшов не мог этого не понимать, и писал в другой своей книге, что «заклученные между Миусом и Каратышом реки Калы или Калки - это нынешние Кальмиус с притоком Кальчик» [22, с. 70]. Располагая лагерь Мстислава Киевского над Каратышом, мы вступаем в противоречие либо с «Книгой Большому Чертежу», либо с новгородскими летописными известиями [17], т.е. двумя важнейшими письменными источниками, на которых основаны все серьезные попытки локализации места битвы на Калке.

Стремясь преодолеть это противоречие, иногда предполагают, что в КБЧ зафиксированы названия наших рек в конце XVI - начале XVII века, почти через 400 лет после битвы, а в 1223 году названия могли быть другими, и Каратыш тогда все же являлся одной из Калок. Выглядит такое предположение не очень убедительно, никаких доказательств принадлежности Каратыша к Калкам в настоящее время не представлено.

Вот те аргументы, которые говорят против расположения лагеря Мстислава Киевского на Каменных Могилах. Но прохождение русско-половецкого войска через территорию современного Розовского района, или даже через ближайшие окрестности Розовки, в свете всего, что мы знаем сейчас о битве на Калке, следует считать очень и очень вероятным.

Конечно, самым веским и неопровержимым доказательством связи Каменных Могил и верховьев Кальчика с известной битвой 1223 года могли бы быть ее вещественные свидетельства, но как раз с этим дело здесь обстоит плохо (как и во всех прочих перспективных местах). В виду важности вопроса, возможные материальные следы Калкинского побоища рассмотрим более обстоятельно в конце раздела.

Обратимся теперь к следующему перспективному месту битвы на Калке, к кургану Могила-Серединка в окрестностях Володарского (рис. 6.5). В километре к югу от современного села Шевченко, на правом берегу Кальчика, долина которого заполнена сейчас одноименным водохранилищем, имеются несколько куполообразных выходов розового гранита на поверхность.

(См. Приложение: рисунок. 6.5)

Два из них совсем незначительны, а третье, более масштабное, и есть Могила-Серединка (отметка 154,9), обследованная П.М. Пиневичем в июле 1928 года в поисках следов битвы на Калке [88]. Этот каменистый купол ни по высоте, ни по площади гранитных обнажений, ни по крутизне склонов не

идет ни в какое сравнение с Каменными Могилами. В конце июня 2009 года я побывал в этом «месте каменистом» и тщательно его осмотрел. Большая часть Серединовки задернована и покрыта травой. Северные ее склоны более круты, к востоку (к Кальчику) могила опускается более полого. Западные и южные склоны также пологи, в паре сотен метров к югу находится россыпь массивных заглаженных гранитных глыб, имеющих характерный облик «бараньих лбов». Привлеченный слухами о наличии здесь древних рисунков и надписей (о них упоминает и Пиневиц), я несколько часов тщательно обследовал их поверхность, но все поиски оказалось безрезультатными (если не считать результатом основательно ободранные локти и колени). Причудливый рельеф поверхности глыб является, скорее всего, результатом многолетней работы ветра, воды и солнца, а не творением рук человеческих.

Вершина Серединовки в настоящее время выровнена, на ней сооружена площадка мемориального комплекса, увенчанного многометровым обелиском-шпилем из нержавеющей стали, напоминающим по очертанию красноармейский штык (рис. 6.6). Обелиск это виден на большом расстоянии, и жители окрестных сел называют его «Шевченковским шпилем». Никакого отношения к битве на Калке он не имеет, это памятник павшим в сентябре 1943 года при освобождении Приазовья воинам 417-ой Азербайджанской стрелковой дивизии 4-го гвардейского кавалерийского корпуса 2-й гвардейской армии Южного фронта, (табличка с надписью, к сожалению, уже куда-то пропала).

(См. Приложение: рисунок. 6.6)

Могла ли Могила-Серединовка быть лагерем Мстислава Киевского? Похоже, что для такого предположения есть веские основания. Возвышается она над долиной Кальчика, всего в 2 километрах к западу от речки. Разгром передового отряда Мстислава Удатного монголами мог состояться восточнее Кальчика, на его левобережье. Расчет движения русско-половецкого войска от переправы на Днепре до Серединовки дает почти 8 дневных переходов (см. табл. 6.4), это ближе летописным известиям, чем в случае Каменных Моги. Следует отметить, что склоны Серединовки недостаточно круты, чтобы создать препятствия для штурма. Однако главной защитой осажденного лагеря от монголов могли быть ограждавшие его телеги, а не крутизна каменистых склонов.

Посещение Могилы-Серединовки позволило ответить еще на один давно мучивший меня вопрос. Я полагал, что с ее вершины, расположенной всего в 20 километрах к северу от Мариуполя, участники битвы не могли не заметить море. Почему же тогда о важном факте близости Калкинского побоища к берегу Азовского моря молчат летописи? Так вот: с вершины Могилы-Серединовки, в ясный летний день, в условиях прекрасной видимости, моря я не усмотрел! На востоке, у самой линии горизонта, виден элеватор станции Кальчик, на юге хорошо заметны дымящие трубы мариупольских заводов и микрорайоны города, о вот море отсюда невооруженным взглядом увидеть действительно невозможно. Поэтому молчание летописей о близости места битвы к Азовскому морю вполне объяснимо.

По моему мнению, Могила-Серединовка и прилегающая к ней местность

к востоку по праву считается одним из возможных мест битвы 1223 года с монголами.

Известный мариупольский историк-краевед, научный сотрудник Мариупольского краеведческого музея Р.И. Саенко считала наиболее вероятным местом сражения на Калке долину реки Кальмиус между селами Гранитное и Староласпа (Тельмановский район). Чуть севернее Гранитного в долину Кальмиуса выходят здесь балки Дубовая (по ней расположены села Новогригоровка и Староигнатовка) и Хан-тарама (см. рис. 6.7). Выше этих мест по течению русло Кальмиуса образует несколько изгибов. В районе балки Максимова река образовала выступ в юго-восточном направлении, на западном (правом) берегу Кальмиуса в этом месте возвышается крутой, каменистый обрыв. Здесь и находился, по мнению Р.И. Саенко, укрепленный лагерь Мстислава Киевского [91]. Передовой отряд Мстислава Удатного, с его союзниками-половцами, потерпел поражение, по ее предположению, на равнине, примыкающей к восточному берегу Кальмиуса, где находятся балки Корнеева и Максимова. Сейчас это окрестности сел Новая Марьевка, Первомайское, Красный Октябрь (рис. 6.7).

О довольно спорных взглядах Р.И. Саенко на датировку битвы мы уже говорили выше, не совсем понятными остаются и причины выбора ею именно этого участка Кальмиуса, как места расположения лагеря Мстислава Киевского. Чуть выше по течению, на том же правом берегу, ближе к Старой Ласпе, южнее отметки 195,4 имеется не менее впечатляющее «место каменистое». Рядом есть такое место и на левом (восточном) берегу Кальмиуса (см. рис. 6.8, фото любезно предоставлено мариупольским краеведом LV). Непонятно, почему Р.И. Саенко определила место лагеря именно на правом берегу, ведь летописи не говорят, переходил ли киевский князь с соратниками Калку, и лагерь его мог стоять и на левобережье.

(См. Приложение: рисунки. 6.7 и 6.8)

Все эти «места каменистые» на Кальмиусе между Гранитным и Староласпой имеют одну общую особенность: это не гористые возвышения, а просто крутые прибрежные обрывы (см. рис. 6.8). Круговую оборону осажденного лагеря в этом случае можно было организовать, только отгородив такой мыс с крутыми берегами от степи рядом телег.

Расчет расстояний от Кичкасской переправы (Запорожья) до Кальмиуса у Гранитного дает почти точно 9 дневных переходов (см. табл. 6.4), как в новгородских летописных известиях [17]. Это впечатляет, но неопровержимым (как говорится, 100%-ым) доказательством расположения именно здесь лагеря Мстислава служить не может. Напомним, что сам маршрут движения точно неизвестен, выбран он исходя из самых общих предположений, о чем уже говорилось выше.

По устной местной традиции, сложившейся в среде приазовских греков, битву на Калке связывают с балкой Хан-Тарама, переводя ее название, как «Кровавая балка». Об этом упоминает в своей статье Р.И. Саенко [91], ссылаясь на некую военную карту конца XIX века. Насколько мне известно, общественность Тельмановского района предпринимает определенные усилия по

увековечению в районе Гранитного памяти о битве на Калке. По сообщению сотрудников Мариупольского краеведческого музея, существует даже видеофильм о событиях 1223 года на Кальмиусе, снятый трудами местных энтузиастов.

С «вещественными доказательствами» битвы в Тельмановском районе дела обстоят так же, как и во всех прочих предполагаемых местах (т.е., очень плохо).

П.М. Пиневич, в своем отчете 1928 года, среди возможных мест битвы на Калке называет и «... взгорье между р. Кальмиусом и р. Кальчиком возле г. Мариуполя» [88]. Насколько мне известно, серьезной оценкой и обследованием этого места так никто и не занимался. Одно только можно сказать: оказавшись так близко от моря, участники событий не могли его не заметить, Азовское море обязательно упомянул бы летописец, рассказывая о злосчастной битве. Но, как мы уже говорили выше, нет ни слова о близости моря ни в одном из 22 летописных источников, повествующих о событиях на Калке.

Завершая обзор возможных мест интересующей нас битвы в Северном Приазовье, хотелось бы отметить следующее. Если бы в первой трети XIII века на месте современного Мариуполя был гипотетический город бродников Домаха (Адомаха), о котором столь красочно писал Н.Г. Руденко [43], или, хотя бы, большое поселение, русские и, тем паче, их половецкие союзники обязательно знали бы об этом. Не пришлось бы летописцами связывать битву с никому на Руси неведомыми степными речушками, вроде Калок. Рассуждали бы мы сейчас о битве при Домахе ...

Остается рассмотреть предполагаемые вещественные доказательства битвы на Калке, все те находки в Северном Приазовье, которые можно рассматривать, как имеющие хоть какое-то отношение к интересующим нас событиям.

Начнем с Каменных Могил и прилегающей к ним местности. О находках древностей в наших местах (включая, разумеется, клады) я слышал с детства. Но странное дело... Стоило только попытаться задокументировать находки, отснять и измерить их, чтобы ввести «в научный оборот», и таяли часто эти вещественные доказательства побоища на Калке, «как сон, как утренний туман»!

В книге по истории Розовского района [86] приведена информация о находке местными жителями в 1869 году в кургане Могила Широкая (отметка 226,8 современной карты, у блок-поста 375 км) человеческих останков, сабли и копья. Там же, в одном из курганов возле Могила Широкой, нашли рядом с человеческими костями оружие, стремя, остатки седла. Сообщения об этих находках в верховьях Кальчика, всего в десятке километров от Каменных Могил, привели в наши края Н.Е. Бранденбурга, о раскопках которого мы уже упоминали выше. Дальнейшая судьба находок неизвестна.

По сообщению розовского краеведа В.И. Марюхи [92], опубликованному в местной газете «Розинформ», при строительстве в 1967-1968 годах плотины ставка (пруда) Опытной станции, в нескольких километрах к северу от Каменных Могил были обнаружены остатки средневекового вооружения (по его

рассказу – вток и наконечник копья). В той же статье В.И. Марюха упоминает о находке близ заповедника в 1968 году «боевого топора русского воина XIII века» [92]. Ничего из этих находок к сегодняшнему дню не уцелело.

Еще один древнерусский боевой топор был найден на правом берегу Каратыша, на месте одного из поселений поздней бронзы (?), обнаруженного членами археологического кружка Шевченковской школы, которым руководил С.П. Шевчук [93].

Определенный интерес могут представлять находки западнее Каменных Могил и верховьев Кальчика, датируемые началом XIII века, так как их можно связать с беспорядочным отступлением вдоль Берды к Днепру остатков русско-половецкой рати, разгромленной на Калке. В 45 километрах к западу от Каменных Могил, в селе Алексеевка (верхнее течение Берды), найдены фрагменты кольчуги из железных колец диаметром 0,7 сантиметра, при изготовлении которых использовалась проволока толщиной около 2 миллиметров [90]. Фрагменты экспонируются в литературно-историческом музее села Смирново, С.П. Шевчук, в своей книге по истории Куйбышевского района [90], связывает эту находку с событиями на Калке.

В верховьях Берды, при строительстве дороги между Смирновым и селом Вершина-2, в насыпи одного из курганов, вместе с человеческими останками, был обнаружен древнерусский боевой топор-чекан, датируемый XII - XIII веками. По описанию С.П. Шевчука [90], общая длина топора составляет 14,2 сантиметра, при ширине лезвия 4 сантиметра и диаметре втулки 2 сантиметра. Топор также находится в экспозиции Смирновского музея. Подчеркивая редкость подобных находок в наших краях, Шевчук упоминает о наличии в фондах Запорожского краеведческого музея еще одного подобного топора, место находки которого неизвестно [90].

Летом 2009 года любитель истории О.В. Кульченко из Розовки рассказал мне, что у него хранится боевой топор (по его мнению – древнерусский), обнаруженный им осенью 1975 года на поле южнее села Луганское, за ставком, примыкающим к южной околице села (см. рис. 6.2). Место находки лежит как раз между Каменными Могилами и верховьями Кальчика. Когда выяснилось, что речь идет о фрагменте топора, меня охватили сомнения: на полях вокруг Розовки нередки железные осколки самой причудливой формы, при отступлении в начале октября 1941 года наши войска взорвали на аэродроме севернее поселка целый склад авиабомб.

О.В. Кульченко любезно предоставил свою находку для фотографирования и проведения измерений, она действительно представляет собой часть топора (рис. 6.9). Вес фрагмента – 140 г, длина от излома (на рисунке он справа) до лезвия – 120 мм, ширина лезвия – 71 мм, ширина у излома – 24 мм. Фрагмент имеет наибольшую толщину 7 мм у излома и плавно сужается к острому лезвию. Заметны коррозионные повреждения (края лезвия рваные, на всей поверхности неравномерный налет коричнево-бурых продуктов коррозии – оксидов железа). Втулка и обух отсутствуют, излом, скорее всего, при-

ходится на место сужения топора перед втулкой. Излом не является «свежим» (недавним), его поверхность покрыта такими же продуктами коррозии, как и весь фрагмент. В исходном состоянии длина топора из Луганского была, по-видимому, не менее 150 мм, а ширина лезвия – до 90 мм.

(См. Приложение: рисунок. 6.9)

Чтобы определить, имеет ли эта находка отношение к битве на Калке, топор необходимо направить специалистам для датирования и решения вопроса о его принадлежности. Не предвосхищая квалифицированное заключение, сравним находку с описаниями средневековых топоров в доступных справочных пособиях.

Начнем с известного пособия А.Н. Кирпичникова [94] по древнерусскому оружию (САИ Е1-36, выпуск 2). Судя по форме фрагмента, топор из Луганского мог принадлежать к I, III или VII древнерусскому типу (по принятой в этой книге классификации). По размерам и весу это скорее боевой, чем рабочий топор (последние больше по размерам и массивнее, их обычный вес – 600-800 г) [94]. О датировке фрагмента трудно сказать что-либо определенное.

Два древнерусских топора XI-XII веков из Первомайского (Мангушского) района, представленные в экспозиции Мариупольского краеведческого музея, не имеют сходства с фрагментом из Луганского.

Не мог ли топор принадлежать кочевникам, участвовавшим в битве с обеих сторон? Описывая древности средневековых кочевников Восточной Европы, Г.А. Федоров-Давыдов [95] о топорах, как о виде оружия у них, вообще не упоминает. Представленные в его работе среди предметов быта три рабочих топора по форме не имеют ничего общего с фрагментом из Луганского.

Ранее уже говорилось о том, что в событиях на Калке могли участвовать и Черные Клобуки, союзники Руси и неперенные участники всех походов в степь. В известной книге С.А. Плетневой «Древности Черных Клобуков» [96] описан единственный топор из черно-клобуцкого курганного захоронения, на топор из Луганского он не похож.

С учетом возможного присутствия в наших степях аланов-асов, интересующий нас топор был сопоставлен со средневековыми топорами Северного Кавказа, которым посвящена работа У.Ю. Кочкарова [97]. Все представленные у Кочкарова топоры имеют гораздо меньшие размеры, но по форме лезвия некоторые из них близки с находкой у Луганского.

Случайные находки у Могилы-Серединки упомянуты в отчете П.М. Пиневица за 1928 год: «...местные крестьяне – немцы находят остатки воинского снаряжения: куски мечей, части кольчуги, наконечники копий и стрел» [88]. Ничего более определенного и конкретного, указывающего на события 1223 года, найти не удалось.

По району Гранитного известен христианский бронзовый амулет-медальон с изображением Георгия Победоносца (см. рис. 5.4, поз. 11 в предыдущей главе), найден он на юго-восточной околице села [98]. Такие медальоны носили на Руси после принятия христианства, они стали своеобразной заменой языческим амулетам-оберегам. Авторы сообщения датируют два подобных

амулета (место находки второго неизвестно), поступившие в археологический музей ДонГУ, концом XII – началом XIII века. На основании датировки и древнерусского происхождения медальонов, в сообщении [98] эти находки увязаны с неудачным походом Игоря в 1185 году или с битвой на Калке. Хотелось бы в это верить, но не надо забывать о том, насколько широко было распространено христианство у половцев в начале XIII века. Медальон совсем не обязательно должен был носить русский ратник, пришедший на Кальмиус, его мог утратить и местный половец-христианин. Так что и эту случайную находку однозначно связать с битвой на Калке не получается.

Всего в нескольких километрах к востоку от границы Розовского района, в верховье Кальчика между Малой Янисолью и Катериновкой, было обнаружено весной 1990 года захоронение средневекового кочевника, которое трактуется как вещественный след событий 1223 года на Калке [99]. Во время весенних полевых работ учениками школы села Кировское (А. Бондаренко и З. Шириновым) и их преподавателями (Г.Г. Малибаши, А.В. Москаленко) были обнаружены кости человека, коня и шлем с маской. Из земли были извлечены также сабля, наконечник ножен, стремя, обрывки кольчуги, бронзовая пуговица. Разрушенное процессами природной эрозии погребение находилось на склоне балки в 1,5 км к северу от села Куйбышево Волновахского района. Все предметы, включая костные останки, были переданы в школьный музей села Кировское.

По целому комплексу признаков автор статьи [99] относит погребение к памятникам Черных Клобуков, известным по раскопкам в Поросье [95, 96]. Захоронение датируется предмонгольским временем, т.е. первой третью XIII века. Наличие шлема, маски со следами серебрения, кольчуги, сабли - признаки воинского захоронения и высокого социального статуса покойного. Сопоставляя эти признаки с реалиями черноклобуцких захоронений воинов соответствующего ранга, Э.Е. Кравченко справедливо фиксирует два важных отличия: отсутствие курганной насыпи и бытовых предметов в погребении у Кальчика (совсем нет и вещей из драгоценных металлов). С учетом всех этих обстоятельств был сделан вывод о скрытом (на склоне балки) и поспешном характере погребения, логично вытекавшим из обстановки, сложившейся для русских и их черноклобуцких союзников после разгрома на Калке. В силу высокого статуса покойного, он не мог быть оставлен без погребения, но полностью обряд курганного захоронения соблюсти было невозможно из-за недостатка времени и боязни надругательства победителей над могилой.

Даже с учетом некоторой неясности с составом инвентаря в погребении и обстоятельствами находки, описанными в работе Э. А. Кравченко [99], в настоящее время нет веских оснований отказываться от выводов этой статьи и отвергать возможную связь погребения с битвой на Калке».

Вот и все, что можно сказать на сегодня о вещественных следах событий 1223 года. Как видим, археологический материал по началу XIII века в наших местах очень и очень скудный. В основном это отдельные случайные находки, которые можно связать с битвой лишь предположительно.

Не подлежит сомнению, что у нас, в Северном Приазовье, скорее всего на территории нынешних Розовского, Володарского, Волновахского или Тельма-

новского районов, произошла одна из самых известных и масштабных битв русского средневековья. Но почему же так плохо обстоит дело с ее материальными следами? Не я первый, и не я последний задаюсь этим проклятым вопросом ...

Частично ответ на него уже дан в литературе на основании анализа обстоятельств Калкинского побоища. Массовые скопления останков после битвы могли быть в двух местах: на месте разгрома русско-половецкой рати Мстислава Удатного и на том «месте каменистом», где стоял лагерь Мстислава Киевского. В результате преследования останки могли быть рассеяны также и по пути отступления к Днепру. Ни русские, ни их союзники собрать и похоронить своих павших в соответствии с принятыми обрядами, понятное дело, не могли (черноклобуцкое погребение у Кальчика, скорее всего, – редчайшее исключение). Металлические предметы с убитых были собраны победителями (как и все, представлявшее хоть какую-то ценность). Человеческие и лошадиные кости от русско-половецкой рати остались лежать в степи.

Победители на Калке, монголы, имели возможность совершить над своими соплеменниками погребальный обряд. В описаниях битвы часто можно встретить утверждение, что татары своих павших сожгли. Скорее всего, оно ошибочно и основано на описании монгольских обрядов гораздо более позднего времени. Сожжение (кремация) и оставление в степи появились у монголов и их степных соседей достаточно поздно, вместе с ламаизмом [100, 101]. В XIII веке они хоронили покойных в земле, причем захоронение всегда носило тайный характер. Об этом писали Джузджани [56], Рубрук и Карпини [51]. Монголы всячески старались скрыть свои захоронения: над ними не насыпался курган, чтобы уничтожить все следы, над могилами прогонялись табуны лошадей. Поэтому целенаправленные поиски массовых монгольских погребений, связанных с битвой на Калке, скорее всего, малоперспективны, могилы эти можно обнаружить только в результате счастливой случайности.

Человеческими и конскими останками русско-половецкой рати занялись волки и лисы, степные птицы-падальщики. Мощные челюсти волка легко справляются и с костями лошади, а человека – тем более. Если среди степных трав остаются уцелевшие кости, то за несколько лет на дневной поверхности они теряют органические составляющие, становятся хрупкими и рассыпаются в прах. Захороненные в грунте костные останки также теряют свои органические компоненты (коллагены), но они замещаются неорганическими солями из грунтовых вод. При этом кости минерализуются, упрочняются и могут уже сохраняться очень долго.

В каменистых местах слой грунта тонок, в нем костные остатки не накапливаются, а смываются дождевыми или талыми водами на дно балок, где они могут естественным образом захорониться и уцелеть. Вот здесь, на дне балок у предполагаемых мест битвы, и можно рассчитывать на какие-то находки.

Мы рассмотрели весь тот материал, который имеется на сегодня по месту битвы на Калке. Итоги не очень утешительны. По моему мнению, имеется три перспективных места: Каменные Могилы и верховья Кальчика (южнее Розовки), Могила-Серединовка (к востоку от Володарского) и долина Кальмиуса у

Гранитного. По каждому из этих мест есть свои аргументы «за» и «против», но ни письменные источники, ни скудный археологический материал не позволяют сегодня сделать окончательный выбор. На открытие новых письменных источников, позволяющих пролить свет на интересующий нас вопрос, надежды мало. Остается уповать на новые находки материальных следов битвы на Калке, когда систематические усилия специалистов-археологов или просто счастливый случай дадут нам в руки неоспоримые доказательства в пользу конкретного места.

Завершаем раздел тем же, с чего и начали: задача локализации места битвы чрезвычайно сложна и, как я считаю, на сегодняшний день она не имеет единственного и неоспоримого решения. Так стоило ли писать этот раздел? Главную свою задачу я видел в том, чтобы выделить надежно установленные факты среди гипотез, предположений, а то и просто выдумок. Объективно оценить правдоподобность гипотез, взвесив аргументы «за» и «против». Найти какие-то твердые точки опоры на обширном, но зыбком просторе всего написанного и высказанного на сегодняшний день о месте битвы на Калке, определить ту «печку, от которой смогут танцевать» те из местных краеведов, кто серьезно будет заниматься этим вопросом.

Литература

1. Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан /Ш. Сандаг //Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. – М. : Наука, 1977. – С.23–45.
2. Рашид ад-Дин. Сборник летописей [Электронный ресурс]. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_2/kniga2/frametext1.html
3. Греков Б.Д. Золотая Орда и ее падение [Электронный ресурс] / Б.Д. Греков, Ю.А. Якубовский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 478 с. http://www.krotov.info/lib/sec/04_g/gre/grekov_00.htm.
4. Тихвинский С.Л. Монголо-татарские завоевания в Азии и Европе /С.Л. Тихвинский //Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. – М. : Наука, 1977. – С. 3–22.
5. Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками /А. Галстян //Татаро-монголы в Европе и Азии: сб. научн. тр. – М. : Наука, 1977. – С. 166–185.
6. Ибн-ал-Асир. Полный свод всеобщей истории. [Электронный ресурс] //Золотая Орда в источниках». Т. 1. – М., 2003. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>
7. Бубенок О.Б. Относительно монгольского присутствия на Боспоре в 1222–1223 гг. [Электронный ресурс] /О.Б. Бубенок //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 26 – 30. <http://annals.xlegio.ru/step/small/bubenok03.htm>.
8. Плетнева С.А. Половцы /С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
9. Челеби Э. Книга путешествия [Электронный ресурс] /Э. Челеби //Ту-рецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666 –1667 гг.) / Пер. и ком. Е. В. Бах-

- ревского. – Симферополь, 1999. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi2/pred.phtml?id=1752>.
10. Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова [Электронный ресурс]. http://fictionbook.ru/author/andreev_a_r/istoriya_kriyma/andreev_istoriya_kriyma.html.
11. Сенаи Кырымлы Хаджи Мехмед. Книга походов: История хана Ислям Гирая Третьего [Электронный ресурс] / Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Кырымлы/text.phtml?id=767>.
12. Похлебкин В.В. Татары и Русь : Справочник /В.В. Похлебкин. – М.: Международные отношения, 2000 . – 189 с.
13. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л. : Изд-во АН СССР, Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 1926–1928. – 379 с.
14. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания /Н.Г. Бережков. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
15. День Ангела. Справочник по именам и именинам [Электронный ресурс]. <http://www.rodon.org/other/daspiii.htm>.
16. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография М.А. Александрова, Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 1908. – 638 с.
17. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 568 с.
18. Летописец Рогожский. Тверские летописи. Древнерусские тексты и переводы. [Электронный ресурс]. – Тверь : Тверское книжно-журнальное издательство, 1999. http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rogozh_let/frametext.htm.
19. Храпачевский Р. П. Материалы источников по битве при Калке [Электронный ресурс] / сост. Р.П. Храпачевский. <http://rutenica.narod.ru/kalka.html>.
20. Герберштейн С. Записки о Московии [Электронный ресурс] / С. Герберштейн. – М. : Изд-во МГУ , 1988. – 430 с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/sost.phtml?id=669>.
21. Тельно Н. «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато–Днепровских земель VI – XIII вв. [Электронный ресурс] / Н. Тельнов, В. Степанов, Н. Руссев, Р. Рабинович. – Кишинев : Высшая антропологическая школа, 2002. – 238 с. http://parasoma.narod.ru/articles/rabinovich_berladniki.htm.
22. Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии /К.В. Кудряшов. – М.: ОГИЗ–Географгиз, 1948. – 171 с.
23. Багрянородный Константин. Об управлении империей / Константин Багрянородный. – М. : Наука, 1991. – 493 с.
24. Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси [Электронный ресурс] /В.В. Мавродин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. – 148 с. http://www.hrono.info/libris/lib_m/morehod00.html.
25. Д.И. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2 [Электронный ресурс] /Д.И. Яворницкий. – К. : Наукова думка, 1990. – 660 с. <http://www.cossackdom.com/book/bookyvor/index.html>.
26. Шаповалов Г.И. Исследования ЭПАР (Экспедиции подводных археологических работ) в 1992 году /Г.И. Шаповалов, Г.И. Нефедов //Археологические

- исследования на Украине в 1992 году. – К. : Институт археологии НАН Украины, Запорожский ГУ, 1993. – С. 141–142. (на украинском языке).
27. Ельников М.В. Золотоордынские времена на украинских землях / М.В. Ельников. – К. : Наш час, 2008 – 176 с. (на украинском языке).
28. Ильинский В.Е. Золотоордынское поселение на о. Хортица /В.Е. Ильинский, А.А. Козловский // Древности степного Причерноморья и Крыма (ДСПК). Т. 4. – Запорожье, 1993. – С. 250–263.
29. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография Э. Праца, Т. 4: Новгородские и псковские летописи. – 1848 – 365 с.
30. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография Ф. Елеонского, Т. 16 : Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. – 1889. – 320 с.
31. Адельберг Л.И. Мосты Запорожья [Электронный ресурс] / Л.И. Адельберг. <http://www.transportmorgo.narod.ru/zpbridges>.
32. Донесение о татарах, сообщенное в Лионе доминиканцем Андре. 1245 г. [Электронный ресурс] //Английские средневековые источники IX–XIII вв. / Тексты, пер., комментарий В.И.Матузовой. – М., 1979. – 268 с. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>.
33. Матвей Парижский. Великая хроника. О татарах, вырвавшихся из пределов своих [и] разоряющих северные земли [Электронный ресурс] //Английские средневековые источники IX–XIII вв. /Тексты, пер., комментарий В.И.Матузовой. – М., 1979. – 268 с. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>.
34. Рассказ Петра, архиепископа России, бежавший от татар, когда его спросили об их жизни. 1244 [Электронный ресурс] //Английские средневековые источники IX–XIII вв. /Тексты, пер., комментарий В.И.Матузовой. – М., 1979. – 268 с. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>.
35. Послание некоего венгерского епископа парижскому епископу. 10 апреля 1242 г. [Электронный ресурс] //Английские средневековые источники IX–XIII вв. /Тексты, пер., комментарий В.И.Матузовой. – М., 1979. – 268 с. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>.
36. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография МВД, Т. 10 : Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – 1885. – 244 с.
37. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л. : Изд-во Российской академии наук, Т. 5 : Софийская I летопись. – 1925. – 240 с.
38. Шовкун В. На берегу реки Конки [Электронный ресурс] /В. Шовкун, В. Архипкин //Индустриальное Запорожье. – Запорожье, 1988. <http://velikayaznamenka.narod.ru/konka1.html>.
39. Шовкун В. Таинственная Калка [Электронный ресурс] / В. Шовкун //Запорожская Сечь. – Запорожье, 1993. – № от 24 июня 1993. http://rassvet.zp.ua/so/country/autors/showkun/showkun_02.html.
40. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам /И.И. Срезневский. – С. Пб. : Типография императорской академии наук, Т. 2 : Л–П. – 1902. – 852 с.
41. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам /И.И. Срезневский. – С. Пб. : Типография императорской

- академии наук, Т. 1 : А–К. – 1893. – 806 с.
42. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. – С. Пб. : Типография императорской академии наук, Т. 2 : З–Н. – 1847. – 471 с.
43. Руденко Н.Г. Сквозь тьму тысячелетий /Н.Г. Руденко. – Мариуполь, 2000.
44. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. – С. Пб. : Типография императорской академии наук, Т. 3 : О–П. – 1847. – 389 с.
45. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII – XV века) /О.Б. Бубенок. – К. : Логос, 2000. – 324 с.
46. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии [Электронный ресурс] /Генрих Латвийский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. – 352 с. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>.
47. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография Л. Демиса, Т. 15 : Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – 1863. – 504 с.
48. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – С. Пб. : Типография Э. Праца, Т. 7 : Летопись по Воскресенскому списку. – 1856. – 345 с.
49. Тихомиров М.Н. Древнерусские города /М.Н. Тихомиров. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1956. – 474 с.
50. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV веках /В.Л. Егоров. – М. : Наука, 1985. – 160 с.
51. Карпини Дж. дель Плано. История Монгалов. Рубрук, Гильом де. Путешествие в Восточные страны / Перевод А.И.Малеина. – М. : Государственное изд – во географической литературы, 1957. – 272 с.
52. Бенедикт Поляк. «История Татар» брата Цезаря де Бридиа [Электронный ресурс] //Христианский мир и «Великая монгольская империя» : Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб. : Евразия, 2002. – 478 с. http://parasoma.narod.ru/articles/kalka_texts.htm.
53. Меховски, М. Трактат о двух Сарматиях. Книга первая. Трактат первый. О Сарматии Азиатской [Электронный ресурс] / М. Меховский. – М. ; Л., 1936. – 288 с. <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/t2s/index.html>.
54. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо [Электронный ресурс]. // Исторический Архив. – Т. 3., М. ; Л., 1940. <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tiepolo/frametext.htm>
55. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне [Электронный ресурс] /Р. Гейденштейн. – СПб., 1889. <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Geidenstein/framedpred>.
56. Ал-Джуджани. Насиры разряды («Табакат–и–Насири») [Электронный ресурс] / Ал-Джуджани //Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М., 1941. <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Juzdjani/frametext.htm>
57. Джувейни. История Завоевателя Мира («Тарих–и–джехангуша») [Электронный ресурс] / Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни //Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М., 1941. <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Juweini/frametext.htm>

58. Вассаф-и-хазрет. История Вассафа [Электронный ресурс] //Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М., 1941. <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Vassaf/frametext.htm>
59. Бадр-ад-Дин ал-Айни. Ожерелье из жемчугов по истории людей своего времени («Икд ал-джуман фи тарих ахл аз-заман»). [Электронный ресурс] // Золотая Орда в источниках. Т. 1., М., 2003. <http://www.midday.narod.ru/10.htm>
60. Псковские летописи /Под ред. А.Н. Насонова. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 364 с.
61. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / М.Д. Приселков. – М. ; Л. : Изд – во АН СССР, 1950. - 514 с.
62. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М. : Наука, Т. 35 : Летописи белорусско–литовские. –1980. – 306 с.
63. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М. ; Л. : Наука, Т. 26 : Вологодско-пермская летопись. – 1959. – 412 с.
66. Софийский Временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. – М. : П. Строев, Типография С. Селивановского, Ч. 1. – 1820. – 456 с.
64. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л. : Наука, Т. 37 : Вологодские и устюжские летописи XVI-XVIII в. – 1982. – 227 с.
66. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М. : Наука, Т. 34 : Пискаревский летописец. – 1978. – С. 31-220.
67. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Л. : Наука, Т. 33 : Холмогорская летопись. Двинский летописец. – 1977. – 249 с.
68. Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды /М.Г. Сафаргалиев. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. – 275 с.
69. Тараненко Д.И. Заметки по топонимике Северного Приазовья /Д.И. Тараненко //Донецкий археологический сборник. Выпуск 3. – Донецк : Аверс, 1993. С. 165 – 172.
70. Отин Е.С. Гидронимия Юго – Восточной Украины: автореф. дис. ... докт. филолог. наук (10.02.19 – общее языкознание). – К.: [б. и], 1974. – 44 с.
71. Отин Е.С. Гидронимы Восточной Украины /Е.С. Отин. – К. : Донецк, 1977. (на украинском языке).
72. Отин Е.С. Топонимический аспект одного события древнерусской истории /Е.С. Отин // Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 431 – 438 (на украинском языке).
73. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /М. Фасмер. – М. : Прогресс, Т.3 : (Муза-Сят). – 1986. – 832 с.
74. Книга Большому Чертежу. – М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.
75. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий / И.П. Магидович, В.И. Магидович. – М. : Просвещение, Т.2: Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). – 1983. – 399 с.
76. Яворницкий Д.И. Остров Хортица на реке Днепре (из поездки по Запорожским урочищам) /Д.И. Яворницкий. – Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1886.
77. Лызлов А. Скифская история [Электронный ресурс] /А. Лызлов. – М. : Наука, 1990. – 235 с. <http://www.krotov.info/acts/17/lyzlov/lyzlov01.html>.

78. Гваньини, А. Описание Московии [Электронный ресурс] /А. Гваньини. – М.: Греко-Латинский кабинет, 1997. – 176 с. <http://www.drevlit.ru/texts/g/gvanini21.php>.
79. Домбровский Д. Использование летописей в польских исследованиях генеалогии русских князей до падения Речи Посполитой /Д. Домбровский // Вестник Удмуртского университета. Серия «История». – Ижевск, 2003. - С. 88 – 98.
80. Дмитриев М.В. Источники по истории Польши (до конца XVIII в.) /М.В. Дмитриев // Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. – М. : Издательство МГУ, 1999. – С. 110 – 156.
81. Кудряшов К.В. О местоположении реки Калки /К.В. Кудряшов //Вопросы истории. – 1954. – №9. – С.118 –119.
82. Боплан Г.Л. Описание Украины [Электронный ресурс] / Г. Л. де Боплан. М. : Древлехранилище, 2004. – 575 с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Voplan2/pred.phtml?id=1590>.
83. Тунманн. Крымское ханство /Тунманн. – Симферополь: Государственное изд-во Крымской АССР, 1936. – 106 с.
84. Каргалов В.В. На степной границе: Оборона «крымской «украины» Русского государства в первой половине XVI столетия / В.В. Каргалов. – М. : Наука, 1974. – 182 с.
85. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. – СПб. : Девриена, Т. 14 : Новороссия и Крым. – 1910. – 983 с.
86. Шевчук С.П. Розовский район: прошлое и настоящее /С.П. Шевчук, В.И. Марюха. – Симферополь: Атлас-Компакт, 2010. – 136 с. (на украинском языке).
87. Самар В.А. История изучения памятников археологии на востоке Запорожской области (Северное Приазовье – Лукоморье) /В.А. Самар // Музейный вестник, Запорожье, 2005. – выпуск 5.– С. 3–31.
88. Пиневиц П.М. Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. 1928 год. ВУАК № 202/26, фонды МКМ, № 6935– К, 52128 КП.
89. Заповедник «Каменные Могилы» – природная и духовная святыня Украины/ Укр. степ. природн. заповедник НАН Украины. Составитель – В.А. Сиренко. – К.: Зеленая планета, 2005. – 84 с. (на украинском языке).
90. Шевчук С.П. Край каменных могил: Наш край с древнейших времен до начала XX столетия / С.П. Шевчук. – К.: Август, 1999. – 108 с. (на украинском языке).
91. Саенко Р.И. Битва на реке Калке: Время и место изменить можно? [Электронный ресурс] / Р.И. Саенко. http://kievrus.com/index.php?action=razdel&razdel=17&subrazdel=81&art_id=1&lang=rus.
92. Марюха В.И. Неоткрытые острова / В.И. Марюха // Роизинформ. – Розовка, 2003. – № 20 (406). – С.3.
93. Самар В.А. Розовский район. Памятники археологии /В.А. Самар, Г.Н. Тощев // Памятники истории и культуры Запорожской области (Великобело-

зерский, Куйбышевский, Розовский, Токмакский районы) /Составитель и научный редактор Т.К. Шевченко. – Запорожье, 2002. – С. 111-124.

94. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII веков /А.Н. Кирпичников. – М. ; Л. : Наука, 1966. –143 с.

95. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники /Г.А Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 274 с.

96. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков /С.А. Плетнева. – М. : САИ, 1973, – 44 с.

97. Кочкаров У.Ю. Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. [Электронный ресурс] /У.Ю. Кочкаров. <http://www.arcaucasica.ru/content/>.

98. Косиков В.А. Древнерусские медальоны / В.А. Косиков, Т. Шаповалов // Памятники Украины. – 1988 – № 1. – С. 44.

99. Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII века на реке Калке /Э.А. Кравченко //Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк : Институт археологии НАН Украины, Донецкий НУ, Т. 3 : Половецко – золотоордынское время. – 2003. – С. 123 –129.

100. Зяблин Л.П. О «татарских» курганах /Л.П. Зяблин //Советская археология. – 1955. – XXII. – С. 83 – 96.

101. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко–этнографический источник [Электронный ресурс] /В.П. Дьяконова. – Л. : Наука, 1975. – 164 с. <http://epr.iphil.ru/store/book95>.

КОНЕЦ

ОБ АВТОРЕ

Тарасенко Евгений Николаевич родился 10 декабря 1953 года в пос. Розовка Розовского района Запорожской области (Украина). В 1971 году окончил розовскую школу № 1. Образование высшее, инженер-механик (с 1976 г., Ждановский металлургический институт), кандидат технических наук (с 1985 г., МВТУ им. Н.Э. Баумана), доцент (с 1992 г.). Автор свыше 30 научных работ в области металловедения, физики металлов и технологии их обработки. В настоящее время живет и работает в городе Норильске (Россия).

Это его первая работа по историческому краеведению, посвященная истории родных мест от каменного века до конца первой четверти XIII столетия.